

Административные рынки СССР и России.

Симон Кордонский

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫЙ РЫНОК.....	6
СОВЕТОЛОГИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ОБ УСТРОЙСТВЕ СССР И ПОНЯТИЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО РЫНКА.	6
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ И СОЦИАЛЬНО- ОГРАНИЧЕНИЯ НА ИЗУЧЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО РЫНКА.	6
СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО И ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ АДМИНИСТРАТИВНОГО ТОРГА.	8
АДМИНИСТРАТИВНЫЙ РЫНОК, МОНЕТАРИСТСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАКЦИЯ НА НЕЕ.	11
АДМИНИСТРАТИВНО-РЫНОЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО - ОНТОЛОГИЯ И ЛОГИКИ ТРАНСФОРМАЦИИ.	14
АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО СССР.....	14
ЛОГИКА РАСПАДА СССР И АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА РОССИИ.	17
ИЕРАРХИИ ВЛАСТИ В СССР И ИХ ПРОСТРАНСТВЕННАЯ СТРУКТУРА.....	23
ОБЩЕЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ВЕТВЯХ ВЛАСТИ.	23
УРОВЕНЬ " СССР В ЦЕЛОМ"	23
УРОВЕНЬ "СОЮЗНАЯ РЕСПУБЛИКА"	28
УРОВЕНЬ "ОБЛАСТЬ (КРАЙ)"	28
УРОВЕНЬ "ГОРОД"	32
УРОВЕНЬ "РАЙОН"	33
УРОВЕНЬ "ПОСЕЛЕНИЕ"	35
АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ВЕСА НА ВЫСШЕМ УРОВНЕ РУКОВОДСТВА СССР.	35
НЕОБХОДИМОСТЬ МНОГОУРОВНЕВОЙ СТРУКТУРЫ ВЛАСТИ.	38
ФОРМЫ СВЯЗИ МЕЖДУ УРОВНЯМИ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ	39
СУБОРДИНАЦИЯ И КООРДИНАЦИЯ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ.....	41
СОЦИАЛЬНО - УЧЕТНАЯ СТРУКТУРА АДМИНИСТРАТИВНО - РЫНОЧНОГО ОБЩЕСТВА	45
ПОНЯТИЕ СОЦИАЛЬНО - УЧЕТНОЙ ГРУППЫ. СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ РЕЖИМ.....	45
ВЫБОРНОСТЬ И НОМЕНКЛАТУРНОСТЬ.	51
ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА СОВЕТСКОГО АДМИНИСТРАТИВНОГО РЫНКА И ЛОГИКА ЕЕ ПОСТПЕРЕСТРОЕЧНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ.	55
СТРУКТУРА СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ.	55
ПАРТКОМИТЕТЫ КПСС - ОБЪЕКТИВАЦИЯ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ОТРАСЛЯМИ.	58
ИЕРАРХИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ И СТРУКТУРЫ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ.	61
АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ТОРГ И ТЕНЕВАЯ ЭКОНОМИКА.	61
ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ЛИНИЯМИ УПРАВЛЕНИЯ- ВИД "СВЕРХУ".....	65
МАТЕРИАЛЬНЫЕ И ФИНАНСОВЫЕ ПОТОКИ НА АДМИНИСТРАТИВНОМ РЫНКЕ.	66
АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ТОРГ И КОНФЛИКТЫ В ТЕРРИТОРИАЛЬНО -ОТРАСЛЕВОЙ СТРУКТУРЕ КАК ПРЕДПОСЫЛКИ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ФОРМ ПОСТПЕРЕСТРОЕЧНОГО АДМИНИСТРАТИВНОГО РЫНКА.....	67
ЦИКЛЫ ПЕРЕСТРОЕК И ГРУППЫ ДАВЛЕНИЯ.	72
РАЗГОСУДАРСТВЛИВАНИЕ ОТРАСЛЕЙ И ТЕРРИТОРИЙ.	73
ТРАНСФОРМАЦИЯ ПАРТИЙНОЙ КОМПОНЕНТЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО РЫНКА И ПОСТПЕРЕСТРОЕЧНЫЕ НЕГОСУДАРСТВЕННЫЕ ФИНАНСОВЫЕ ИНСТИТУТЫ.	74
ТРАНСФОРМАЦИИ ПАРТИЙНОЙ КОМПОНЕНТЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО РЫНКА И ПОСПЕРЕСТРОЕЧНЫЕ ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ.	76
КОММЕРЦИАЛИЗАЦИЯ ИЕРАРХИЙ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ.	77
КОММЕРЦИАЛИЗАЦИЯ ИНСТИТУТА ПОСРЕДНИКОВ.....	79
КОНФЛИКТНОСТЬ В ИЕРАРХИЯХ РОССИЙСКОГО АДМИНИСТРАТИВНОГО РЫНКА.....	79
ВАУЧЕРНАЯ ПРИВАТИЗАЦИЯ КАК ФЛУКТУАЦИЯ ОТНОШЕНИЙ ВЛАСТИ И СОБСТВЕННОСТИ.	80
ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА АДМИНИСТРАТИВНОГО РЫНКА.....	82
ДОПЕРЕСТРОЕЧНАЯ ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА АДМИНИСТРАТИВНОГО РЫНКА.	82

ФРАГМЕНТЫ ПРОСТРАНСТВА АДМИНИСТРАТИВНОГО РЫНКА И ЕГО ИЗМЕРЕНИЯ.....	86
НОМЕНКЛАТУРНО-ТЕНЕВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ.	88
НОМЕНКЛАТУРНО-КРИМИНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ.....	90
ГРАЖДАНСКО-ТЕНЕВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ.	91
КРИМИНАЛЬНО - ГРАЖДАНСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ.....	92
КРИМИНАЛЬНО - ТЕНЕВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ.	93
СПЕЦИФИКА ПЕРЕСТРОЙКИ В ТЕРМИНАХ СХЕМЫ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ АДМИНИСТРАТИВНОГО РЫНКА.....	95
ПОСТПЕРЕСТРОЕЧНАЯ ФОРМА АДМИНИСТРАТИВНОГО РЫНКА.....	95
НОМЕНКЛАТУРНАЯ ПРИВАТИЗАЦИЯ (НОМЕНКЛАТУРНО-ГРАЖДАНСКАЯ ФОРМА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ).	99
ТЕНЕВАЯ ПРИВАТИЗАЦИЯ (НОМЕНКЛАТУРНО-ТЕНЕВАЯ ФОРМА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	100
КРИМИНАЛЬНАЯ ПРИВАТИЗАЦИЯ (НОМЕНКЛАТУРНО-КРИМИНАЛЬНАЯ ФОРМА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ).	100
ИНСТИТУАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОЙ СОБСТВЕННОСТИ (ГРАЖДАНСКО-ТЕНЕВАЯ ФОРМА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ).	101
БЫТОВОЕ ВОРОВСТВО (ГРАЖДАНСКО-КРИМИНАЛЬНАЯ ФОРМА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ)	102
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ВОРОВСТВО (КРИМИНАЛЬНО-ТЕНЕВАЯ ФОРМА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ)	102
ИЗМЕРЕНИЯ ПОСТПЕРЕСТРОЕЧНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА.....	102
ИЕРАРХИЗИРОВАННОСТЬ РОССИЙСКОГО АДМИНИСТРАТИВНОГО РЫНКА.....	105
НАПРАВЛЕНИЯ ЭВОЛЮЦИИ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ПОСТПЕРЕСТРОЕЧНОГО АДМИНИСТРАТИВНОГО РЫНКА.....	106
ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО ВЕСА.....	108
ОБЫДЕННОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ИЕРАРХИИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ.....	113
ГРУППЫ (КОМАНДЫ) В СТРУКТУРЕ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ.....	114
ИЗБЫТОЧНОСТЬ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ.....	116
АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ВЕСА В ПРЕДСТАВИТЕЛЬСКОЙ ИЕРАРХИИ ВЛАСТИ.....	116
АДМИНИСТРАТИВНЫЕ МЕСТА В СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ.....	119
“ЧЕТВЕРТАЯ ВЛАСТЬ” - СТРУКТУРА АДМИНИСТРАТИВНЫХ ВЕСОВ.....	120
ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ВЕТВЯМИ ВЛАСТИ И СРАВНЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ВЕСОВ (ИГРА В “КТО ГЛАВНЕЕ”).....	121
НЕКОТОРЫЕ ВОЗМОЖНЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА РЫНКЕ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ВЕСОВ.....	122
АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ВЕСА В МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ.....	125
ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ИЕРАРХИЯМИ ВЛАСТИ И ДРУГИМИ РЕАЛЬНОСТЯМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.....	126
СРАВНЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНЫХ СИСТЕМ США И РОССИИ.....	127

ИЗМЕНЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ И ЯЗЫКОВ ОСМЫСЛЕНИЯ ЖИЗНИ ПРИ ТРАНСФОРМАЦИИ АДМИНИСТРАТИВНОГО РЫНКА..... 128

СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА.....	128
ФУНКЦИОНЕРЫ, ДИССИДЕНТЫ И ОБЫВАТЕЛИ КАК ИДЕАЛЬНЫЕ ТИПЫ.....	129
ЯЗЫКИ ОБЩЕНИЯ.....	130
ФОРМАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СТРАТАМИ И ДИАЛЕКТАМИ.....	131
ДИАЛЕКТЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА.....	133
КОМПОНЕНТЫ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ДИАЛЕКТА (ЭЛЕМЕНТЫ ДЕРЕВЯННОГО ЯЗЫКА).....	134
ЭЛЕМЕНТЫ ДИССИДЕНТСКОГО ДИАЛЕКТА (КОМПОНЕНТЫ ЯЗЫКА ИСТИНЫ).....	135
КОМПОНЕНТЫ ОБЫДЕННОГО ДИАЛЕКТА.....	135
ЛЮДИ В ЯЗЫКОВОЙ СРЕДЕ ПЕРЕСТРОЙКИ.....	135
ДЕСТРУКЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО И ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В ХОДЕ ПЕРЕСТРОЙКИ.....	137

ПОЛИТИЧЕСКАЯ САМООРГАНИЗАЦИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-РЫНОЧНОГО ОБЩЕСТВА..... 141

ПОЛИТИКА И ПОЛИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ И ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВАХ.....	141
МИФОЛОГЕМЫ И ИДЕОЛОГЕМЫ.....	142
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ МИФОЛОГЕМЫ.....	143
ФОРМАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СТРУКТУРЫ МИФОЛОГЕМ.....	145
ПЕРЕСТРОЙКА КАК ПОПЫТКА РЕАЛИЗАЦИЯ МИФОЛОГЕМ.....	148
ФОРМАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ РАСПАДА МИФОЛОГЕМ И ФОРМИРОВАНИЯ ЧАСТИЧНЫХ ИДЕОЛОГЕМ.....	150
КОНТУРЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ПОСТПЕРЕСТРОЕЧНОГО ОБЩЕСТВА.....	152
ВЫБОРЫ 17 ДЕКАБРЯ 1995 ГОДА КАК ЭТАП СТАНОВЛЕНИЯ СТРУКТУРЫ НОВОГО МИФОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА.....	153
ПРОГНОЗ РЕЗУЛЬТАТОВ ВЫБОРОВ ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ.....	157

ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ КАК АДМИНИСТРАТИВНО-РЫНОЧНЫЙ ТОВАР.	160
ГЕНЕЗИС ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ.	160
СТРУКТУРА ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ.	162
ИНТЕЛЛИГЕНТСКИЕ АДМИНИСТРАТИВНЫЕ РЫНКИ.	163
ТОРГ НА ИНТЕЛЛИГЕНТСКОМ АДМИНИСТРАТИВНОМ РЫНКЕ.	165
ИНТЕЛЛИГЕНТСКАЯ ЭСТЕТИКА.	169
ИНТЕЛЛИГЕНТСКАЯ ГНОСЕОЛОГИЯ.	172
ИНТЕЛЛИГЕНТСКИЕ ОНТОЛОГИЯ И ЭТИКА.	174
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.	177
ЗАКЛЮЧЕНИЕ - НАЧАЛО 1997 ГОДА.	180
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.	185

ВВЕДЕНИЕ.

Представляемая книга составлена из отдельных работ, частично опубликованных в период с 1987 по 1995 год. Тексты отредактированы в 1995 -1996 годах. В работе использован формальный аппарат, разработанный в основном мной, который - по предложению С. Чебанова - называется веерными матрицами, и соответствующие матрицам графы. Необходимо отметить, что таблицы, рисунки и схемы не иллюстрации к тексту, а именно формальный аппарат, представляющий в максимально концентрированном виде онтологические основания авторского представления реальности социализма, ее основные различия и отношения между ними. К сожалению, мне неизвестны собственно математические основания такого рода конструкций. По мнению специалистов, веерные матрицы являются частным случаем теории типов в смысле Хао Вана или, может быть, одним из видов фракталов.

Аппарат веерных матриц дает возможность совместить казалось бы несовместимые представления. Речь идет о том, что социологические и экономические теории строятся в понятиях, в противном случае они теориями не являются. Однако обыденное и политическое описание реальности, а тем более процесс принятия решений персонифицированы. Понятия социологии и экономической теории, с одной стороны, и представления о личностях агентов политических и экономических процессов, с другой, существуют в разных интерпретационных пространствах. Чаще всего поведение реальных людей используется теоретиками лишь как примеры, иллюстрирующие предметные построения.

В данной работе отношения административного рынка объективируются в понятиях людей, действующих агентов торга, т.е. в носителях свойств исследуемого целого. Имена политиков, бизнесменов, администраторов (или имена их статусов в разных отношениях административного рынка) в реализованном в данной работе подходе становятся идеальными объектами теоретических конструкций. При этом процессы, происходящие на административном рынке, становятся более зримыми, эмпирически определенными и представимыми как изменение отношений между идеальными типами, носителями свойств социального и экономического целого.

Методологические подходы и методические приемы, использованные в работе, практически не применялись в социологическом исследовании. Они больше специфичны для математики и теоретической физики, в которых работа с идеальными объектами как элементами объясняющих конструкций давно уже стала атрибутирующим научность компонентом. Работа не претендует на исчерпывающее описание административного рынка. Возможны, наверное, десятки, если не сотни взаимодополнительных и равно необходимых его теоретических описаний. Я ограничиваюсь исследованием лишь немногих по моему собственному интересу выбранных аспектов организации экономической и социальной жизни в СССР и постперестроечной России. При этом я исхожу из того, что в ходе социалистических преобразований были радикально трансформированы такие базовые реальности, как социальные пространство и время, социальная структура и экономика. Описание социалистических пространственных и временных реалий составляет содержание первых глав работы: это общие формальные принципы устройства СССР как административного рынка, такие как административно-территориальное деление, территориально-отраслевая организация производства и жизни, административный режим (институты прописки, КЗОТа и воинского учета), административные веса функционеров в иерархиях доперестроечной власти, социально-учетная структура.

Во следующих главах рассматриваются реалии, которые возникли при выживании людей в институтах советского административного рынка: теневая социальная структура, социалистические мифологии социального времени, интеллигенция и ее роль в трансформации советского административного рынка в российский.

Автор благодарит директора Института национальной модели экономики В. Найшуля и членов института - Б. Львина, Г. Сапова, Г. Лебедева, В. Широнина, В. Каганского, С. Павленко в творческом взаимодействии с которыми возникли основные посылки этой работы.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫЙ РЫНОК.

Советологическое представление об устройстве СССР и понятие административного рынка.

Существуют две считающихся научными точки зрения на то состояние СССР и России, которое было разрушено в ходе перестройки и монетарной революции. Согласно первой точке зрения - бывшей почти общепринятой в среде советологов и выраженной У. Черчиллем в афоризме "В России все запрещено, а то, что разрешено, обязательно", в СССР была тоталитарная система с плановой экономикой. Однако это точка зрения не выдерживает скольнибудь серьезной экономической и политической критики, поскольку не представима в понятиях соответствующих областей знания. Советология умерла вместе с СССР, а профессиональные экономисты и социологи рассматривают соответствующие институты социализма не как тоталитарные. Любой человек, выросший при социализме, понимает, что он жил вовсе не при тоталитарном режиме, а в стране, где можно было практически все, но при определенных условиях.

Вторая точка зрения, претендующая на научность, представлена теорией административно-командной системы Г.Х. Попова, которая не более чем распространение мифологизированных представлений об идеальной бюрократии на советскую реальность. Административные методы, а тем более приказы, как известно, были неэффективны при управлении советской реальностью, во всяком случае в последние десятилетия ее существования. Бюрократии как социального слоя в СССР не было, как нет его и в России.

С точки зрения, развиваемой в этой работе, в СССР и наследовавших ему государствах существует реальность, которую удобнее всего называть административным рынком, т.е. жестко, но многомерно иерархизированной синкретичной системой (где экономическая и политическая компоненты даже аналитически не могли быть разделены), в которой социальные статусы и потребительские блага конвертируются друг в друга по определенным отчасти неписанным правилам, меняющимся во времени.

Существовали разные варианты административного рынка, которые в общем соответствовали организационным формам, специфичным для времен правления Хрущева, Брежнева и Андропова. Они различались между собой тем, на каких ресурсах они основывались и какие статусы и ценности становились предметом административного торга.

Мифологема "период застоя", которой обозначается последние десятилетия существования социалистического государства, скрывает чрезвычайно развитую социальную реальность, в которой понятийный аппарат теории административного рынка позволяет аналитически выделить пространственную и временную компоненты, рафинированную социальную структуру и утонченную (хотя и предельно извращенную) идеологию. Естественно, что это вовсе не те социальное пространство и время, социальная структура и идеология, которые рассматриваются в теориях классической и марксистской социологии.

Институциональные и социально-психологические ограничения на изучение административного рынка.

Советский административный рынок, сформировавшийся в период правления Брежнева (он в основном и рассматривается в предлагаемой работе), был закрыт в основных параметрах функционирования не только для исследования, но и для

обыденной рефлексии своими собственными агентами. Административно-рыночные отношения, какие они были в СССР и есть сейчас в России, интуитивно ясны каждому обладателю советского паспорта - по факту проживания в стране победившего, но не сумевшего воспользоваться своей победой социализма. В противном случае эти люди бы не выжили. Однако эта интуитивная ясность с большим трудом поддается вербализации, поскольку отсутствует необходимый понятийный аппарат. Можно предположить, что существуют некие внутренние ограничения-комплексы, затрудняющие познавательные операции. Необходим своего рода психоанализ для того, чтобы эксплицировать аффекты, которые продолжают направлять поведение бывших советских людей, волей-неволей переходящих от одного варианта административного рынка к другому.

Общим для граждан бывшего СССР, в том числе и исследователей-обществоведов, стало забвение своей новейшей истории. Из памяти политических и экономических деятелей послереволюционного времени, как и обычных людей вытеснено ближайшее прошлое. Оно замещено ложной памятью о том, чего с этими людьми не было и не могло быть. Граждане российского государства размышляют о том, что было до социалистической революции, в 20, 30 или 60 годы так, как будто это было вчера. Для понимания происходящего они обращаются к опыту Польши, Боливии, Чили, Англии, США, Китая. И совершенно не задумываются над тем, что действительно происходило в СССР в 70 и 80 годы и что собственно определяет происходящее с ними в России сегодня - о брежневском административном рынке и специфичных для него отношениях, когда очень многое нельзя было купить ни за какие деньги, но только получить “по очереди”, достать “по блату” или “за бутылку”.

Эта ретроградная амнезия, с моей точки зрения, связана с тем, что основным видом деятельности на советском административном рынке было воровство в весьма многообразных и часто экзотичных формах, так или иначе культивируемое государством. Причастность к воровству вытесняется из поля осознания, мотивы воровства социализируются, точно также как происходит с сексуальными отношениями в предмете классического психоанализа. Без адекватной диагностики основных комплексов, как известно, лечение невозможно. А диагностика состоит прежде всего в осознании исходных конфликтов и назывании скрытых от осознания сущностей, мотивов и действий своими именами.

Общеизвестно, что социалистическое государство определило себя в самом начале своей истории как институт экспроприации. Оно последовательно экспроприировало имущество своих невольных граждан, потом отношения между ними. В конечном счете экспроприации подверглась способность его граждан осознавать свое положение и действия.

Простые граждане государства победившего социализма “получали по труду”, т.е. по социально-экономическим нормативам. Однако полученного чаще всего было недостаточно для простого выживания. Для удовлетворения минимальных потребностей люди вынужденно становились “несунами”, “расхитителями социалистического имущества”, “цеховиками”, и др, отчуждая у экспроприирующего государства необходимые им продукты питания, материалы и машины. Эта их деятельность, иногда основная, не рефлексировалась как форма воровства. Более того, она вытеснялась в социалистическое подсознание “простых тружеников”, в то время как в их сознании доминировали идеологизированные комплексы “честного труда во благо прогрессивного человечества”.

Социалистическое государство естественно реагировало на нарушение своего неотъемлемого права на экспроприацию. Поэтому десятки миллионов его граждан прошли социализацию в тюрьмах и лагерях, где освоили многообразные высокопрофессиональные виды воровства. И независимо от того, нравилось им или не нравилось их занятие, после освобождения из “мест лишения свободы” они становились профессиональными или почти профессиональными ворами.

С другой стороны, сотни тысяч граждан социалистического государства занимались профессиональным воровством чужих государственных и коммерческих секретов во благо государства, в то время как миллионы других осваивали украденное первыми и разрабатывали соответствующие образцы отечественной продукции, зная или догадываясь о происхождении информации, прототипов и технологических схем. Негативное отношение к воровству как виду деятельности у этих “абсолютно честных людей” ничуть не мешало им красть и “осваивать” краденое “во имя конечного торжества социалистической идеи”.

Сочетание практики экспроприации (просто потому, что иначе это государство существовать не могло) и идеологии, отрицающей эту практику и осуждающей ее с позиций “общечеловеческих ценностей” стало конституирующим признаком перестройки. Бесславный конец перестройки во многом связан с отсутствием у ее руководителей понимания конструкции “перестраиваемой” реальности, в стремлении бороться со ставшими естественными феноменами и отношениями, а не попытаться использовать конструктивные особенности системы для достижения своих высоких целей.

Политики, пришедшие к власти в России и других республиках - государствах в конце 80 и начале 90 годов, действовали проще и - для административного рынка - логичнее. Они экспроприировали у СССР его основу - республики, и тем самым воспроизвели логику экспроприации на таком уровне, который не снился их марксистко - ленинским учителям. Эта логика экспроприации и административной торговли экспроприированным будет, очевидно, воспроизводиться до тех пор, пока сохраняется административный рынок.

Социальное пространство и общие принципы организации административного торгога.

Административный торг, в отличие от обычных рыночных отношений торгога, вовлекает в себя ценности и институты, появление которых в виде товара на “капиталистическом” рынке чаще всего исключено. Рыночная экономическая деятельность не иерархична, связи в ней по преимуществу горизонтальны. Известные рыночные иерархические институты, такие как биржи и банки, вписаны в не иерархичные отношения и не могут существовать вопреки рыночным законам. Покупатели и продавцы на рынке равны, и мерой всех вещей служат деньги. Количество денег, имеющих в распоряжении агента рынка, есть мера его значимости в экономике.

В отличие от рыночной, политическая деятельность иерархична и определяется априорными ценностями, целями и средствами для их достижения. Политическая деятельность иерархизирует включенных в нее людей, наделяет их властными полномочиями. Политический статус является капиталом политика, которым он пользуется для достижения своих целей. А цели, как правило, заключаются в стремлении к повышению политического веса (статуса) или, как минимум, его сохранению, так как только обладая политическим весом политик может достигать свои цели.

На советском административном рынке политическая и экономическая реальности составляли синкретичное целое, где все деятельности были иерархизированы. Стоимости, товары, ценности, цели и средства их достижения были слиты в единое административное целое, и обладание средствами для достижения каких-то целей делило людей на страты, т. е. социальные группы социалистического общества. Экономическое положение членов групп социалистического общества было однозначно связано с их политическим (в специфическом для социализма смысле) статусом. Система политических статусов (социальное происхождение, образование, социальное положение, место жительства, и т.п) задавала экономическое положение гражданина СССР. Несоответствие между политическим статусом и экономическим положением (в

том числе и уровнем потребления) членов разных социальных групп были предметом особого внимания партийных, советских и репрессивных органов.

Иерархизированность (т.е. политическая значимость) всех деятельности сочеталась со всеобъемлющим торгом между обладателями административных прав на потребительские ценности. Последние всегда были в “дефиците” и получить их можно было только предъявив свои административные права на них, постояв при этом в очереди и поторговавшись с теми, кто распределяет блага.

Народно - хозяйственный комплекс СССР в целом был огромным административным рынком, в котором отрасль, отдельное предприятие, единица административно-территориального деления, социально - учетная группа и отдельный человек были только одними из многих элементов, обладающих инвариантной структурой. Каждое предприятие принадлежало какому-либо отраслевому министерству и было приписано к конкретной территории. Над предприятиями были надстроены уровни отраслевой иерархии - объединения, тресты, главки, союзные и республиканские министерства, в то время как районы - низшие единицы территориального устройства - интегрировались в города, области, союзные и автономные республики.

Деятельность предприятий и организаций местного подчинения координировалась исполкомами местных Советов народных депутатов и подведомственными им организациями - управлениями и отделами исполкомов и подчиненными им предприятиями и организациями. Деятельность предприятий и организаций, расположенный на этой же территории и не попадавших под юрисдикцию органов Советской власти, координировалась партийными комитетами территорий - райкомами, горкомами, обкомами, центральными комитетами КПСС союзных республик.

Критерии успешности деятельности на административном рынке заключались в повышении статуса в иерархиях того, что считалось властью, т. е. в переходах линейных руководителей, например, в положение руководителей предприятий, или руководителей предприятий в партийную или советскую иерархии управления. Или в смене места жительства простых граждан в системе ранжированных по категориям снабжения поселений - из села в город, из города областного подчинения в областной центр, из областного центра в республиканскую столицу, или - предел мечтаний советского человека - в столицу нашей родины, главный распределитель статусных благ, в Москву.

Отношения административного рынка реализовались в административных рамках, заданных отраслевой структурой производства, административно - территориальным делением государства и особыми административно - рыночными институтами управления - вертикалями аппарата КПСС и исполкомов Советов.

Сетка административно - территориального деления была “накинута” на “шестую часть суши”. Многие, если не все проблемы СССР как части Евразии проистекали из необходимости контролировать огромное и плохо освоенное географическое пространство. Сотни лет шло социальное и экономическое освоение нынешней российской географии, в ходе которого маргиналы разных сортов - от казаков до зеков - колонизировали населенные автохронными народами территории, превращая их в провинции империи. При этом система имперского управления и отношения между Центром и периферией менялась от века к веку лишь по форме.

Напряжения и несуразности в социальной структуре империи не переходили в новое качество, в новую социальную организацию общества (как это было в Европе), а элиминировались в организованных или ситуативных миграциях маргиналов, которые, заселив новые имперские территории, воспроизводили социальную структуру империи, ее уклады, слои, страты и государственные институты. Сосланные, высланные, бывшие каторжане и просто сбежавшие от долгов (или их потомки в первом поколении) становились губернаторами, уездными начальниками, мировыми судьями, комиссарами, председателями исполкомов и секретарями обкомов, им даровали наследуемое или

личное дворянство, членство в КПСС и право управления территориями размером с европейское государство.

В ходе географического освоения не возникало необходимости в экономической модернизации. Колонизируемые территории становились сырьевыми придатками Центра, отчуждавшего и распределявшего им ресурсы, необходимые для поддержания жизни и имперской социальной структуры. Центр создавал и хранил огромный “общак”, из которого подпитывал разного рода “зоны” - отрасли и регионы. Унифицированные отчуждающе - распределительные отношения между Центром и периферией определили и территориально - административную организацию государства, где структура власти на любом нижерасположенном уровне административного управления воспроизводила более-менее точно структуру управления вышележащего уровня, и где два любых смежных уровня административно-территориальной иерархии находились (особенно в Советское время) в перманентном торге, суть коего заключалась в пропорциях между отчуждаемыми от нижерасположенного уровня и распределяемыми вышележащим уровнем (в том числе в пользу нижележащих уровней и отраслей народного хозяйства) промышленных, продовольственных и сырьевых товаров. Отрасли и регионы стремились отдать в “общак” поменьше, а получить побольше. Торг между смежными уровнями административно-территориальной иерархии, сопряженный с административным торгом между отраслями народного хозяйства и составляли административный рынок.

Отношения между смежными уровнями административно - территориальной иерархии не требовали экономических новаций, ведь единственным способом решения проблем отчуждения-распределения было повышения статуса уровня (республики, области, района, города) в административной иерархии, что автоматически обеспечивало право на увеличение объема ресурсов, отчуждаемого от нижних уровней и присваиваемого данным уровнем. В истории государства были периоды, когда исчерпывались традиционные ресурсы, или когда государство ослабевало настолько, что не могло уже ни отбирать, ни распределять. Это эпохи социальных революций, неизменным результатом которых было воспроизводство прежних отношений между центром и периферией, основанных на новых видах ресурсов, или на новой, более изощренной форме принудительного отчуждения и распределения.

В новейшее время административный рынок основывался на топливно - сырьевых ресурсах, даровой рабочей силе эзков и стройбатовцев, а также на принудительном труде образованных людей. Уменьшение добычи энергоресурсов и исчезновение даровой рабочей силы (стало сажать некого, да и труд эзков перестал быть эффективным), а также из-за того, что вооруженному экспорту социальных напряжений (такому как агрессия в Афганистане), их был положен естественный с точки зрения ведущих мировых держав предел)), привело к тому, что система в целом стала неэффективной, не обеспечивающей необходимого уровня отчуждения ресурсов с нижних уровней иерархии, и необходимого же уровня распределения.

Перестройки и реформы последнего десятилетия можно рассматривать как поиск ресурсов для поддержания прежних отношений между центром и периферией. Они начались с “борьбы за повышение трудовой дисциплины”, потом власти искали, кого сажать - среди алкоголиков, получателей нетрудовых доходов, расхитителей социалистического имущества, а закончились поиском “путей повышения эффективности народного хозяйства”, ускорением, изменением отраслевой организации экономики. Ресурсы обнаружены не были, “общак” опустел, в результате СССР исчез.

В России, наследовавшей СССР не только внешние долги, поиск ресурсов продолжался. Последний резерв был обнаружен в рынке, в капитализме, в деньгах. Освоение этого ресурса - новой формы “общака” - составило содержание постперестроечной жизни. Но рынок и деньги даже в своих самых грубых проявлениях оказались плохо совместимыми с социальной структурой, традиционными отношениями между Центром и периферией и с отраслевой организацией экономики, т.е. с

государством. Именно поэтому ни рынок в традиционном смысле этого слова, ни деньги до сих пор еще не появились в России. Вместо них есть постперестроечная форма административного рынка и специфические “русские деньги”, потоки и количество которых государство планирует и регулирует точно также, как планировало поставки продуктов питания и ширпотреба до перестройки. “Дефицит” денег атрибутирует постперестроечную экономику России в той же мере, в которой дефицит товаров и услуг определял экономику и социальную жизнь в СССР.

Административный рынок, монетаристская революция и политическая реакция на нее.

Позитивное значение “рыночных реформ” для России велико, однако это совсем не те достижения, о которых говорят реформаторы, оправдываясь перед оппозицией, консервативными экономистами и гражданами еще недавно великого государства. Позитивные итоги “радикальной экономической реформы” заключаются в усилении социального расслоения, в коммерциализации власти (т.е. в увеличении коррупции), в обретении социальной структурой динамики за счет того, что все большая часть населения вынуждена “крутиться” (не потому, что у них такие ценности, а просто для выживания), и особенно в деструкции административно - территориальной структуры России, в ее регионализации, т. е. в изменении вековых отношений между Центром и периферией. Достижения реформаторов - как раз то, что ставится им в вину социалистическими и фундаменталистскими оппонентами.

Насилие, совершенное интеллектуалами - экономистами и бывшими партийными функционерами, ставшими антикоммунистами, над социальной и административно - территориальными структурами (а не над экономикой, как считают они сами) привело к началу конвертации государственных статусов (а не рубля), к практически легальному определению того, сколько стоит тот или иной государственный пост или необходимое экономическое и политическое решение. Повальная коррупция и взяточничество (растаскивание “общака”), постепенно разрушающее многоуровневую структуру имперского управления, с моей точки зрения, гораздо меньшее зло, нежели очередная революция (т. е. насильственное изменение социальной структуры и отношений собственности), в результате которой к власти пришли бы люди, не знающие, что с ней делать и намеренные строить какое-нибудь очередное светлое будущее.

Постперестроечные экономические и социальные изменения не были прямым результатом деятельности реформаторов. Реформаторы - идеалисты, движимые сугубо марксистской идеей доминирования экономических законов над социально-политической и административной реальностями, создали условия для того, чтобы освободить социальные группы, сформированные реальным социализмом, от пут каких-либо законов. Теперь в борьбе отраслевых и региональных групп с федеральной властью и между собой возникают новые правила политической и экономической жизни.

Советский административный рынок мог существовать в условиях, когда административные статусы торгующихся были однозначно определены. Это было необходимо в первую очередь для определения того, на какую долю из “общака” мог претендовать каждый обладатель должности, носитель почетного звания и других социально-учетных характеристик. Каждая из иерархий власти на каждом уровне своей организации эмиттировала до перестройки свои административные деньги - как знаки своих прав на долю. Но “физические” размеры доли не были однозначно определены и поэтому при реальном распределении власти возникал торг. При этом все знали, что бумажки со грифом “ЦК КПСС” давали право на большую часть доли, чем бумажки со грифом обкома партии или Советов народных депутатов. Листы бумаги в ходе делопроизводства наделялись функциями ценных бумаг, у каждого вида которых был определенный круг хождения. Полной, в том числе и инвалютной конвертируемостью

обладали только бумаги, визированные членами Политбюро ЦК КПСС, в то время как все остальные бумаги конвертировались от случая к случаю. Неполная конвертируемость социалистических ценных бумаг - постановлений создавала некоторую неопределенность в их обращении и в дележе такого рода "акционерной" собственности.

Эта неопределенность компенсировалась особым видом отношений административного рынка - взаимнообменными отношениями, при которых чиновники одного уровня обменивались административными услугами (правами на долю) по их потребительской стоимости. Чиновнику можно было "дать в лапу" за нужное решение, а можно было надавить на него сверху и получить тот-же самый результат. Но в любых ситуациях был ясен статус человека, принимающего решение. После крушения высшего уровня административного рынка - органов управления СССР исчез генератор определенности статусов, т.е. система, которая определяла старшинство, ранг административной валюты и, соответственно, право на долю из "общака".

Естественно, что на административном рынке началась паника, девальвация всех валют и борьба между эмитентами за старшинство. Последнее стало называться политической жизнью эпохи перестройки. Зародышами (точками, в которых собственно и концентрируются силовые усилия борющихся сторон) стали сопряжения отраслей и территорий, традиционные для этого государства места конфликтов. Отрасли в ходе преобразований были "опущены" до уровня, на котором они непосредственно столкнулись с региональными органами власти в борьбе за перераспределение ресурсов. Регионы поднялись до статуса самоопределяющихся во многих отношениях административных субъектов. Можно предположить, что некоторая стабильность будет достигнута только тогда, когда отрасли и регионы самосогласуются, т.е. когда некоторая совокупность отраслей, расположенных в регионе, замкнется в административно - территориальное образование государственного ранга, органы управления которого создадут генераторы определенности статусов и свои "общаки".

Обычное (несоциалистическое) государство - это форма сопряжения политических и экономических отношений в системе властных институтов. В раннем СССР сопряжение было полным, с редукцией всех форм сопряжения к силовым институтам, которые собирали "общак" и его же распределяли. В хрущевское и брежневское время место силовых институтов заместили разные территориальные или отраслевые "мафии", контролировавшие распределение. После распада СССР эти "мафии", неравномерно распределенные в постсоветском пространстве, стали единственными реальностями, постепенно приобретающими формы национальных государств с весьма специфично организованной экономикой и политикой.

До реформ 1992 года в стране не было социального слоя, жизненно заинтересованного в экономической либерализации и в формировании другой политической системы, нежели административный рынок. Реформы облегчили формирование этого слоя, нуждающегося прежде всего в реальном изменении отношений власти и собственности и отношений между центром и периферией. "Новые люди" заинтересованы в ускорении социального расслоения (это увеличивает их социальную базу) и в формировании силовых институтов, которые могли бы контролировать поведение "новых люмпенов", обратной стороны процесса формирования слоя "новых богатых". Коммерциализация власти, как бы внешне неприглядно она не выглядела, также ускоряет формирование слоя "новых людей", заинтересованного в изменениях отношений власти и собственности.

В мировоззрении людей, уже ушедших из социализма, но продолжающих быть с ним связанными по происхождению, можно, как мне кажется, выделить две полярные тенденции. В одной из них государство рассматривается как самоценность, а награбленное государством за семьдесят лет его истории считается общенародным достоянием. Присвоение (приватизацию) государственного имущества носители этого типа мировоззрения (новые бедные) считают воровством. Новые бедные не считают себя

и других полноценными юридическими лицами (не признают себя существующими вне этого государства и помимо его), и потому протестуют против попыток лидеров государства раздать его собственность. Во второй тенденции государство рассматривается как минимум силовых институтов, обеспечивающий неприкосновенность присвоенной у этого же государства собственности. Исповедующие эту точку зрения (новые богатые) считают себя сверхполноценными юридическими лицами и потому не удовлетворены тем, что государство считает их гражданами "второй свежести" и предпочитает им трудовые коллективы, отрасли, предприятия, региональные органы власти, и прочее. Новые богатые считают, что государство - они сами, и намереваются выстроить государство вокруг себя и из себя.

Задача по справедливому разделу "общака" не может быть решена в принципе, краденое можно только перекрасть, чем активно (или пассивно - как в случае с получением и приватизацией жилья) занималось население страны последние десятилетия. Кто-то получил из "общака" больше, кто-то меньше, но все граждане нуждаются в легализации своей пока еще виртуальной собственности. Пока распределенные Советской властью ценности оставались таковыми, с ними были невозможны обычные коммерческие операции, их можно только потреблять или обменивать втихую на такое же полученное из "общака" барахло. Реальная экономическая динамика началась когда с виртуальной собственностью люди начали обращаться как с просто собственностью. Экономическое содержание первого этапа модернизации составляла легализация права владения и торговли имуществом и ресурсами, тем или иным образом "уведенного" из социалистического "общака". Политическое содержание того, что происходило и происходит в России, можно рассматривать как реакцию на легализацию прав собственности. Каждый человек в России считает, что то, чем он распоряжается, получено им честно, по праву, заработано, в то время как все остальные противозаконно распоряжаются частью бывшего "общака" СССР. Граждане стремятся получить в легальное владение то, что им, по их мнению, принадлежит, но протестуют против аналогичных действий и устремлений всех остальных. Обвинения в коррупции являются основным аргументом в политических дискуссиях.

Основное требование тех, кто требует "навести порядок", заключается в том, чтобы посадить воров и коррупционеров, а именно тех, на кого они показывают пальцем. В этих требованиях просвечивает неосознанное желание вновь вернуться к тому социальному состоянию, когда можно было получать потребительские ценности из "общака", и в то же время искренне верить в свою внутреннюю честность и порядочность. Для стремящихся к порядку имущество и деньги, украденное государством у своих и чужих граждан и отмытое в государственном "общаке" имеет большую легитимность, чем имущество и деньги, украденное гражданами у государства и обращающееся на относительно свободном рынке.

АДМИНИСТРАТИВНО-РЫНОЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО - ОНТОЛОГИЯ И ЛОГИКИ ТРАНСФОРМАЦИИ.

Административно-территориальное устройство СССР.

Социальное пространство СССР и наследовавших ему государств организовано принципиально по иному, чем в других современных общностях¹. Пространство социальной жизни и административно - территориальное деление (районирование) в СССР идентичны. Административно - территориальное устройство государства (деление) составляет каркас всех других форм социальной жизни. Вне административно - рыночных государств единицы административно-территориального деления субординированы друг другу с той или иной степенью неоднозначности. Штаты, графства, земли, округа других государств, кроме СССР и наследовавших ему политических устройств, связаны между собой по-разному. В формы связей между единицами административно-территориального деления тем или иным образом включается политическая и экономическая история государства, определяя в какой-то степени и его будущее.

Определенно можно сказать, однако, что число уровней в иерархиях административно - территориального устройства в политически стабильных и экономически процветающих государствах не больше трех, максимум четырех (государство - штат - графство; государство - земля - муниципальный округ; и т.п.). Увеличение количества уровней административно-территориального деления, как правило, приводит к конфликтам между уровнями.

Число уровней в иерархии административно-территориального деления в СССР составляло 5 (в республиках с районным делением "СССР - республика - район - город - поселение"), и 6 (в республиках с областным делением: "СССР - республика - область (край) - город - район - поселение"). Распад СССР, также как регионализацию России, можно рассматривать как структурную деформацию иерархий административно - территориального устройства, сопровождающуюся уменьшением количества уровней. Феноменологическое многообразие форм распада (этнические, региональные, политические, территориальные и т.п. конфликты) скрывает единое структурное основание этих процессов - принципы организации социального пространства на административном рынке и конфликты между иерархизированными уровнями и единицами административно - территориального деления в ходе трансформации административного рынка.

Структура советского пространства может быть представлена в матричной форме. На строки рисунка 1 вынесены наименования уровней административно-территориального деления, в то время как столбцы соответствуют формам существования властных отношений (в принципе одноименных уровням деления). Матрица содержит исчерпывающий список единиц социального учета и планирования в административно-территориальном делении, находящихся в строгом порядке и интегрированных в целое социалистического государства соответствующими коллегиальными органами принятия решений - бюро парткомитетов и коллегиями Советов различных уровней. Именно такое логически строгое административное деление обеспечивало выполнение и перевыполнение планов производства и сдачи продукции государству.

¹ В. Каганский

Рисунок 1 Логика административно-территориального деления СССР

блок макроструктурный уровень административно-территориального деления	СССР	республика	область	город	Район	поселение
союзный	столица СССР	члены ЦК и депутаты ВС СССР	члены ЦК и депутаты ВС СССР	члены ЦК и депутаты ВС СССР	члены ЦК и депутаты ВС СССР	члены ЦК и депутаты ВС СССР
республиканский	республики в составе СССР	столица республики	Члены ЦК партии республики депутаты республиканского Совета	Члены ЦК партии республики депутаты республиканского Совета	Члены ЦК партии республики депутаты республиканского Совета	Члены ЦК партии республики депутаты республиканского Совета
областной	области России	области республик	областной центр	члены обкома КПСС депутаты областного совета	члены обкома КПСС депутаты областного совета	члены обкома КПСС депутаты областного совета
городской	города союзного подчинения	города республиканского подчинения	города областного подчинения	центр города	члены горкома КПСС, депутаты городского Совета	члены горкома КПСС депутаты городского Совета
районный	военные округа	районы республиканского подчинения	автономные области, национальные округа	городские районы	Райцентр	члены райкома КПСС, депутаты районного Совета
поселенческий	закрытые города и военные базы	поселки республиканского подчинения	поселки областного подчинения	поселки городского подчинения	поселки районного подчинения	центр поселения

В нижней части матрицы (под диагональю, образованной отношениями между одноименными уровнями административно - территориального деления и блоками макроструктуры) расположены наименования единиц административно-территориального деления. Над диагональю расположено название органа координационного управления, членом которого по должности было реальное первое лицо в конкретном представителе этой административно-территориальной единицы. Так, первые руководители крупнейших военных баз и закрытых городов, командующие военными округами, первые секретари горкомов КПСС крупнейших городов союзного подчинения, первые секретари обкомов и крайкомов России и первые секретари ЦК партий союзных республик были членами ЦК КПСС и депутатами Верховного Совета СССР. Собственно диагональные элементы рисунка соответствуют центрам отчуждения и распределения, в которых были дислоцированы партийные, советские, хозяйственные и административные органы.

Столбец “СССР” и строка “союзный уровень организации” изоморфны друг другу (в том смысле, что первые руководители административно-территориальных единиц были членами ЦК КПСС и депутатами Верховного Совета СССР), чем и достигалась согласованность в принятии и реализации политических и экономических решений: решения пленума ЦК КПСС принимались его членами - первыми лицами соответствующих единиц административно-территориального деления, и ими же реализовывалось.

Однако простой и логичный принцип административно-территориального деления только по видимости был таковым. Прежде всего потому, что административно-территориальное деление в республиках СССР с районным делением было пятиуровневым.

Рисунок 2 Административно-территориальное деление СССР в республиках с районным делением

блок макроструктур уровень административ территориальн деления	СССР	республика	район	город	поселение
союзный	столица СССР	члены ЦК и депутаты ВС СССР	члены ЦК и депутаты ВС СССР	члены ЦК и депутаты ВС СССР	члены ЦК и депутаты ВС СССР
республиканск	республики в составе СССР	столица республики	Члены ЦК партии республики, депутаты республиканского Совета	Члены ЦК партии республики, депутаты республиканского Совета	Члены ЦК партии республики, депутаты республиканского Совета
районный	города союзного подчинения	районы республиканского подчинения	райцентр	члены горкома КПСС, депутаты городского Совета	члены горкома КПСС, депутаты городского Совета
городской	военные округа	города республиканского подчинения	городские районы	центр города	члены райкома КПСС, депутаты районного Совета
поселенческий	закрытые города и военные базы	поселки республиканского подчинения	поселки районного подчинения	поселки городского подчинения	центр поселения

В пятиуровневой структуре административный район может быть “старше” города, что влечет за собой существенные различия в их политическом поведении и свойствах системы в целом. Это не структурное свойство административно-территориального деления, а функциональное, связанное в первую очередь с тем, что в городах базировались промышленные предприятия союзного и республиканского подчинения, более значимые с точки зрения союзного Центра. В то же время, в районах базировались этноспецифичные (и потому более значимые для руководства республик) производства.

В целом система административно-территориального деления была построена так, чтобы минимизировать количество и типы конфликтов, разрешаемых на низших уровнях административно-территориальной иерархии. "Проблемы" и до перестройки, и после распада СССР решались только в Центрах, в роли которых выступали органы управления более высоких административно-территориальных рангов. Отношения между двумя любыми смежными уровнями административно - территориальной иерархии были конфликтными, т.к. каждый Центр (союзный центр по отношению к республиканскому уровню, республиканский по отношению к областному или районному, и так далее) по отношению к любой периферии выступал как институт отчуждения и концентрации производимого периферией продукта, и орган распределения отчужденных у непосредственных производителей ресурсов. Органы управления нижележащего уровня стремились отдать Центру меньше, а получить из Центра больше. Политика любого Центра, естественно, была противоположной, он стремился взять от подчиненной территории больше, а отдать меньше. Конфликты между смежными уровнями иерархии решались переносом их на более высокий уровень, выступающий в роли третьей стороны и верховного распорядителя ресурсов.

Возможность переноса конфликтов на более высокие уровни иерархии обеспечивались руководящей ролью КПСС, аппарат которой "стягивал" иерархию административного устройства в жесткую конструкцию, стержнем которой он и был.

В аппарате КПСС конфликты между смежными уровнями административно-территориальной иерархии трансформировались во внутренние конфликты в

подразделениях советского, контрольно - репрессивного и планово - финансового аппаратов территориального управления. Бюро парткомитетов были институтами, в которых конфликты легализовывались и трансформировались в формы, приемлимые для системы в целом. Отчуждение этой функции от бюро парткомитетов в ходе перестройки и последующая ликвидация самих бюро привели к тому, что латентные конфликты между смежными уровнями административно-территориальной структуры (между областями и республикой, между областями и городами - областными центрами, между городами и административными районами, и т.д.) стали явными и не решаемыми в существующей структуре власти.

Логика распада СССР и административно-территориальная структура России.

Как видно из приведенных выше схем, административно - территориальное деление СССР было весьма логичным. Конфликты, связанные с отношениями отчуждения\распределения были институализированы в системе представительских органов власти (включая аппарат КПСС), где решались с большим или меньшим успехом. Однако объем ресурсов, которые можно было отчуждать и распределять, постепенно уменьшался как вследствие исчерпания ресурсов, так и того, что органы управления всех относительно нижележащих уровней нашли способы "избегания" выполнения планов производства продукции и поставок ее государству.

Логику распада СССР и регионализации России можно представить как функцию самого административно - территориального устройства, почти инвариантную относительно идеологической и политической окраски конфликтов, сопровождающих его распад.

Для описания отношений в иерархии административно-территориальных единиц рассмотрим ее предельно идеализированную схему, включающую только номинальные обозначения этих единиц: Россия - республики - области (края) - города - районы - поселения (сельсоветы). Каждый элемент более высокого ранга включает в себя элемент низшего ранга и представляет его интересы перед элементом высшего по отношению к нему ранга. Прямые отношения между несмежными уровнями иерархии исключены.

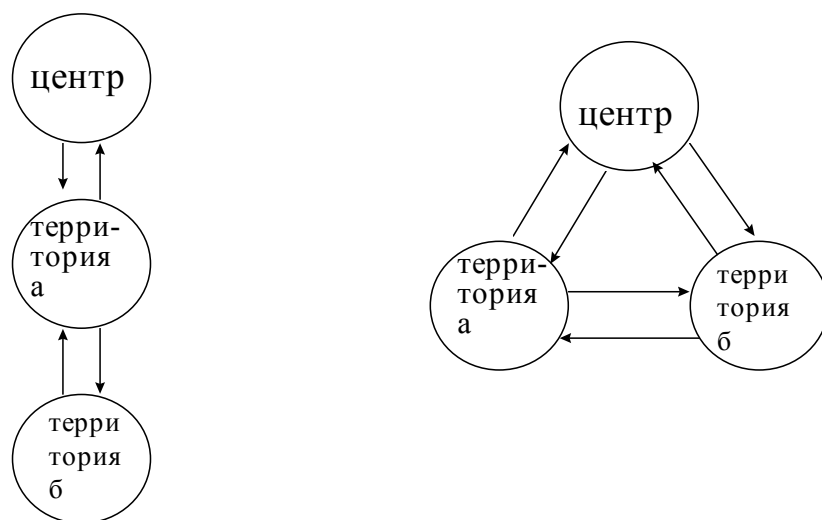
Теперь предположим, что теснота связи между смежными элементами ослабла и стали возможны отношения между несмежными элементами. Такие связи возникли в самом начале перестройки в связи с легализацией идеологии повышения административного ранга, когда органы управления территориями с низкими рангами начали "напрямую выходить" на союзные или республиканские власти, отстаивая свое право на повышение административного ранга. Связи "через уровень" можно описать циклом отношений между элементами административно - территориального деления, представленным следующими графами и включающих три переменных.

Первая из них - "Центр" (т.е. любая единица, вышерасположенная по отношению к двум другим),

Вторая - "Территория А" первого ранга, непосредственно субординированная Центру.

Третья - "Территория В" второго ранга, субординированная территории первого ранга.

Рисунок 3 Логика трансформации отношений между иерархизированными уровнями административно-территориального деления.

До перестройки отношения между элементами были линейны и строго иерархичны. Территория А отчуждала от субординированной ей территории В произведенный ею продукт и, в свою очередь, передавала его Центру. Центр распределял присвоенный продукт территории А, которая перераспределяла часть полученного из Центра территории В.

Естественно, что органы управления территорией В всеми силами пытались отдать А меньшую часть продукции, а получить большую, чем полагалось ей сообразно административному рангу.

С началом перестройки линейная структура превратилась в треугольную, отношения в которой стали гораздо более конфликтными.

Логика конфликтов проста: руководствуясь идеологией административного роста, территория А стремилась приобрести статус Центра. Территория В, руководствуясь той же идеологией, стремилась стать территорией первого ранга, непосредственно субординированной Центру. Для давления на территорию А Центр мог применить силовые приемы, такие как экономическая блокада, ввод войск, и т.п. С другой стороны, для подчинения себе территории А Центр мог стимулировать сепаратистскую активность территории В и создать для администрации А те проблемы, с которыми он сталкивался в отношениях с ней. Последнее оказывалось наиболее эффективным в том случае, если территория В представляет собой национальную автономию. Примерно столь же эффективной оказывалась такая политика, если активность Центра направлялась на инициирование национального движения этнической группы, локализованной в В, но не имеющей своей государственности.

В целом в ходе изменений отношений в иерархии пространство административного торга между уровнями административно-территориального деления имеет тенденцию превращаться в пространство политического торга между новыми политическими субъектами - бывшими единицами административно-территориального деления.

Рассмотрим теперь трансформацию административно - территориального деления СССР в административно - территориальное деление России, учитывая при этом неоднородность РСФСР, т.е. его составленность из областей и бывших автономий.

Если рассматривать областной аспект административно-территориального устройства СССР, то схема отношений между уровнями будет выглядеть так, как это представлено на рис. 4

На рис 4 а. представлена до - перестроечная идеализированная иерархия отношений между уровнями административно - территориального деления. Отношения между уровнями строго иерархичны, и как говорилось выше, являются отношениями отчуждения - перераспределения.

На рис 4 б. продемонстрирована логика того, как в результате ослабления КПСС как силы, стягивающей уровни административно-территориального деления в целостность государства, возникают конфликтные отношения между республиканским уровнем и уровнем государства в целом, с одной стороны, и республиканским уровнем и уровнем областей, с другой. В то же время, возникают союзнические отношения между уровнем республик и крупных (столичных) областных центров-городов, и между союзным центром и областями. Эти отношения формируют особое политическое (не административное) пространство, в результате чего исчезает воплощение административно-территориальной логики -государство СССР.

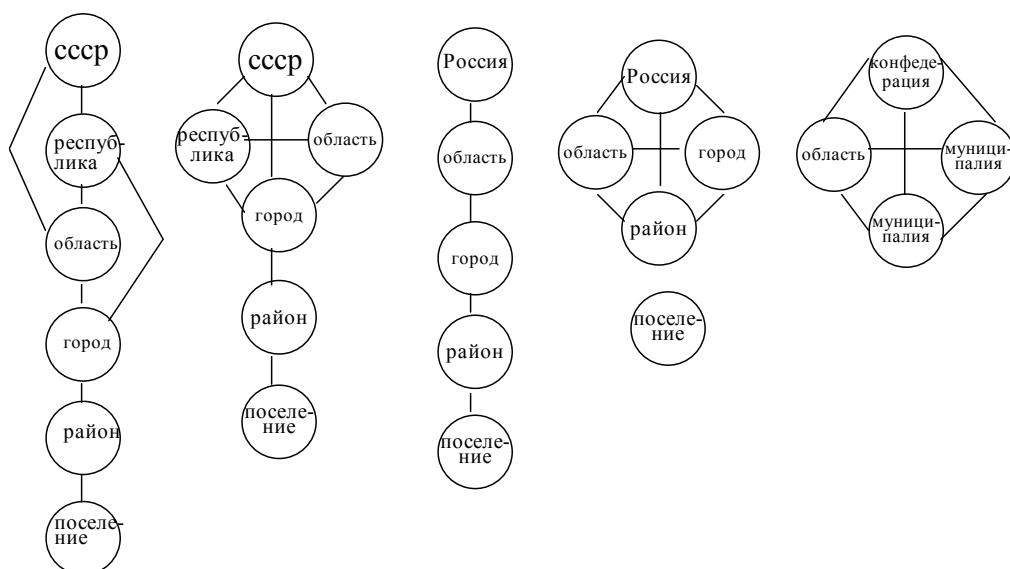
На рис 4 в. показано, что в структуре постперестроечного государства, возникшего на основе республик СССР с областным делением, воспроизводятся специфичные для любой иерархии такого рода отношения: с одной стороны выстраивание линий административного управления с жестким иерархизированием уровней административно-территориального деления, с другой стороны - воспроизведение политического пространства, приведшего к распаду СССР.

Если следовать логике, представленной на приведенных рисунках, то предстоит еще по меньшей мере два этапа трансформации административно-территориальной структуры России (и других государств, сформировавшихся на основе республик СССР с областным делением). На первом этапе может произойти формирование политического пространства в отношениях между собственно государством, областями, городами и районами (4 г). На втором этапе (4 д) государство может распасться с образованием либо конфедерации, либо новых независимых государств ранга областей и их эквивалентов.

Однако образовавшееся в результате этих трансформаций пространство еще не будет политическим в полном смысле этого слова, так как в него не будут включены поселения - низший ранг административно-территориальной иерархии СССР. Только включение в политическое пространство поселений (4 е) и исчезновение следов административно-территориальной иерархии СССР приведет к исчезновению конфликтов между уровнями административно-территориального деления и формированию экономически эффективной и политически стабильной структуры отношений между единицами деления.

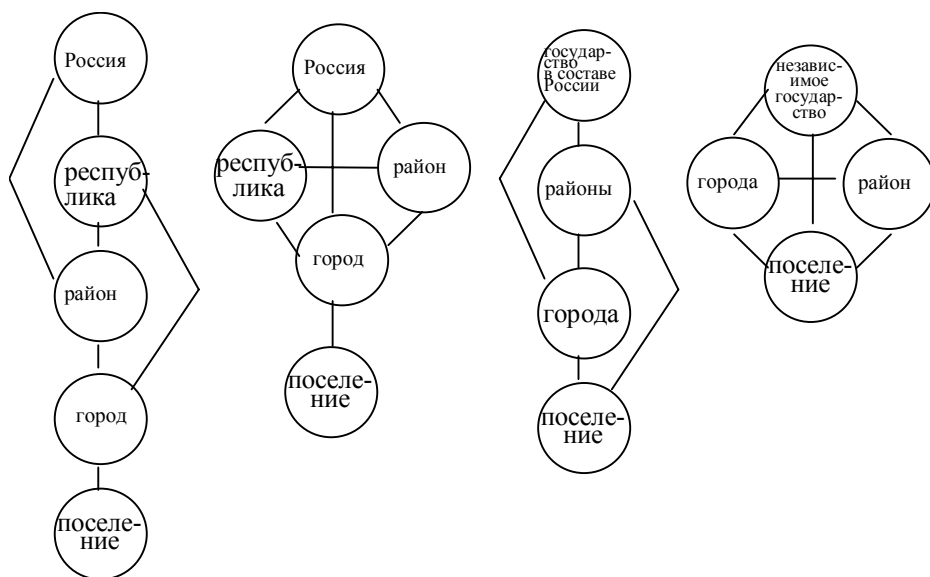
Рисунок 4 Отношения между единицами административно-территориального деления СССР (республики с областным делением.

Стадия а.	Стадия б	Стадия в	Стадия г	Стадия д
до 1989	1989- 1991	1991-1994	1995-1997	

Приведенная логика действительна только для областей России, в то время как наличие в структуре РСФСР как части СССР республик (бывших автономий) приводит к другой логике трансформации административно-территориального деления. Она продемонстрирована на следующем рисунке.

Рисунок 5 Логика трансформации бывших автономий СССР в республики в составе России и дальше.

Отличие процессов трансформации административно - рыночного пространства в областях и республиках в составе федерации (бывший автономий) прежде всего в том, что в республиках районы раньше, чем города становятся субъектами политических отношений.

Регионализация (т.е. форма, которую принимают политические отношения между уровнями административно - территориального деления в при возникновении их из административно - рыночных) России в минимальной степени связана с личными качествами и политическими амбициями руководителей местных органов власти.

Уже сейчас номинальные институциональные преобразования административно-территориальной структуры в соответствии с Федеративным Договором привели к существенному формальному упрощению административного устройства России. Сейчас

Москве субординированы два типа территорий: области и края (последние потеряли свою специфику, краем называлась область, имеющая в своем составе автономию ранга области), и республики, образовавшиеся из бывших автономных республик и автономных областей. Национальные округа номинально входят непосредственно в состав России, но их административный статус не вполне определен. Республики, области(края) и национальные округа представлены как институты только в Федеральном собрании России. В правительстве России нет структур, которым были бы субординированы органы управления территориями. Статус глав администраций областей и краев и их положение в иерархиях управления федеративного уровня не определены. Статус глав республик в составе федерации (и соответственно, субординированных им функционеров системы управления республиками) задан только дипломатическим протоколом, но не нормативными актами.

Рисунок 6 Административно-территориальная структура России - области и края.

блок макроструктур уровень административ- территориаль- деления	республика	область	район	город	поселение
республиканский	столица России	депутаты федерального собрания	депутаты федерального собрания	депутаты федерального собрания	депутаты федерального собрания
областной	области и края России	столица области	депутаты областной думы	депутаты областной думы	депутаты областной думы
городской	города федерального подчинения	города областного подчинения	центр города	депутаты городской думы	депутаты городской думы
районный	военные округа	районы республиканского подчинения	городские районы	райцентр	
поселенческий	закрытые города и военные базы	поселки республиканского подчинения	поселки городского подчинения	поселки районного подчинения	центр поселения

Рисунок 7 Административно-территориальная структура России. Республики в составе федерации.

блок макроструктур уровень административ- территориаль- деления	республика	республика	район	город	поселение
республиканский	столица России	депутаты федерального собрания	депутаты федерального собрания	депутаты федерального собрания	депутаты федерального собрания
республиканский	республики в составе СССР	столица республики	депутаты республиканской думы	депутаты республиканской думы	депутаты республиканской думы
районный	военные округа	районы республиканского подчинения	райцентр	депутаты городской думы	депутаты городской думы
городской	города	города	городские	центр	

	федерального подчинения	республиканского подчинения	районы	города	
поселенчески	закрытые города и военные базы	поселки республиканского подчинения	поселки районного подчинения	поселки городского подчинения	центр поселения

Российская федерация, как следует из схем ее административно - территориального деления, сохранила все основные особенности административно - территориального устройства СССР и, вместе с ними, те отношения, которые привели к распаду СССР. Это в первую очередь различие между областями (аналоги республик СССР с областным делением) и республиками (аналог республик СССР с районным делением) и специфическое несоответствие их внутренних иерархий между уровнями “район - город”.

Однако в отличие от СССР, где была жесткая система согласования интересов в виде бюро парткомитетов, в России нет соответствующего института. Если сравнить схемы административно - территориального устройства СССР и России, то можно видеть, что в представительских органах власти и согласования интересов России представлены не реальные первые лица (собственно первых лиц в прежнем смысле этого понятия и нет), а люди, решения которых вовсе не являются обязательными для соответствующих административных единиц и, более того, решения коллегиальных органов управления (таких как Федеральное собрание) вовсе не обязательны для исполнения реальными руководителями административно - территориальных единиц. В Совете федерации созыва 1995 года действительно представлены номинальные первые лица территориальных органов власти, но при том, что сами эти органы власти еще не сложились и не определились ни в своих отношениях с федеральным Центром, ни с административной периферией.

Идеология стремления к административно - территориальному росту административно - территориальных единиц, наследованная Россией от СССР, в одинаковой степени свойственна и областям, и республикам в составе федерации. Республики стремятся к статусу Центра и тем или иным образом уже проводят самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику). Области и края России стремятся к получению статуса, который имеют сейчас республики в составе Федерации.

ИЕРАРХИИ ВЛАСТИ В СССР И ИХ ПРОСТРАНСТВЕННАЯ СТРУКТУРА.

Общее представление о ветвях власти.

Структура управления СССР в данной главе рассматривается как результат конструирующей деятельности субъекта власти и созданный им механизм, где детали и способы их соединения в целое по меньшей мере не случайны. Элементами этого механизма были функциональные места в системе управления - должности государственных служащих. Власть складывалась из упорядоченного набора должностей и отношений между ними.

В правоведении выделяют несколько уровней государственных иерархий: макроструктуру, мезоструктуру и министруктуру. Макроструктура в конечном счете соответствовала административно-территориальному делению страны на союзные республики, области, края, районы и поселения. Мезоструктура задается внутренним строением органов государственного управления и в данной работе не анализируется. Министруктура - это должности и отношения между ними. В данной главе рассматриваются должности в аппарате управления СССР, соотнесенные с макроструктурой - уровнями административно - территориального деления.

В советском правоведении обычно анализировались три ветви власти: административная, представительская и контрольная. Административная ветвь была образована государственными органами управления производством, распределением, потреблением, учетом, обороной и безопасностью страны, а также правоприменяющими органами. Представительская ветвь была образована Советами народных депутатов и их органами управления. Контрольная ветвь была сформирована государственными органами, в функцию которых входит законо- и нормоохранительная деятельность (прокуратура, народные суды, Государственный арбитраж, Комитет народного контроля, Госатомнадзор и аналогичные общегосударственные контрольные институты), а также структурными подразделениями министерств и ведомств), осуществляющими надзор за соблюдением норм и правил (санитарно-эпидемиологические станции Минздрава, охотинспекции и др.).

В дополнение к названным трем ветвям власти в данной работе введено понятие о четвертой, политической - Коммунистической партии Советского Союза, которая, согласно параграфу 6 Основного закона государства, отмененному только в 1990 году - была элементом общей структуры власти. КПСС была представлена иерархизированной совокупностью должностей в партийных комитетах разных уровней макроструктуры.

Должности в ветвях власти были строго фиксированы, как в служебных телефонных справочниках. Перечни должностей для функционеров системы управления выступали схемами поведения, они указывали, к кому и по какому вопросу необходимо обращаться для решения конкретных вопросов.

В последующих параграфах дано описание уровней макроструктуры в той последовательности, которая задавалась иерархией административно-территориальных единиц до начала перестройки. Описание представляет логику организации власти в СССР на конец 1987 года. В течение последующих четырех лет - вплоть до распада СССР - организация власти претерпевала "перестройку", в ходе которой нарушались координационные и субординационные связи между ветвями власти, между блоками макроструктуры и внутри их.

Уровень " СССР в целом" .

Этот уровень образован четырьмя ветвями: административной, политической, представительской и контрольной, строение которых было воплощено в иерархизированные списки должностей.

Рисунок 8 Список должностей на высшем уровне руководства СССР

административная ветвь	ветвь политического руководства	представительская ветвь	контрольная ветвь
	генеральный секретарь ЦК КПСС		
председатель совета Министров СССР		председатель Верховного Совета СССР	
	секретари ЦК КПСС		председатель Комиссии партийного (государственного) контроля
первые заместители Председателя Совмина СССР председатели Бюро Совмина, министры Обороны, иностранных председатель КГБ		первые заместители председателя Верховного Совета СССР	
	заведующие отделами ЦК КПСС		руководители правоохранительных органов генеральный прокурор, председатель Верховного Суда
заместители председателя Совмина СССР		заместители председателя Верховного Совета СССР	
	первые заместители заведующих отделами ЦК КПСС		первые замы руководителей правоохранительных органов
заместители председателя Совмина СССР, министры СССР		председатели палат Верховного Совета СССР	
	заместители з аведующих отделами ЦК КПСС		заместители руководителей правоохранительных органов
министры СССР		руководители комитетов и комиссий Верховного Совета СССР	
	руководители секторов отделов ЦК КПСС		руководители республиканских комитетов партийного контроля

Ветвь политического руководства возглавлялась Генеральным секретарем Центрального Комитета КПСС, которому были подчинены секретарь ЦК - руководитель Секретариата ЦК, и секретари ЦК КПСС, курирующие отдельные сферы управления. Существовало по меньшей мере два уровня иерархии секретарей. К первому уровню относились секретари - члены Политбюро, ко второму, секретари ЦК партий союзных республик и первые секретари обкомов партии. Следующий уровень иерархии политического руководства составляли заведующие отделами ЦК КПСС,

осуществляющие политическое руководство пропагандой, наукой, образованием и просвещением, культурой, строительством, машиностроением, административными органами и всеми другими сферами государственной жизни. Заведующим отделами были подчинены первые заместители и заместители, курирующие подотрасли народного хозяйства, другие сферы государственного устройства. Заместителям заведующих отделами были подчинены инструкторы ЦК КПСС.

Субординационные связи в политической ветви власти задавались самой иерархией должностей. Координационные же связи осуществлялись Секретариатом ЦК КПСС (высшим органом координирующей деятельности в политической ветви) и через заседания отделов ЦК. Координирующие отношения в рамках ветви политического руководства необходимы были прежде всего потому, что она была сильно разветвлена: руководителю секретариата было субординировано 12 секретарей ЦК КПСС, каждый из которых курировал деятельность 3-10 отделов ЦК.

Административная ветвь возглавлялась Председателем Совета Министров СССР, которому были подчинены первые заместители Председателя. Часть первых заместителей возглавляла рабочие органы Совета Министров - бюро по отраслям народного хозяйства. Отдельные министры СССР в зависимости от членства в координирующем органе управления - Политбюро ЦК КПСС - занимали посты, эквивалентные первым заместителям Председателя Совета Министров СССР. Это - министр иностранных дел, председатель Комитета государственной безопасности и министр обороны. Следующий уровень иерархии административной ветви составляли посты заместителей Председателя Совета Министров СССР, часть которых также являлась главами бюро Совета Министров. Различия между, первыми заместителями и заместителями Председателя Совета Министров СССР, которые руководили бюро, связаны с государственными приоритетами в политике развития отраслей. В частности, проблемы агропромышленного комплекса в одной ситуации были более важны, чем проблемы строительства. Потому председатель Госагропрома был первым заместителем, а председатель Госстроя - заместителем Председателя Совета Министров СССР.

По формальным критериям первые заместители министров иностранных дел, обороны и председателя Комитета государственной безопасности по рангу и месту в иерархии административной власти могли быть соотнесены с заместителями Председателя Совета Министров. Это значит, что их фактическое положение существенно выше, чем то, которое задается наименованием их должностей. Такие соотношения наблюдались и во многих других случаях. Казалось бы, бюро Совета Министров должно было курировать отрасли народного хозяйства, представленные совокупностями министерств и ведомств. В реальности это было далеко не так. В частности, Госстрой СССР контролировал не более 51 % капиталовложений в строительство в стране.

Председателям бюро Совета Министров СССР были подчинены их первые заместители в ранге министров СССР, членов Совета Министров и заместители председателей. Административная ветвь на этом уровне макроструктуры завершалась главами союзных министерств и ведомств, председателями Госкомитетов Совета Министров СССР. Необходимо различать Госкомитеты в ранге бюро Совета Министров (такие, как Государственный комитет по образованию) и в ранге министерств (Госкомтруд). Министрам СССР и председателям Госкомитетов были подчинены их первые заместители и заместители.

Координационные связи в административной ветви осуществлялись через коллегии. В коллегии министерств, ведомств обычно входили министры, первые заместители и заместители министров, начальники ведущих главков и управлений, а также руководители смежных подотраслей народного хозяйства, политические руководители. Члены коллегии назначались приказом министра. Координационные связи в административной ветви были сложны прежде всего из-за ее чрезвычайной

разветвленности, которая была представлена более чем 100 союзными министерствами и ведомствами. Начинаясь с должности Председателя Совета Министров, административная ветвь власти на уровне председателей бюро Совета Министров разветвлялась на 12 отраслей, каждая из которых распадалась на 8 -10 подотраслей. На каждом уровне иерархии существовала своя система координации. На нижних уровнях это уже упомянутые коллегии министерств и ведомств. На уровне Бюро Совета Министров - коллегии отраслей народного хозяйства. На уровне первых заместителей Председателя Совета Министров - Президиум Совета Министров. В его состав, утвержденный Президиумом Верховного Совета СССР, входили Председатель Совета Министров, его первые заместители и заместители, а также отдельные министры и председатели Госкомитетов (согласно государственному статусу руководимых ими элементов государственного устройства). И наконец, министры, председатели бюро Совета Министров, их первые заместители в ранге министров и председатели Госкомитетов входили в состав Совета Министров СССР - высшего для административной ветви координационного органа управления.

Представительская ветвь власти возглавлялась Председателем Президиума Верховного Совета СССР, которому были подчинены первый заместитель и заместители - представители всех союзных республик. Следующий уровень иерархии в этой ветви - председатели палат Совета Союза и Совета Национальностей Верховного Совета СССР, которые координировали деятельность председателей постоянных комиссий палат Верховного Совета. Члены постоянных комиссий, как и все другие функционеры представительской ветви, выбирались из числа депутатов Верховного Совета. Отличительной особенностью этой ветви являлось номинальное отсутствие субординационных отношений. Связи с ней как бы обратны субординационным. Так, высшие уровни исполняли решения, принятые высшим законодательным органом представительской власти - сессией Верховного Совета СССР, координирующей деятельность административной и контрольной ветвей власти. Координация политической деятельности не входила в компетенцию Верховного Совета СССР. Другими координирующими органами выступали заседания постоянных комиссий Верховного Совета, палат Верховного Совета и Президиума Верховного Совета СССР - рабочего органа представительской ветви. В отличие от других ветвей власти, места должностей, исключая высшие в иерархии власти, за конкретными функционерами фиксированы не были. Председателями палат Верховного Совета, председателями постоянных комиссий были, как правило, функционеры других ветвей власти - административной, политической и контрольной.

Контрольная ветвь в этом блоке макроструктуры специфична тем, что в ней отсутствовал первый руководитель. Уже на самом высшем уровне иерархии задано существование многих рядоположенных элементов, таких как Комитет народного контроля, Государственный арбитраж, Прокуратура СССР, Верховный суд СССР, специализированные государственные контрольные институты (Госатомнадзор, Госархконтроль, Государственный комитет по стандартам, Главное управление по охране государственных тайн в печати, и др.). К этой же ветви относились подразделения министерств и ведомств, осуществлявшие ведомственный контроль: санитарно-эпидемиологическая служба Министерства здравоохранения СССР, контрольно-ревизионное управление Министерства финансов СССР, службы охотнадзора и рыбнадзора и др.

Отсутствие высшего руководителя контрольных служб страны и их разном ведомственность затрудняют соотнесение должностей в иерархиях. Высшими руководителями являлись Генеральный прокурор СССР, Председатель Верховного суда СССР, председатель Комитета народного контроля, в то время как ранги руководителей других контрольных служб несколько ниже (в частности, руководителей ведомственных инспекций, заместителей министров соответствующих министерств). Подчиненные им

должности, такие как заместитель Главного санитарного врача СССР, выходят за границы высшего уровня макроструктуры. Руководителям контрольных служб были подчинены первые заместители и заместители. Субординационные связи задавались самой структурой ветвей власти, в то время как координационные связи реализовались в форме коллегий, президиумов, заседаний. Общего координационного органа для всех структурных единиц контрольной ветви власти не было. В какой-то степени координирующие функции осуществлялись в таких органах, как сессии Верховного Совета СССР, принимающие или отменяющие законы и нормы.

Координационные связи на высшем уровне формировали структуру из административной, политической, представительской и контрольной ветвей. Высшим координирующим органом для всех ветвей было Политбюро ЦК КПСС. Перед распадом КПСС в него входили Генеральный секретарь ЦК КПСС, часть секретарей ЦК, Председатель Совета Министров СССР и его первый заместитель, министры обороны и иностранных дел, Председатель Президиума Верховного Совета СССР и его первый заместитель, председатель Комитета партийного контроля, впервые секретари Московского горкома, Ленинградского обкома партии и первый секретарь ЦК партии Украины, председатели Верховного Совета и Совета Министров РСФСР. Таким образом, Политбюро ЦК КПСС было образовано высшими руководителями всех ветвей власти, кроме контрольной. Это отражало роль права и правоохранительных органов в функционировании системы управления обществом. Координирующая роль Политбюро ЦК КПСС, если говорить о тактике управления, осуществлялась Пленумом ЦК КПСС, в работе которого принимали участие высшие руководители государства и партии, а также руководители республиканских и областных парторганизаций, деятели науки и культуры.

Высшим координирующим органом, осуществляющим стратегическое управление, являлся съезд КПСС. В функции съезда входили выборы ЦК КПСС (т.е. формирование списка участников пленумов ЦК КПСС с решающими и совещательными голосами) и определение основных направлений политического и экономического развития страны на большие промежутки времени - "пятилетки".

В представительских формах координирующие органы направляли деятельность только трех ветвей власти - административной, представительской и контрольной. Президиум Верховного Совета СССР осуществлял функции оперативной координации деятельности. Он принимал указы, другие нормативные акты, которые становились законами после утверждения сессией Верховного Совета СССР. В состав Президиума Верховного Совета СССР входили все высшие руководители ветвей власти, в том числе и контрольной. Сессия Верховного Совета СССР, согласно Конституции СССР, являлась высшим координирующим органом власти в области право- и нормотворчества, а также в назначении на высшие должности в административной, представительской и контрольной ветвях. Сессии Верховного Совета СССР собирались два раза в год, обычно после пленумов ЦК КПСС, принимающих тактические политические решения, и конкретизировали эти решения в применении к административной и контрольной ветвям власти. В состав Верховного Совета СССР выбирались представители всех социальных групп общества примерно в тех же отношениях, в которых эти группы представлены в населении. Депутатами Верховного Совета были практически все функционеры управления, должности которых показаны на рисунке 8, а также руководители ЦК партий союзных республик, областных (краевых) партийных организаций, председатели Советов Министров союзных республик, обл.(край)исполкомов РСФСР, Президиумах Верховных Советов союзных республик, руководители наиболее важных с государственной точки зрения предприятий и организаций.

Функционирование системы управления обществом на высшем уровне макроструктуры в основных своих особенностях определялось съездом КПСС, который задавал Цели развития и средства их достижения на пять лет. Решения съезда

конкретизировались в "Основных направлениях развития народного хозяйства СССР", которые принимались сессией Верховного Совета и становились законами государственного функционирования. Сессия Верховного Совета утверждала назначения на высшие должности в административной, представительской и контрольной ветвях власти.

Уровень "Союзная республика"

Высшему уровню управления страной был субординирован уровень "Союзная республика". В нем в принципе сохранялись все отношения, описанные применительно к уровню "Государство в целом": иерархии административной, политической, представительской и контрольной ветвей власти были устроены так же, как и на высшем уровне управления. Единственное отличие касалось административной ветви, где существовали предприятия и организации, подчиняющиеся непосредственно союзным министерствам и ведомствам. Управление такими организациями координировалось партийными органами республики, да и то не всегда.

Не было особой специфики и в связях подчинения и координационных отношениях. Это - коллегии министерств и ведомств, Советы Министров, коллегии бюро Советов Министров, Президиумы Верховных Советов республик, бюро партийных комитетов, пленумы и съезды партий. Различия скорее касались названий должностей (например, первый секретарь ЦК партии вместо Генерального секретаря ЦК КПСС), характера функционирования системы управления. Были также различия, связанные с существованием республик с областным и районным делением. Но они не меняли формальной структуры управления.

Необходимо отметить особое положение РСФСР, заключавшееся в отсутствии республиканской коммунистической партии, ее центрального комитета и его аппарата. В политической ветви РСФСР первые секретари обкомов и крайкомов КПСС были непосредственно субординированы функционерам Центрального Комитета КПСС и имели сравнимый с ними административный вес. Политические и представительские руководители краев и областей РСФСР входили в координирующие органы управления СССР. Так, первые секретари обкомов и крайкомов партии, как правило, были членами ЦК КПСС, а руководители политической ветви, также как председатели обл.(край)исполкомов, - депутатами Верховного Совета СССР. Председатель Совета Министров РСФСР и (иногда) Председатель Верховного Совета РСФСР были членами Политбюро ЦК КПСС. Можно сказать, что области и края РСФСР, так же как Москва, по статусу в системе управления были больше похожи на союзные республики, а не на области других союзных республик.

Уровень "Область (край)"

Области (края) как территориально-административная единицы были в структуре РСФСР, Казахстана, Узбекистана, Украины, Белоруссии, Таджикистана, Киргизии. В других союзных республиках этот блок макроструктуры отсутствовал, и районы непосредственно были подчинены республиканским органам власти. Система управления в этом блоке принципиально отличалась от описанных выше уровней управления. На уровне страны в целом и союзной республики ветви власти были структурно разделены, хотя по функциям административная и контрольная ветви пересекались. В системе управления областью (краем) происходило дальнейшее ветвление административной, представительской и контрольной ветвей с последующим их слиянием в специфические для этого и нижележащих уровней комплексные ветви власти.

Административная ветвь на уровне области (края) включала предприятия союзного и республиканского подчинения, которые не были связаны никакими

координационными отношениями с местными органами власти. Влияние на их деятельность могли оказывать лишь органы политического управления - обкомы (крайкомы) КПСС. Предприятия и организации областного подчинения, вопреки своему названию, имели двойное подчинение: исполкомам местных Советов депутатов трудящихся и республиканскому министерству. Строгость и линейность субординационных отношений административной ветви сохранялись только для предприятий союзного и республиканского подчинений. Для предприятий же областного подчинения была характерна принадлежность к гибридной ветви власти, образовавшейся в результате слияния элементов административной и представительской ветвей.

Рисунок 9 Список должностей на уровне области (края).

административная ветвь	ветвь политического руководства	представительская ветвь	контрольная ветвь
	первый секретарь обкома КПСС		
начальники союзных главков, директоры предприятий союзного подчинения		председатель исполкома областного Совета	
	секретари обкома КПСС		председатель комитета народного контроля
начальники республиканских главков		первые заместители председателя исполкома областного Совета	
	заведующие отделами обкома КПСС		областной прокурор председатель областного суда
директора предприятий республиканского подчинения		заместители председателя исполкома областного Совета	
	заместители заведующих отделами обкома КПСС		начальники инспекций республиканского подчинения
директора предприятий областного подчинения		начальники управлений исполкома областного Совета	
	инструкторы обкома КПСС		начальники инспекций областного подчинения
директора предприятий местного подчинения		депутаты областного Совета	

Для более подробного анализа гибридных ветвей власти опишем преобразования, которые испытывала на областном уровне макроструктуры представительская ветвь. В ней, в отличие от высших уровней управления, исполнительская и представительская функции были слиты: управление промышленностью, сельским хозяйством, коммунальными службами, просвещением и образованием и многое другое осуществлялось руководителями отделов и управлений исполкомов областных Советов, которые (по должности) являлись депутатами областных (краевых) Советов. На рисунке 9 это показано как совмещение должностей начальников управлений и отделов исполкомов и депутатских функций. По видимости система управления была линейна. Но в реальности здесь происходило сначала разделение административной ветви на линию предприятий союзного и республиканского подчинений, и на линию предприятий и организаций областного подчинения, сопряженное с разделением представительской ветви на собственно представительскую и на исполнительскую, состоящую из начальников подразделений исполкома. В дальнейшем административная линия подчиненности предприятий и представительско-исполнительская линия сливались и

формировалась новая, не имеющая референтов на высших уровнях управления административно-исполнительская ветвь власти.

Иерархия должностей в ней была следующая. Отделы и управления возглавлялись соответствующими начальниками, которые одновременно являлись депутатами областного Совета и часто председателями постоянных комиссий Советов. Им были подчинены первые заместители начальников управлений и заместители. В рамках этой специфической для области ветви были достаточно четко выражены субординационные связи, в то время как субординация по административной и представительской ветвям была очень сложна. Начальники управлений и отделов исполкомов по административной линии подчинялись заместителям министров соответствующих республиканских подотраслей. По представительской линии они подчинялись заместителям председателей исполкомов областных Советов.

Еще более сложны были субординационные связи агропромов, которые возглавлялись первыми заместителями председателей облисполкомов. Первый заместитель председателя исполкома, курировавший сельское хозяйство, был подчинен председателю исполкома, с одной стороны, и заместителю председателя республиканского агропромышленного комитета - с другой. Председателю агропрома (первому заместителю предисполкома) были подчинены его заместители, выполнявшие роли начальников управлений исполкомов и бывших в свое время отдельными подразделениями (такими, как "Сельхозтехника", "Сельхозхимия", Агропромстрой и др.).

Примерно такая же структура субординации возникала и в новообразованиях (начиная с 1986 года), таких как главное территориальное производственно-экономическое управление, во главе которого оказывался председатель областной плановой комиссии - первый заместитель председателя облисполкома.

Сходную эволюцию на уровне области претерпевали и подразделения министерств и ведомств, выполняющие контрольные функции. Рассмотрим пример контрольно-ревизионного управления Министерства финансов. В структуре Министерства финансов контрольно - ревизионная служба представляла собой самостоятельное подразделение, возглавляемое заместителем министра. В областном блоке контрольно-ревизионная функция существовала в виде структурного подразделения исполкома областного Совета - контрольно-ревизионного управления, со своей структурой управления, начальником, первым заместителем начальника и заместителями. Субординационные связи в контрольно-ревизионном управлении по административной линии замыкались на заместителя министра финансов республики, по представительской - на заместителя председателя исполкома, курирующего финансы. Поэтому можно говорить о формировании на уровне области еще одной специфической ветви власти: контрольно-исполнительской. Эта ветвь формировалась следующим образом: сначала представительская ветвь делилась на две ветви: исполнительскую и собственно представительскую. Одновременно административная ветвь раздваивалась на линию организаций республиканского и союзного подчинения, и на линию организации областного подчинения. В дальнейшем представительская ветвь сливалась с административной, осуществлявшей контрольные функции - с образованием контрольно-исполнительской ветви власти областного уровня макроструктуры.

Такова эволюция, которую претерпевали на областном уровне представительская и административная ветви (разделенные на республиканском и союзном уровнях), образуя в дополнение к четырем ветвям власти, специфичных для высших уровней управления, еще две: административно-контрольную и контрольно-исполнительскую.

Рассмотрим теперь, как реализовались на областном уровне отношения управления, специфичные для СССР в целом. Начнем с административной ветви, представленной предприятиями союзного и республиканского подчинений. Субординационных связей у них на областном уровне не было. Руководители предприятий непосредственно подчинялись заместителям союзных и республиканских

министерств. Первые заместители руководителей предприятий и организаций были подчинены руководителям предприятий. Этим, собственно, и исчерпывались субординационные отношения в административной ветви на уровне области. Никакого координирующего органа для предприятий и организаций союзного и республиканского подчинений на областном уровне не было.

Ветвь политического руководства на уровне области не отличалась принципиально от высших уровней правления. Ее возглавляли первый секретарь обкома (крайкома) партии, которому были подчинены секретари обкома, заведующие отделами, их заместители и инструкторы. Субординационные связи задавались самой иерархией должностей, координационные реализовались в форме заседаний секретариата партийного комитета.

Представительская ветвь возглавлялась председателем обл.(край)исполкома, которому были подчинены первые заместители, заместители и начальники отделов и управлений. Последние, как уже подчеркивалось выше, в рамках административной ветви были подчинены соответствующим министерствами и ведомствам. Функциональные места в представительской ветви, которые занимали начальники отделов и управлений облисполкомов, тождественны с местами председателей постоянных комиссий и членов постоянных комиссий областного Совета народных депутатов.

Субординационные связи в представительской ветви определялись отношениями между председателем исполкома и его заместителями, а также начальниками отделов и управлений. В то же время депутаты областного Совета, члены постоянных комиссий и их председатели номинально обладали представительской властью: их коллегиальные решения были обязательны для исполнения функционерами представительского аппарата. Однако из-за того, что функционеры аппарата в то же время были и депутатами (и членами постоянных комиссий, и их руководителями), возникала весьма неопределенная ситуация консолидации исполнительной и представительской власти у функционеров административно-исполнительской ветви. Выборные лица, выдвигающие и принимающие законодательные инициативы, обязаны были по должности их исполнять.

Координационные связи в представительской ветви были организованы как заседания исполкома областного Совета и его постоянных комиссий. Однако совмещение выборных и исполнительских должностей приводило к тому, что координирующие органы просто одобряли решения, принимавшиеся этими же функционерами, но в другой роли.

В контрольной ветви власти областного блока точно так же, как и в административной ветви в целом, можно было выделить линию организаций союзного и республиканского подчинений, таких как прокуратура, народный суд, народный контроль, Государственный арбитраж, представленные вполне самостоятельными областными подразделениями. Министруктура в этом случае аналогична республиканскому и союзному уровням. Контрольный орган возглавлял первый руководитель (областной прокурор, председатель народного суда, государственный арбитр, председатель комитета народного контроля), которому были подчинены первые заместители и заместители.

Опишем координационные связи в системе управления областью в целом. Высшим координирующим органом управления являлся Совет народных депутатов, который на своих сессиях и заседаниях направлял деятельность административно-исполнительской, контрольно-исполнительской и собственно представительской ветвей. Однако у Совета народных депутатов, как правило, не было возможности направлять деятельность руководителей предприятий и организаций и контрольных органов общесоюзного и республиканского подчинения (хотя обычно эти руководители были членами областного Совета).

Можно сказать, что для представительского управления реальность государственного устройства как бы раздваивалась на управляемую им и на то, что управляется более высокими уровнями иерархии. Можно даже предположить, что формирование административно-исполнительской и контрольно-исполнительской ветвей во многом было связано с борьбой областей как субъектов управления с государством за толику власти над собственной территорией. В результате области и края как бы присвоили себе (отняв у административной ветви) отдельные виды производства и ведомственного контроля, а также значительную часть институтов распределения.

Представительская ветвь, осуществлявшая контроль за административно - исполнительской и контрольно - исполнительной, - вот, собственно Советская власть в областном блоке макроструктуры. Эта власть имела собственное производство, институты распределения и собственные законы, соблюдение которых она контролировала через ведомственные контрольные службы.

В этих условиях была уникальна координирующая функция политической ветви управления. Бюро обкома партии - единственный координирующий орган, интегрировавший административную, представительскую (с ее модификациями) и контрольную ветвь в единую систему управления областью. Политическая ветвь - единственная из всех, которая сохраняла инвариантную министртуру и прямые связи с высшими уровнями управления. Это давало возможность политическим руководителям подчинять интересы предприятий и организаций союзного и республиканского уровня интересам территорий. В состав бюро обкома партии входили секретари обкома, некоторые заведующие отделами, руководители представительской ветви, комитета народного контроля, руководители главков или особо крупных предприятий союзного и республиканского подчинений. Решения этого координирующего органа управления были обязательны для исполнения под угрозой исключения из партии.

Бюро парткомитета и исполком Совета осуществляли оперативную координацию деятельности ветви управления, в то время как пленумы парткомитета и сессии Советов народных депутатов координировали управления в более длительные промежутки времени. Они собирались два раза в год и определяли перспективу и цели социально-экономического развития территории. Стратегически наиболее важным координирующим органом управления выступала партийная конференция, определявшая состав партийного комитета и решавшая задачи, которые не могли быть поставлены в рамках текущей деятельности системы управления.

Уровень "Город"

Для городского уровня были характерны общие с областью особенности: шесть ветвей власти, те же формы субординации и координации, согласования деятельности предприятий и организаций союзного, республиканского и областного подчинений с интересами города. При общем сходстве проблем, они различались у городов разных типов. Статус столицы СССР, республики, области создавал для города неоднозначную ситуацию, когда городские ветви власти оказывались так или иначе подчинены центральным органам управления страной, республиканским или областным системам управления. В связи с этим возрастала роль координационных органов. В городах районного подчинения, центрах сельских административных районов возникала парадоксальная ситуация, связанная с существованием двух координирующих органов управления, имеющих одинаковый статус. Сельский административный район координировался РК КПСС, город - ГК КПСС. Это вызывало определенные противоречия между ними.

Уровень "Район"

Административная ветвь власти в районе (городском или сельском) включала предприятия и организации союзного, республиканского, областного, городского подчинений, кроме собственно районного. Их руководители не имели субординационных и координационных связей между собой; все связи выходили за пределы районного блока.

Рисунок 10 Список должностей на уровне района и населенного пункта.

административная ветвь	ветвь политического руководства	представительская ветвь	контрольная ветвь
	первый секретарь райкома КПСС		
директора предприятий республиканского подчинения		председатель исполкома районного Совета	
	секретари райкома КПСС		председатель комитета народного контроля
директора предприятий областного подчинения		первые заместители председателя исполкома районного совета	
	заведующие отделами райкома КПСС		районный прокурор председатель районного суда
директора предприятий районного подчинения		заместители председателя исполкома районного Совета	
	заместители заведующих отделами райкома КПСС		начальники инспекций областного подчинения
директора предприятий поселкового подчинения		начальники управлений исполкома районного Совета	
	инструкторы райкома КПСС		начальники инспекций районного подчинения
директора торговых точек предприятий и организаций		депутаты районного Совета	

Политическая ветвь была представлена иерархией должностей и партийным аппарате района.

Представительская ветвь задавалась, как и в областном блоке, должностями председателя районного исполнительного комитета, его заместителей, начальников отделов и управлений РИК, являвшихся в то же время депутатами райсовета. Связи в этой ветви шли "снизу" "вверх", так как решения исполкома были подконтрольны депутатам Сонета, председателям и членам постоянных комиссий. Поскольку начальники отделов и управлений РИК являлись, как правило, председателями или членами постоянных комиссий, то подконтрольность их действий депутатам Советов оказывалась номинальной и связи между ними были субординационными, как и в других ветвях власти.

Контрольная ветвь была представлена теми же органами, что и на высших уровнях управления: прокуратурой, народным контролем, судом. Иерархии должностей в них не отличались от других блоков управления.

Данное описание, основанное на принципиальной схеме организации ветвей власти, не специфицирует районный уровень. Поэтому рассмотрим представление районной власти также, как это было сделано для областного блока макроструктуры. Как уже говорилось, на уровне области административная ветвь делилась на две линии: собственно административную (включающую предприятия и организации союзного и республиканского подчинений) и административно-исполнительскую - результат слияния ветвей административной и представительской ветвей власти. В районе наблюдается то же самое. От административно-исполнительской ветви отделялись предприятия и организации областного и городского подчинений, а оставшиеся включались в административно-исполнительскую ветвь районного уровня.

Административно-исполнительская ветвь районной власти возглавлялась начальниками отделов и управлений РИК, которым были подчинены заместители начальников, курирующие соответствующие предприятия и организации районного подчинения.

Примерно так же формировалась контрольно-исполнительская ветвь власти района.

Субординационные связи в административной, политической и контрольной ветвях были такими же, как и на высших уровнях управления, в то время как в административно-исполнительской и контрольно-исполнительской ветвях они были весьма специфичны. Так, начальники районных управлений подчинялись, с одной стороны, заместителям начальников городских (в районах города) и областных (в случаях сельских административных районов) управлений исполкомов Советов народных депутатов. С другой стороны, они подчинялись заместителям председателей РИК, курирующим конкретные направления районного хозяйства. Непосредственное управление со стороны министерств и ведомств отсутствовало. Если на уровне области было хоть какое-то ограничение местных интересов со стороны административной ветви власти, то в районном блоке контроль был опосредован областными или городскими подразделениями административно-исполнительской ветви. Именно в районном блоке были созданы оптимальные условия для "местничества" - подчинения интересов государства интересам района.

Координационные связи и формы их организации не отличались от областных. Бюро райкома партии координировало деятельность всех ветвей власти, а исполком районного Совета - административно-исполнительской и контрольно-исполнительской ветвей. Бюро райкома и исполком РИК выполняли текущие координирующие функции, в то время как пленум райкома и сессия исполкома районного Совета, так же как районная партконференция, координировали деятельность ветвей власти на перспективу. Кроме того, бюро райкома партии выполняло специфические функции по управлению деятельностью предприятий и организаций (независимо от их подчиненности) через коммунистов, работающих в этих организациях и находящихся на партучете в райкоме. Оно обязывало коммунистов выполнять решения бюро, даже если это противоречило

государственной или ведомственной, политике. Наиболее четко это проявлялось в давлении на контрольные органы: прокуратуру, суд и народный контроль.

Специфика организации системы управления на районном уровне заключалась в структурной автономизации управления от общегосударственных административных и контрольных институтов, что особенно четко проявлялось в сельских административных районах.

Уровень "Поселение"

Поселение как структурная единица государственного устройства в правоведческой и в социологической литературе не рассматривается. Однако организация управления в поселениях настолько специфична, что делает необходимыми выделение этого уровня в отдельный блок.

В поселениях не были представлены политическая и контрольная ветви власти управления. В них были только ответвления административной и представительской ветвей. В селах или поселках были дислоцированы управленческие органы колхозов, совхозов или промышленных предприятий, отделения сельскохозяйственных предприятий, другие организации административной ветви. Советская власть обычно была представлена поселковым или сельским Советом с его председателем и немногочисленными подчиненными. Правоприменяющие органы, относящиеся к контрольной ветви, чаще всего были представлены участковым милиционером.

В поселениях возникала специфическая проблема отношений между руководителями предприятий и организаций, с одной стороны, и председателем сельского или поселкового Совета - с другой. Какой-либо координирующий орган управления здесь отсутствовал. Обычно предприятие или организация, размещенные в поселении, полностью финансировали строительство, содержали на своем балансе инфраструктуру. Роль представительской ветви была сведена до такого минимума, как регистрация браков, оформление прописки и ведение воинского учета. В поселениях существовали специфические формы административной власти, не скоординированные с другими ветвями власти. Это власть директора совхоза, промышленного предприятия, председателя колхоза, не ограниченная ничем: ни мнением избирателей, ни руководящей ролью партии, ни законами государства или ведомственных контрольных служб.

Существовали еще и поселения, в которых не было никаких органов управления, даже поселковых Советов. Жители этих поселений работали (и работают) - зачастую - за его пределами или в местном отделении сельскохозяйственного предприятия. Вся власть в таком поселении сконцентрирована у бригадира (линейного специалиста), и она ничем не ограничена.

Административные веса на высшем уровне руководства СССР.

Как известно, при Советской власти в ходе формирования властных решений весьма существенной оказывалась значимость функционера (или группы функционеров), их готовящих. Существовали интуитивные оценки значимости каждого государственного чиновника и степени его влияния на процесс принятия решений. Эти оценки составляли содержание исчезнувшей после распада СССР области знания "советологии".

Понятия теории административного рынка позволяют объективировать интуитивную логику советологов. Для этого введем понятие административного веса как меры возможного влияния конкретного чиновника. Предположим, что административный вес не зависит от личностных и прочих особенностей и целиком и полностью определяется положением функционеров в системе власти и теми отношениями с другими функционерами, в которые они вынуждены вступать, занимая определенные должности.

Для определения административных весов необходимо описание структуры функциональных мест в Советском государстве и отношений в ней. Введем понятия уровней и форм деятельности в административной, представительской, политической и контрольной ветвях власти и определим должности чиновников как отношения между одноименными уровнями и формами деятельности. Уровни и формы деятельности задаются сложившимися терминами - в частности, предполагается, что существовали уровень деятельности генерального секретаря ЦК КПСС, уровни деятельности секретарей, заведующих отделами ЦК КПСС. Уровни и формы деятельности были иерархизированы так, что уровень генерального секретаря был однозначно выше (старше рангом), чем уровень секретаря ЦК. Однако столь же четкие отношения ранжированности между секретарскими и зав. отделскими уровнями провести гораздо труднее.

В дальнейшем все места в административных иерархиях определяются как отношения между уровнями и формами деятельности. Термином “генеральный секретарь ЦК КПСС”, например, обозначается отношение между одноименными уровнем и формой деятельности.

Для того, чтобы количественно определить административный вес функциональных мест припишем каждому уровню и форме деятельности численное значение (ранг) от 10 (уровень генерального секретаря и одноименной формы деятельности) до 7 (уровень заведующего отделом ЦК КПСС и одноименной формы деятельности) и определим понятие веса функционального места (административного веса) как прямое произведение численных значений конкретного сочетания значений уровня и формы деятельности.

Вес генерального секретаря определяется как 10 (значение генсековского уровня) $\times 10$ (значение генсековской формы) = 100 . Административные веса руководителя секретариата ЦК КПСС тогда определятся как (9×10) равный 90 . Административный вес секретарей ЦК-членов Политбюро $(9 \times 9) = 81$.

Рисунок 2 дает представление о номинальной значимости каждого функционального места в политической ветви власти. В одной клетке таблицы может быть несколько функционеров, каждый из которых имеет свой административный вес. Так, каждый заведующий отделом ЦК (кроме зав. отделами, больших чем зав. отделами, т.е. представляющих по форме деятельности генерального секретаря, секретарей ЦК-членов Политбюро) имеет вес равный 49 .

Рисунок 11 Административные веса в структуре политической власти(второй секретарский уровень старше рангом, чем зав. отделский уровень).

формы деятельн уровни деятельн	генсековская 10	секретарская 1 9	секретарская 2 8	зав. отделская 7
генсековский 10	генеральный секретарь 100			
секретарский 1 9	руководитель секретар 90	секретари ЦК 81		
секретарский 2 8	“простые” секретари ЦК КПСС, первые секретари ЦК партий республик, первые секретари высшей категории 80	секретари ЦК партий республик, первые секретари ОК второй категории 72	первые секретари ОК третьей категории 64	
зав. отделом 7	зав. отделами, курируе генсеком 70	зав. отделами, курируемые секретарями ЦК- членами ПБ	зав. отделами, курируемые секретарями ЦК 56	зав. Функциональ -ными отделами ЦК

		63		49
--	--	----	--	----

Однако административные веса были далеко не столь однозначны, как казалось из общих принципов организации политической ветви власти. Неоднозначность вносилась тем, что ранги второго секретарского уровня и уровня заведующих отделами ЦК КПСС могли меняться местами. Структура административных весов в случае, если ранг уровня заведующих отделами был старше ранга второго секретарского уровня представлена на рисунке 3. В реальности административные веса партийных чиновников варьировали в диапазоне, заданном крайними значениями. Так, ранг первого секретаря ЦК партии союзной республики варьировал от 80 (рис 10) до 70 (рис 11). Определение веса чиновника в данный момент времени составляло содержание советологии, основывающейся на наблюдении за тем, в какой последовательности назывались фамилии чиновников в партийной печати и в каком окружении они появлялись на официальных мероприятиях.

Рисунок 12 Административные веса в политической ветви власти (зав. отделский уровень старше второго секретарского уровня)

формы деятельности уровни деятельности	генсекская 10	секретарская 1 9	зав. отделская 8	секретарская 2 7
генсекский 10	генеральный секретарь 100			
секретарский 1 9	руководитель секретаря 90	секретари ЦК 81		
зав. отделом 8	зав. отделами, куриру генсеком 80	зав. отделами, куриру секретарями, членами 72	зав. функциональ отделами 64	
секретарский 2 7	“простые” секретари КПСС, первые секр ЦК партий респу первые секретари высшей категории 70	секретари ЦК па республик, па секретари ОК второй категории 63	первые секретари третьей категории 56	первые секретари д парткомитетов областного уровня 49

Административный вес чиновника из административной, представительской или контрольной ветвей власти определялся на основании того, какому месту в политической ветви соответствовала его должность. Так, председатель Совета министров СССР, министр иностранных дел, председатель КГБ отождествлялись по административному весу с секретарем ЦК, членом Политбюро (вес 81), в то время как генеральный прокурор был равен по весу заведующему отделом ЦК с весом от 64 до 49 (в зависимости от административной конъюнктуры).

В рамках каждой ветви власти была своя иерархия административных весов, в которой каждое первое лицо имело максимальный административный вес, равный 100, однако реальный вес этого функционера в рамках общей советской жизни исчислялся по тому, с каким местом в структуре весов политической ветви (в партийной номенклатуре) оно идентифицировалось. Понижение или повышение административного веса заведующего отделом ЦК, которому по рангу тождественен был, например, министр, влекло за собой автоматическое повышение административного веса этого министра и, соответственно, его подчиненных. И наоборот, понижение веса заведующего отделом

влекло понижение весов тех функционеров, веса которых были равны рангу зав. отделом. Поэтому министр, царь и бог в своем министерстве, был только пешкой в системе административных весов ЦК КПСС: его “все 100” в министерстве при выходе “наверх” варьировали от 49 до 80. Рассмотрим это на следующем примере.

Рисунок 13 Административные веса в административной ветви власти

формы деятельности уровни деятельности	председательская 10	зампредовская 1 9	зам предовская 8	министер 7
Председатель 10	Председатель Совета министров СССР 100			
зампредовский 9	Первые зампреды Совета министров 90	зампреды Совета министров 81		
зампредовский 8	председатели Советов министров республик 80	председатели СМ республик 72	председатели СМ республик 64	
министерский 7	министры СССР, члены “малого Совми 70	министры, члены “большого Совми 63	министры республик 56	министры 49

В рамках административной ветви ранг председателя Совета министров СССР был равен 100, если исходить из принятой аксиоматики. Но в политической ветви административный вес главы кабинета был равен 81 (вес секретаря ЦК, члена Политбюро). Следовательно, реальные административные веса субординированных Председателю СМ СССР необходимо отсчитывать в долях от 81, пропорционально их весу в административной ветви. Так, веса заместителей председателя СМ СССР будут равны 65,6, что немного выше административного веса заведующего обычным отделом ЦК КПСС. Административный вес министра СССР, члена малого Совмина будет равен 56,7, что примерно равно административному весу первого секретаря ОК КПСС третьей категории.

Необходимость многоуровневой структуры власти.

Описанная надстройка над обществом была необходима по нескольким причинам. Одна из них - огромная территория страны, очень неоднородная географически и этнически. Вторая причина - государственная собственность на средства производства и отсутствие экономики как реальности, функционирующей по собственным экономическим законам, рыночным в частности. Для управления предприятиями и организациями, размещенными на конкретных территориях, была необходима иерархия административных органов, а чтобы координировать территориальные и отраслевые (административные) аспекты функционирования государства необходимы были и другие ветви власти - представительская, политическая, контрольная.

В своей принципиальной схеме структура власти СССР, конечно, была результатом созидательной и рациональной деятельности. Но в конкретной структуре она

во многом результат естественных и неконтролируемых процессов. Ветви власти и уровни макроструктуры (отраслевые и территориальные аспекты) тесно связаны между собой. Поэтому радикальные изменения в ветвях власти и отношений между ними (реформы И. С. Хрущева, “Косыгинская реформа” 1965 года”, реформы 1979 г.) нейтрализовались противодействием территориальных органов власти, и наоборот.

Министруктуры разных ветвей были связаны между собой: с каждой должностью в одной ветви были сопоставлены эквивалентные ей должности в других ветвях. Это необходимое условие функционирования системы управления в целом, так как принятие решений на каком-либо одном функциональном месте должно быть согласовано с эквивалентными должностями по всему уровню иерархии в других ветвях. Существовал своеобразный табель о рангах в виде института номенклатуры.

Существенной особенностью структурной организации системы управления обществом являлось своеобразное “умножение” статусов, связанное с членством функционеров в координационных органах управления. Функционеры, занимающие должности одного уровня иерархии, в то же время могли существенно различаться по скрытым параметрам: по членству в коллегиях, бюро партийных комитетов, исполкомах Советов и т. п. Функционер, член координационного органа управления, имел более высокий статус в системе управления, чем другой функционер равного ранга и положения в иерархии, но не входящий в ту или иную коллегию. Так, секретари ЦК КПСС делились на три группы: секретари - члены политбюро ЦК КПСС, секретари - кандидаты в члены Политбюро ЦК КПСС, и просто секретари ЦК. Аналогичные отношения были во всех блоках макроструктуры и во всех ветвях власти. Можно сказать, что членство в координирующих органах управления увеличивало линейные размеры иерархии управления (“сверху - вниз”) и создавало дополнительную, не связанную прямо с министруктурой компоненту динамики, обеспечивая карьерные перемещения без изменения должностного положения.

Следствием такого устройства власти было то, что продвижение “наверх” в аппарате управления было непосредственно связано с занятием должностей в партийной иерархии.

Формы связи между уровнями системы управления

Структурная целостность управления была весьма относительна. В реальности уровни макроструктуры были достаточно автономны и жили своей собственной аппаратной жизнью. Внутренняя жизнь республик (областей, краев, районов, поселений) лишь в своих граничных проявлениях зависела от Центра. Можно сказать, что высшие уровни иерархии управления задавали граничные условия функционирования, в то время как низшие действовали по автономным законам, иногда нарушавшим законы системы в целом.

Границы между уровнями макроструктуры, хорошо очерченные в схеме их устройства, в реальности были не столь четки. Это происходило потому, что функционеры, занимавшие должности в ветвях власти низших блоков, делегировались в высшие блоки по политической и представительской ветвям. Так, секретари ЦК партий союзных республик, обкомов и крайкомов в то же время являлись членами или кандидатами в члены ЦК КПСС, председатели облкрайисполкомов - депутатами Верховного Совета Союза или республики, а секретари райкомов и председатели РИК - депутатами областного Совета. Координирующие органы управления вышерасположенных блоков макроструктуры включали в свой состав первых руководителей ветвей власти низших блоков. Именно это обеспечивало одну из форм связей между блоками в целостную систему управления СССР.

Другая форма связи - отчетность и подотчетность низших блоков высшим. Сама государственная статистика была организована таким образом, что каждый блок

управления испытывал дефицит информации о самом себе. Устранялся он только высшими уровнями управления. В результате дефицита информации формировались особые формы связи между блоками и создавалась дополнительная зависимость низших блоков структуры от высших. Рассмотрим это на примере организации работы государственных статистических органов.

Районные органы Госкомстата собирали информацию только о предприятиях и организациях районного подчинения, которая была заведомо неполна из-за того, что на территории района были размещены предприятия и организации городского, областного, республиканского и союзного подчинений. Даже информация о населении и числе занятых в хозяйстве района была весьма ограничена: лица, находящиеся в местах лишения свободы и военнослужащие в отчетность не включались. Районная больница (в сельских административных районах) не давала в районные органы статистики информации о заболеваемости населения, так как являлась организацией областного подчинения.

Информация от районов и с предприятий областного подчинения поступала в областные органы Госкомстата, где сводилась в некоторое целое. Однако это целое не содержало сведений о предприятиях и организациях республиканского и союзного подчинений. Далее эти данные подавались в республиканские органы Госкомстата, где дополнялись сведениями о предприятиях республиканского подчинения и представлялись в Госкомстат СССР. И только на этом уровне формировался относительно полный массив информации о том, что собственно имеется и происходит в сельском или городском административном районе.

Распечатки вычислительного центра Госкомстата в разрезе республики, области, района поступали в виде периодических сборников в органы управления блоков макроструктуры и должны, по идее, были служить единственным достоверным источником сведений о состоянии дел. По закону, руководители ветвей власти в своей деятельности обязаны руководствоваться только этой информацией.

Каждый нижерасположенный блок макроструктуры для высшего представал в первую очередь как совокупность сведений, даваемых органами государственной статистики. Так, район для области (или города) - это цифры выполнения планов производства, распределения, потребления, сведения о правонарушениях (по административной ветви), о политической активности (по политической ветви), о деятельности Советов народных депутатов (по представительской ветви) и о состоянии законности и соблюдению норм и правил (по контрольной ветви). В зависимости от степени выполнения разного рода планов и нормативов район объявлялся областными органами управления хорошим (награждался, например, званием победителя социалистического соревнования), или плохим (наказывался вынесением вопроса о состоянии дел в нем на заседание коллегиального органа управления). Поэтому вполне естественно, что деятельность системы управления блоком (в данном случае - районом) была направлена на формирование такого статистического образа, который бы минимизировал наказание и максимизировал поощрение. Эта деятельность являлась одной из основных, и так называемые приписки были лишь одним из ее аспектов.

Организация потоков информации снизу вверх существенно отличалась в разных блоках макроструктуры. Между республиканским и союзным блоками информация шла по четырем каналам: по административной, политической, представительской и контрольной ветвям, причем сведения о деятельности предприятий и организаций союзного подчинения не должны были корректироваться республиканскими органами управления. Это мало устраивало республиканские органы, и руководители политической и представительской ветвей власти республики теми или иными способами воздействовали на статистические органы и на руководителей предприятий и организаций союзного подчинения с целью корректировки информации в нужную для территориальных органов сторону.

Потоки информации вверх от областного и нижерасположенных блоков макроструктуры, с одной стороны, гораздо сложнее описанных, с другой - проще контролируются территориальными органами управления. Сведения о деятельности предприятий и организаций республиканского и союзного подчинений, как и в предыдущем случае, должны были идти помимо территориальных органов. Однако реально они контролировались и корректировались примерно теми же способами, что и информация, шедшая от республиканского уровня на союзный. В то же время, благодаря административно-исполнительской и контрольно-исполнительской ветвей власти сведения о деятельности предприятий и организаций местного подчинения полностью контролировались и регулировались политическими и представительскими руководителями. В середине 80 годов сложилось даже своеобразное разделение занятий в деле контроля за потоками информации: политические руководители формировали "образы" предприятий, подчиненных высшим блокам управления, а руководители представительской ветви власти были заняты "имиджем" предприятий и организаций местного подчинения.

Субординация и координация в системе управления

Как уже подчеркивалось, субординационные связи формировали иерархии власти сверху вниз, тогда как координационные связи интегрировали ветви власти в целостность СССР. Соотношения между этими связями весьма важны для управления, так как обеспечивают подчинение целей и интересов ветвей власти государству в целом. Субординационные связи так или иначе деформировались координационными, поскольку происходило уравнивание субординированных должностей членством в координирующих органах управления.

Классификация организационных форм координации в ветвях власти показывает, как упорядочены координирующие органы на различных уровнях макроструктуры. В административной ветви координационные связи были организованы как Совет Министров, Президиум Совета Министров, коллегии министерств, ведомств, госкомитетов - на высшем уровне макроструктуры. Формы координации в республиканском уровне были аналогичны высшему. На уровне области, города, района какого-либо общего координирующего органа в административной ветви не было. В последнее десятилетие существования системы координирующие функции пытались выполнять советы директоров предприятий - общественные организации, создаваемые по инициативе и под давлением политических и представительских руководителей территорий.

Рисунок 14 Коллегиальные формы принятия решений на разных уровнях (блоках) в ветвях власти.

Уровень (блок) макроструктуры	СССР	Республика	Область (край)	Район
Ветви власти				
Административная	Президиум Совета министров, Совет министров, коллегии министерств и ведомств	То же , но для со республики	Совет директоров предпр коллегии главков	Совет директоров предприя
Политическая	Секретариат ЦК КПСС	То же , но для со республики	Секретариат обкома	Секретариат райкома
Представительская	Президиум верховного Совета СССР, заседания палат Верховного Совета и комиссий	То же , но для со республики	Исполком Совета	Заседания исполкома Совета
Правовая, (контроль)	Коллегия Верховного суда, прокуратуры, сессии Верховного	То же , но для со республики	Коллегия и сессия суда	Нет

В политической ветви координация осуществлялась в организационных формах заседаний секретариата парткомитета или его отделов. В представительской ветви координация была более разнообразна - от сессий Советов до заседаний исполкомов, от коллегий управлений и отделом исполкомов до советов директоров предприятий областного, городского и районного подчинения. В ней совмещение представительских и исполнительских функций создавало известную неоднозначность в классификации фирм координации, поскольку сессии Советов и заседания исполкомов могут рассматриваться и как организационные формы координационных отношений между ветвями власти (в той мере, в которой депутаты Советов и члены исполкомов представляют ветви). В контрольной ветви внутренние координационные связи на высших уровнях управления реализовались в таких органах, как коллегия Прокуратуры СССР или союзной республики. На уровне района, города или области подобные связи отсутствовали.

Рисунок 15 Коллегиальные формы принятия решений между разными ветвями власти.

Ветви власти	Административная	политическая	представительская	правовая (контроль)
Административная	X			
Политическая	Бюро парткома пленум парткома съезд и конференция партии	X		
Представительская	Сессии Советов	Бюро парткома пленумы и съезды партконференции	X	
Правовая (контроль)	Нет	Бюро парткомитетов, съезды и конференции	Сессии Советов, заседания Советов	X

Из классификации координационных связей между ветвями власти видно, что основной формой координации деятельности всех четырех ветвей власти были бюро партийных комитетов, их пленумы и партийные конференции. Роль сессий Советов и заседаний исполкомов как координирующих органов управления была ограничена тем, что в компетенцию Советов не входила координация политической деятельности. Кроме того, в функции представительской ветви не входило управление предприятиями и организациями, подведомственными более высоким уровням иерархии.

Координация составляла основное содержание деятельности аппарата управления, и скоординированные по всем ветвям власти решения составляли подавляющее большинство всех принимаемых им решений. Из-за этого, в частности, не могли обжаловаться действия должностных лиц, так как практически все решения, затрагивающие интересы граждан государств, оказывались коллегиальными и, согласно закону, обжалованию через суд не подлежали.

Координированные решения были обезличены и унифицированы, что означало отсутствие персональной административной и финансовой ответственности за них. Кроме того, "координированность" резко увеличивала время от принятия решений на уровнях управления до их практической реализации: иногда решения доводились до исполнителей после того, как обстоятельства, вызвавшие необходимость координации действий, уже потеряли актуальность.

Многокомпонентность власти, сопряженная с доминированием координирующих органов при принятии решений, приводила к своеобразной итерации отношений координации - субординации при движении решений вниз. Проиллюстрируем это на примере деятельности высшего координирующего органа - Политбюро ЦК КПСС. Предположим, оно выносило решение, обязывающее субординированный ему Совет Министров СССР предпринять какие-то действия в одной из отраслей или подотраслей. Но для отраслей народного хозяйства Совет Министров являлся координирующим

органом, решения в котором принимаются коллегиально. Коллегия Совета Министров, Президиума Совета Министров конкретизировала для отраслей и подотраслей решение политического органа управления. Министерство или государственный комитет или подчинявшиеся ему тресты, объединения, республиканские министерства также выступали координирующими органами управления и, соответственно, принимали коллегиальные решения. При этом подготовка коллегий, естественно, занимала некоторое время.

Скорость движения решения вниз по ветвям власти была пропорциональна количеству координирующих органов в них. В процессе формирования решений между функционерами и координирующими органами управления возникали обратные связи и соответствующие циклы деятельности: нижестоящие функционеры и координирующие органы обращались к вышестоящим с просьбой о принятии соответствующих решений, в то время как вышестоящие органы "обращали внимание" нижестоящих и их руководителей т. т. X и Y на то, что принятие решений по данному вопросу находится в пределах их компетенции. Чем меньше было координаций, тем быстрее принимались решения.

Десятилетия итераций циклов принятия решений привели к формированию в системе управления "фокальных точек", через которые преломлялись как пути прохождения информации вверх, так и принятие решений, направленных вниз. Имя являлись бюро партийных комитетов, в которых концентрировалась реальная власть. При этом ответственность конкретных функционеров, исполнявших решения бюро парткомитета, была минимальна, в то время как полномочия максимальны.

Описанный стереотип управления был характерен для обычных ситуаций. В чрезвычайных же обстоятельствах, в случае катастрофы или стихийного бедствия система управления переструктурировалась так, что формировался штаб оперативного управления, включающий в себя высших руководителей всех ветвей власти конкретного блока макроструктуры. Руководство штабом поручалось функционеру с чрезвычайными полномочиями. Штабы принимали решения, скоординированные по всем ветвям. Однако в отличие от обычных, штабная форма была действенна в реальном времени - отчасти потому, что иерархия должностей в ветвях при штабной форме уменьшалась до размеров одного блока макроструктуры. Катастрофы бывали разных масштабов - от районных, в случае, например, паводка, до общесоюзных, как это произошло в Чернобыле, где начальником штаба были поочередно заместители Председателя Совета Министров СССР, а подразделениями, подчиненными штабу, руководили министры СССР и их первые заместители. Путь от принятия решений до их исполнения был сокращен до возможного для советской системы минимума, и руководители высших рангов непосредственно направляли действия инженеров, рабочих и военнослужащих.

Ситуация "ожидания и предвосхищения" катастрофы в экономическом и социальном планах была выгодна конкретным территориям, предприятиям и организациям, так как позволяла смягчить, а иногда и полностью снять проблемы, накапливающиеся годами и неразрешимые обычными стереотипами управления. Именно поэтому помимо обычных каналов прохождения информации в вышестоящие органы управления шел поток сведений о бедственном или угрожающем катастрофой состоянии дел. Функция вышестоящих органов управления, кроме прочего, заключалась в том, чтобы отделить истинные сигналы от ложных. Они выполняли роль фильтра и были перегружены информацией, и потому практически всегда работали в режиме чрезвычайного положения или близкого к нему. Естественно, что при этом страдало текущее управление. В результате огромная управляющая надстройка оказывалась малочувствительной к обычным состояниям низших звеньев иерархии и постоянно создавала и распускала штабы, предназначенные для решения обыденных проблем - вроде уборки урожая или подготовке к зиме. Границы возможных изменений формальной структуры управления.

Структурная организация власти накладывала существенные ограничения на возможности ее изменения. Она допускала только такие изменения, которые не затрагивали ее сущности. Этому много примеров - от неудачных попыток Н.С.Хрущева лишить партию ее структурообразующей роли разделением партаппарата на промышленные и сельскохозяйственные парткомитеты до экономических реформ 1965 и 1979 гг., нацеленные на перевод промышленности и сельского хозяйства из административной юрисдикции в сферу действия экономических законов.

Однако внутренние напряжения были очень велики, и когда они дополнялись давлением со стороны мирового сообщества, то система вынуждена была меняться. За 70 лет ее существования сформировались три основных направления изменений, не затрагивающих основ.

1. Персональные изменения - снятие или перемещение конкретных людей с одной должности на другую. Принцип номенклатурности накладывал определенные ограничения на перемещения с должности на должность. В частности, функционер удалялся из системы управления только в случае, когда становилось общеизвестным нарушение норм и правил системы. Но и при этом было необходимо согласие парткомитета, в номенклатуре которого находится должность.

Перемещение обычно совершалось на одном уровне иерархии, где из-за описанного выше умножения статусов вследствие членства в координирующих органах были возможны повышения и понижения. Довольно часто перемещения означали изменение государственных приоритетов, но не статуса руководителя. Назначение человека, занимающего высокий пост, на другую должность (с сохранением членства в координирующем органе управления) означало увеличение роли отрасли или ветви власти в народном хозяйстве или политической структуре.

Персональные изменения во власти не могли в принципе ее изменить, более того, только стабилизировали ее. Однако эти изменения функционерами власти каждый раз воспринимались как революционные, так как за годы пребывания на должности субординационные и координационные отношения во многом выстраивались как личные отношения. Поэтому персональные изменения на высших уровнях иерархии для функционеров низших уровней были чреваты многими, часто неприятными, последствиями. Обычные процессы смены управляющей элиты, отработанные в традиционных общностях, не испытывавших революционных преобразований, в системе управления советским обществом носили чрезвычайный характер.

2. Преобразование ветвей власти. Этот вид изменений происходил как разделение или слияние министерств и ведомств, формирование новых отраслей и подотраслей, отделов в партаппарате, исполкомах местных Советов, контрольных органов и т. п. Сюда же можно отнести формирование новых форм координации, таких как советы трудовых коллективов или советы директоров предприятий и организаций. Преобразования ветвей власти отражали динамику государственных приоритетов, повышение или понижение статуса отраслей и подотраслей народного хозяйства. В качестве примера такого рода изменений можно привести создание совнархозов (1961 год), формирование Госагропрома (1985 год) из шести отраслевых министерств, и создание областных Главных производственно-экономических управлений, объединявших предприятия местного подчинения в областном блоке.

Преобразования власти были нейтральны к системе управления СССР в целом. Эволюция ее шла в основном следующим путем: напряжения в производственной и социальной сферах осознавались руководителями государства и партии как дефицит того или иного продукта, ресурсов, инструментов управления. И каждый раз осознание дефицита сопровождалось формированием министерства или ведомства, призванного этот дефицит ликвидировать. В итоге административная ветвь разбухла (к середине 80 годов) в высшем блоке макроструктуры почти до 100 министерств и ведомств и стала практически неуправляемой.

3. Изменения в уровнях иерархии. Этот путь эволюции был связан с формированием новых или ликвидацией старых уровней иерархии. Так были сформированы бюро Совета Министров Союза (1982 год) и союзных республик. В течение многих лет обсуждался вопрос о переходе от трехзвенной системы управления производством к двухзвенной. Звеном при этом считался один блок макроструктуры, союзный, республиканский и областной. К этого рода изменениям можно отнести и ставшее традиционным сокращение аппарата управления. Последнее мероприятие весьма любопытно по последствиям, так как ни одно сокращение кадров не приводило к уменьшению реальной занятости в системе управления обществом, скорее, наоборот. Дело в том, что ликвидация должности в одной ветви власти вызывала напряженность по всему уровню иерархии на функциональных местах, сопряженных с этой должностью. Это связано с описанной выше процедурой согласования решений по уровню иерархии во всех ветвях, без чего было невозможно принятие решений. Отсутствие одного функционального места в ветви власти автоматически переносило процедуру согласования на более высокий уровень, т. е. увеличивало нагрузку на высших функционеров.

Примерно такие же следствия вызывало и введение в иерархию новой должности, не связанной с должностями в других ветвях власти. И совершенно независимо от намерений руководителей государства любое сокращение аппарата управления, если оно не было достаточно продумано (а ни одно из них не было продумано), приводило к его росту: иерархии в ветвях власти были способны к "затягиванию" повреждений, нанесенных насильственными действиями, когда вместо одного удаленного функционального места возникало несколько других в этой же или сопряженных ветвях. Сокращения аппарата давали обратные по отношению к идее сокращения результаты: иерархии разбухали, теряли структурную упорядоченность и определенность целей функционирования.

В основном это касается мезоструктуры, не рассматриваемой в данной работе. Дело в том, что за каждым функциональным местом в ветвях власти находился вполне определенный аппарат - отделы, управления, референтуры, консультанты, службы, исследовательские и консультационные институты. Эти подразделения мезоструктуры выполняли роль своеобразного демпфера сокращений аппарата: освобожденные от должностей поглощались мезоструктурой и по мере необходимости освобождались из нее, занимая старые или новые должности.

СОЦИАЛЬНО - УЧЕТНАЯ СТРУКТУРА АДМИНИСТРАТИВНО - РЫНОЧНОГО ОБЩЕСТВА

Понятие социально - учетной группы. Социальная справедливость и административный режим.

Каждый советский человек имел социальный статус, т.е. место в иерархиях отраслевого и территориального управления. Это место определялось полом, возрастом, происхождением, уровнем образования, местом работы, профессией и должностью, семейным положением, пропиской и некоторыми другими характеристиками. Отношение к собственности не входило в определение социального статуса, так как средства производства принадлежали всем.

Социальная структура реального социализма, действительно построенного в СССР, принципиально отличается от исторически сложившихся социальных институтов (основанных, как правило, на отношениях собственности) тем, что в своих явных и учитываемых характеристиках она искусственна и сконструирована под высокую цель

достижения социальной справедливости, которая понимается как гарантированный государством объем и уровень потребления.

Характер потребления определялся социально - учетными параметрами, такими, как прописка и место жительства, должность, занятость в более или менее важной отрасли народного хозяйства. Совокупность параметров, определяющих характер потребления, задавало социальные группы. Социальные группы в реальном социализме были выделены по их отношениям к объему и уровню потребления: были группы с минимумом гарантированного потребления - это жители неперспективных сельских поселений или заключенные в местах лишения свободы. И были группы с максимумом гарантированного потребления - чиновники высших рангов, проживающие в Москве. Совокупность так определенных социальных групп и отношений между ними задавало социальную структуру реального социализма.

Трагична история формирования этой социальной структуры. Усилия государства в первые десятилетия его существования были направлены на интеграцию политической и экономической жизни в целое, свободное от недостатков и противоречий ранее раздельного существования государства и рынка. Преодоление противоречий между государством и рынком за счет поглощения рынка государством предполагало в первую очередь такое изменение социальной структуры, чтобы она соответствовала потребностям и возможностям планового хозяйства. Изменение социальной структуры было осуществлено в ходе массовых репрессий социальных групп, противоречащих своим существованием плановости социалистического хозяйствования: буржуазии, нэпманов, служителей культа, единоличных крестьян, и т.д.

Новая огосударствленная социальная структура основывалась на распределительных отношениях, а не на отношениях к средствам производства, полностью национализированным. Она состояла из двух классов и прослойки между ними. Отношения между этими группами строились как распределение: крестьяне потребляли продукцию рабочих и производили предметы потребления рабочих. Рабочие присваивали продукты, произведенные крестьянами, и производили то, что было необходимо крестьянам. Служащие распределяли и контролировали потоки продуктов от крестьян к рабочим и обратно, следя за тем, чтобы потребление каждой группы удовлетворяло критериям социальной справедливости, вернее, тому, как она понималась государством на каждом этапе построения социализма. Государство строго фиксировало принадлежность к социальной группе и контролировало посредством квот, ограничений и репрессий состав каждой группы и их отношения друг с другом. Был порядок.

Построение новой социальной структуры означало конструирование общества с заданной априори степенью социальной неоднородности, такой, как различия между рабочими, крестьянами и служащими.

Новая социальная структура стала сложной и дорогостоящей машиной, где любой человек был только унифицированным элементом, винтиком, который при необходимости списывался в ГУЛАГ и заменялся другим винтиком.

Каждая из новых социальных групп - рабочих, крестьян и служащих - не была однородной. Внутри групп было проведено ранжирование в зависимости от важности страты и подгруппы в функционировании всей структуры. Ранжирование получило очень четкое выражение в карточной системе в предвоенные, военные и послевоенные годы. Существовали карточки рабочие и иждивенческие, детские и взрослые, карточки для занятых в оборонных отраслях и в гражданских. Были группы, не имевшие никакого гарантированного снабжения, например колхозные крестьяне и заключенные. Эту искусственную социальную структуру имеет смысл называть социально-учетной.

Стабильность и определенность - основные достоинства социально - учетной структуры: отношения между социально - учетными группами были полностью определены и контролировались государством, состав групп был задан целями государства. Изменения в социальной структуре такого рода возможны только как

"сближение" и "уменьшение различий", как количественные изменения, не затрагивающие сути структуры. Качественные изменения, такие, как формирование новых групп, в принципе невозможны, так как социальная структура действует как устройство с отрицательной обратной связью: нарушения заданной степени социальной однородности фиксировались государственной статистикой, преобразовывались в политические и плановые решения, которые включали механизм квот, ограничений, подбора и расстановки кадров, иногда - репрессии.

В основных своих чертах построение социальной структуры было завершено в 40-е годы. Дальнейшая ее эволюция заключалась в детализации критериев распределения, в выделении все новых и новых групп потребления, а также в элиминации людей или организаций, нарушавших "социальную гармонию". Н.С. Хрущев даже объявил на весь мир дату наступления коммунизма. Однако вместо этого пришла эпоха застоя с ее экономическими диспропорциями, всеобщим дефицитом, увеличением преступности и т.п.

Ключевое понятие для описания такой социальной структуры - социально-учетная группа. В понятие социальной группы входит нормативно заданный объем и качество потребления, что создает неоднородность в жизненном уровне у представителей разных социально - учетных групп. Благодаря ранжированности потребления возникал потенциал, заставлявший людей мигрировать, менять работу, конкурировать за места в должностной иерархии, т.е. создававший социальную динамику. Управление динамикой осуществлялось регулированием норм снабжения и обеспечения, установлением квот и льгот, коэффициентов к зарплате и доплат, связанных с государственными приоритетами.

Формирование норм, квот, системы доплат и компенсаций составляло содержание государственной социальной политики, жестко связанной с производством. Именно эта деятельность была эквивалентна - в условиях реального социализма - рыночным механизмам регулирования. Сочетание "правильно" подобранных норм и квот обеспечивало прилив рабочей силы, населения, а также стабилизацию его в местах, приоритетных с точки зрения государства. В результате этой политики формировались локальные центры престижного или качественного потребления, вокруг которых структурировалась активность населения. Дефицит благ, сопровождающий ранжированное распределение, создавал особые центроостремительные силы и структурировал население и рабочую силу, а также занятых в аппарате управления в формах жизнедеятельности, специфичных для реального социализма. Стремление потреблять "не хуже других", устроиться так, чтобы можно было "достать" и "получить", - вот смысл и цель социальной активности.

Социальные группы определялись в территориальном, отраслевом и должностном аспектах. Как известно, все поселения в рамках еще существующего территориально - административного деления были иерархизированы: существовали и существуют внекатегорные поселения, такие, как столицы и курортные города, поселения первой и последующих категорий. Категория определяет уровень снабжения и обеспечения коммунальными благами и многие другие параметры, связанные с потреблением. Уровень жизни в поселениях высших рангов был нормативно выше, чем в поселениях низших рангов, что вызывало естественное движение населения от поселений низших рангов к высшим (миграцию).

В территориальном аспекте социально-учетный статус человека определялся его приписанностью к конкретной территории, поселению (прописка), правом на жилье, реализующимся в ордере на квартиру, и если он военнообязанный, то воинским учетом в определенном военном комиссариате. Нормы и санкции, задающие социальное положение в территориальном аспекте, называются административным режимом. Контроль за соблюдением административного режима осуществлялся и осуществляется органами Министерства внутренних дел, местными администрациями и военными комиссариатами.

Система рангов территорий была далеко не проста и неоднозначна. Строгая иерархия территорий постоянно нарушалась в конкуренции за ранги. Отдельные территории добивались более высоких рангов, чем полагается по административному положению или демографическим показателям, или получали особые привилегии, например высокие категории снабжения и коэффициенты к заработной плате для проживающих на них. Жители поселений более низких рангов стремились переселиться в поселения высоких рангов либо ездили в них за покупками, в театры, на предприятия бытового обслуживания.

Другой аспект определения социально-учетной группы связан с занятостью в отраслях народного хозяйства. Отрасли, так же как и поселения, были ранжированы, хотя ранги отраслей были не столь выражены. Министерства оборонной "девятки" были заведомо выше в государственной табели о рангах, чем сельскохозяйственные министерства, а статус министерства среднего машиностроения был просто несравним со статусом министерства культуры. Уровень обеспечения жильем, коммунальными услугами, уровень и стабильность заработной платы варьировали на предприятиях различных отраслей в зависимости от того, насколько "важны" то или иное предприятие или отрасль, к которому они принадлежат.

Социальный статус в отраслевом аспекте определялся профессией и уровнем образования, зафиксированными в дипломах и трудовых книжках, квалификационных удостоверениях, удостоверениях личности работника и других "корочках".

Градиент в уровне заработной платы и неденежных доходов вызывал естественный поток рабочей силы, направленный от предприятий низких рангов к предприятиям высших рангов (текучесть кадров). Движение рабочей силы между предприятиями и организациями регулировалось нормами Кодекса законов о труде и подзаконными актами. Задачи КЗОТ, в частности, заключались в том, чтобы обеспечивать рабочей силой предприятия всех рангов вопреки естественному потоку рабочей силы от предприятий низших рангов к высшим. Смена места работы, если она сопряжена с переходом на предприятие более высокого ранга, была связана с прохождением различных комиссий, получением разрешения или с понижением разряда и уровня заработной платы.

Реальная ранжированность предприятий и организаций была неоднозначна. Это связано с тем, что предприятия и организации конкурировали за рабочую силу и за счет собственных средств вводили различные дополнительные льготы, такие, как относительно быстрое получение жилья, доплаты, специализированное снабжение.

В деятельности государственных плановых органов нормативы потребления преобразовывались в планы, которые "спускались" предприятиям, территориям и другим подразделениям государственного устройства и в них становились конкретными решениями о приеме или неприеме на работу, введении человека на тот или иной уровень номенклатуры, разрешении или ограничении прописки, т.е. реализовались в нормах административного режима и КЗОТа, квотах механизма подбора и расстановки кадров.

Сочетание норм административного режима, КЗОТа и механизма подбора и расстановки кадров задавало параметры управления, понимаемого и реализуемого как доведение социальной структуры до идеального состояния с минимальной степенью социальной неоднородности и с максимумом социальной справедливости.

Другое следствие социально - учетной структуры имело огромное экономическое значение. Речь идет о покупательной способности денег, существенно зависявшей от социально - учетного статуса их обладателя. В силу ранжированности территорий, отраслей и должностей и соответствующего распределения благ покупательная способность денег возрастала с ростом служебного положения, с передвижением из поселений низкого ранга в поселения высших рангов и с переходом работника из предприятий и организаций низкопрестижных отраслей в высокопрестижные. Занятость

в отрасли, имеющей высокий статус и связанные с ним специализированные ОРСы, системы общественного питания и другие льготы, давала возможность приобретения благ по более низкой цене. Высокое должностное положение позволяло благодаря специализированному снабжению и обслуживанию иметь гораздо более высокие реальные доходы, чем у людей с низким должностным положением и такими же номинальными доходами.

В результате социально - структурной дифференциации в покупательной способности денег возникали их потоки, направленные вверх по иерархии должностей (коррупция и злоупотребление служебным положением), с территорий низких рангов на территории высоких рангов (поездки за покупками в региональные столицы), и от предприятия к предприятию (торговля дефицитом: топливом, запасными частями, спиртом, и многим другим).

Потоки денег усиливали социальное неравенство и нарушали гармонию установленной социальной однородности. Кроме того, переток денег снижал управляемость социальной структурой в целом, так как противодействовал одному из основных методов управления - материальному стимулированию. Это вынуждало государство направлять значительные усилия на борьбу с коррупцией, несудами, поездками за покупками и другими обыденными явлениями общественной жизни реального социализма.

Как уже говорилось, построение социальной структуры было завершено в 40-е годы. Именно с того времени и до 1991 года почти без изменений действовали административный режим, КЗоТ и механизм подбора и расстановки кадров. И все это время развивались и совершенствовались общественные отношения, сглаживающие действия механизмов социально - структурного регулирования или противодействующие им - должностная коррупция и взаимообменные отношения, теневая экономика и стереотипы получения, обмена, торговли жильем, институты обхода норм и правил прописки, нарушения квот механизма подбора и расстановки кадров.

Если рассматривать ситуацию в целом, то можно сказать, что в рамках социальной структуры сформировались особые системы отношений, которые искажали распределительные механизмы и вводили способы перераспределения, такие, как коррупция, взаимообменные отношения, способы нарушения административного режима и квот механизма отбора и расстановки кадров. Можно предположить, что если в социальной структуре существовала какая - то норма, квота, запрет или ограничение, то существовали и более - менее стереотипизированные способы их нарушения. Теневая экономика и теневые механизмы распределения были столь же необходимыми элементами социальной структуры, сколь и социально - учетные группы и институализированные государством механизмы распределения. Более того, социальная динамика в первую очередь проявлялась как противодействие государственной распределительной политике. Государственное распределение и теневое перераспределение были неразрывны до тех пор, пока государство узурпировало функцию распределения.

Активность населения страны все эти годы характеризовалась борьбой с нормами административного режима, квотами механизма подбора и расстановки кадров и другими элементами управления. Ранжированность потребления, как и нарушение ранжирования коррупцией, во взаимообменных отношениях, в прямом хищении способствовали формированию негативизма по отношению к нормам и ценностям социально - учетной структуры. В области потребления сформировался всеобщий и перманентный дефицит - как следствие исходной ранжированности в потреблении благ и услуг. Дефицитарность социальных отношений и сопровождающий ее негативизм время от времени интерпретировались - в трудах рефлектирующий идеологов социализма - как необходимость введения новых социально-учетных групп и формирования более

жестких методов контроля за распределением в территориальном, отраслевом и должностном аспектах.

Распад СССР, демократизация и экономическая реформа означали ревизию принципов построения и функционирования социальной структуры. Однако отказ от принципов построения не означает прекращение существования социальной структуры. За десятилетия функционирования она стала автономной реальностью: социалистические социально - учетные группы (рабочие, крестьяне и служащие) после распада социалистического государства ожили и теперь - в середине 90 годов - действительно существуют и в значительной степени определяют и политическое, и экономическое развитие, способы восприятия реальности и ее осознания. Свидетельством этого стало забастовочное движение обладающих социалистическим менталитетом рабочих, противодействие "крестьян" введению частной собственности на землю и ретроградные политические движения совслужащих (учителей и врачей в частности), направленные на восстановление своего прежнего социально - учетного положения и прилегающего к нему объема социальных гарантий.

Прямые и жесткие воздействия на социальную структуру вызывают только консолидацию ее элементов, сплоченных в единое и противоречивое целое отношениями распределения и дефицита. Изменения социальной структуры, которые произойдут в ходе рыночных реформ, приведут - через годы или десятилетия - к формированию локальных общностей с различными социальными структурами, основанными на этнических, географических, экономических и других особенностях.

Резкие изменения социальной структуры провоцируют "взрывные" процессы и потерю той минимальной степени управляемости, которая поддерживалась совокупным действием административного режима, норм КЗОТа и механизмом подбора и расстановки кадров. В этой связи интересен вопрос о социальных последствиях отмены административного режима, норм КЗОТа и отказа от механизма подбора и расстановки кадров. Ограничения, накладываемые пропиской и существующим порядком распределения жилья представляют практически единственный способ регуляции миграции населения. В то же время в обществе сложились институты, позволяющие обойти запреты административного режима, - торговля жильем, фиктивные браки, прямой подкуп чиновников, и т.п. Аферы, связанные с пропиской и получением жилья, общеизвестны и свидетельствуют о достаточно низкой эффективности запретов. Более того, нормы административного режима, вернее, сложившиеся способы их нарушения, усиливают социальную дифференциацию и благоприятствуют социально - учетным группам, имеющим высокий статус.

Отмена ограничений на прописку и изменение норм распределения жилья (в частности, появление рынка жилья) на первых порах вызвали усиленное миграционное давление на существующие административные и экономические центры вследствие их высокого социально - учетного статуса и соответствующих рангов в иерархии распределения. Однако приток населения вызвал падение жизненного уровня в центрах. Кроме того, возможность проживания в административных и экономических центрах лимитируется количеством рабочих мест.

Однако в результате экономической реформы, как представляется, существенно снизится потребность в живом труде. При этом существенная часть населения, которая будет мигрировать при смягчении или отмене административного режима, прописки и правил распределения жилья оказывается под угрозой люмпенизации и криминализации. Это неизбежно, и проблема заключается в ограничении масштабов социальных аномалий. В целом отмена административного режима вызовет периодические миграции населения, которые будут затухать в течение жизни одного поколения, и конечно, изменение системы расселения.

Изменение норм КЗОТа, как и изменение административного режима, на первых порах вызвало отток рабочей силы и увеличение текучести кадров. Социальные гарантии

и блага, заложенные в КЗОТе, в значительной степени потеряли свою ценность, в особенности для молодежи. Это относится к ценности непрерывного трудового стажа, к пенсионному обеспечению и различного рода компенсациям за режим и характер труда. Отмена или модификация норм КЗОТа в какой-то степени легализует сложившееся положение. Естественно, изменение трудового права вызывает изменение структуры занятости.

Отказ от механизма подбора и расстановки кадров уже произошел вместе с акционированием предприятий и исчезновением института номенклатуры. При этом выпавшие из номенклатуры работники аппарата управления выработали специфичные системы отношений самохранения. Эти активные и хорошо организованные люди вынуждены для сохранения уровня жизни воспроизводить привычные стереотипы поведения, которые в условиях новой экономики приобрели полукриминальный или криминальный характер.

Выборность и номенклатурность.

Социально-учетная структура представляла собой огромный "резервуар", в котором по ветвям власти, отраслям народного хозяйства и территориям были размещены сотни миллионов людей. "Подбор и расстановка" кадров в системе управления этим "резервуаром" традиционно являлись главной заботой социалистического государства.

Существовали два механизма пополнения кадров, обеспечивавших самосохранение и самовоспроизведение системы: выборность и номенклатурность. Как уже подчеркивалось выше, основой понятия социально-учетной группы было то, что социальное положение человека определялось, во-первых, его занятостью в определенной сфере народного хозяйства (рабочие - на государственных предприятиях, колхозники - на кооперативных); во-вторых, проживанием на определенной территории; в-третьих, должностью, т. е. в конечном счете местом в иерархии управления обществом. Сочетание этих параметров, дополненное указанием пола, возраста, национальности, происхождения, уровня образования, семейное положение, членства в КПСС и общественных организациях, отношения к военной службе задавало социально - учетное положение конкретного человека. Совокупность людей со сходными параметрами социального учета образовывала социально - учетную группу.

Основополагающая теоретическая категория, использованная для конструирования социалистических государственных институтов - социальная однородность. Социальная однородность понималась при этом как такое состояние общества, при котором каждый его член может и должен быть описан ограниченным списком социально - учетных характеристик. Совокупность людей со сходными социально - учетными характеристиками в данном государственном месте (отрасли, территории, предприятии или организации), согласно постулату социальной однородности, не могла существенно превышать концентрацию людей с такими же социально-учетными характеристиками в государстве в целом. В противном случае это "место" считалось социально - неоднородным и, следовательно, чреватым социальными конфликтами.

Кроме того, в понятие социальной однородности входили меняющиеся во времени сочетания социально - учетных характеристик. Так, образование и профессия человека должны были соответствовать занимаемой должности, а концентрация людей определенной национальности в конкретных организациях, на предприятиях, в отрасли или ветви власти не должна была превышать некую количественную границу, заданную общим количеством людей этой национальности по данным Госкомстата.

В переводе на язык практики это означало, что если, например, доля мужчин определенного возраста, пола, национальности и уровня образования среди всего

населения страны была равна 5%, то доля соответствующего контингента в любой случайно взятой организации или отрасли хозяйства не должна быть большей или меньшей. Если установленные нормативы где-то нарушались, это пресекалось.

Понимаемая таким образом социальная однородность была связана с трактовкой социальной справедливости. Согласно основной социалистической обществоведческой догме, социальная справедливость понималась как государственная политика более - менее равномерного распределения благ всем социально-учетным группам. "Более - менее" в данном случае означает, что одни социальные группы получали больше, а другие меньше согласно государственным приоритетам и роли конкретных групп в процессе социалистического строительства. Социальная справедливость в описанном выше смысле была невозможна без социальной однородности, т. е. без четкого и однозначного определения принадлежности человека к социально - учетной группе. Именно для достижения такой социальной однородности (как необходимого условия социальной справедливости) были осуществлены массовые репрессии культа личности и выборочные репрессии времен застоя, в ходе которых из социальной жизни (или из жизни вообще) элиминировались люди, в анкетах которых были пункты, фиксирующие их принадлежность к несовместимым с социалистическим мироустройством социальным группам.

Принципы выборности и номенклатурности можно рассматривать как практическую реализацию социальной политики, базирующейся на понятиях социально - учетной группы, социальной однородности и социальной справедливости. При реализации принципа номенклатурности из заданного тем или иным образом количества вполне конкретных людей на определенное место в системе управления выбирался только один человек, удовлетворяющий требованиям партийной статистики. Номенклатурность, в частности, означала, что человек, однажды определенный на соответствующую должность, может быть освобожден от нее только переводом на другую должность. В принципе номенклатурности воплощена "выборность сверху": власть вбирает человека в свои иерархии, и дальнейшая его жизнь может протекать только в иерархиях, причем на вполне определенном уровне. Последнее имело большое практическое значение так как основным в деятельности управления являлось, как уже подчеркивалось ранее, согласование интересов различных ветвей власти и подготовка проектов решений, которые бы устраивали всех. Естественно, что на каждом уровне управления существовала определенная специфика согласовательной деятельности. Поэтому человек, освоивший процедуры согласования, представлял слишком большую ценность для системы, чтобы его можно было из нее исключить. В результате движение кадров осуществлялось путем перемещения работника с одной должности на другую, но в пределах вполне определенного уровня номенклатуры.

Напротив, при реализации принципа выборности власти задавали конкретные характеристики нужного человека, которые "спускались" коллективам предприятий и организаций. В естественной политической системе выборы понимаются как выбор из нескольких кандидатов, осуществляемый избирателями из симпатии к политическим взглядам, способу поведения и другим характеристикам кандидатов на выборные должности. В рамках социально - учетной структуры выборы имели принципиально иной смысл. В основе выборной процедуры лежало представление о том, что статистическая квотная выборка из популяции, осуществленная по социально - учетным параметрам дает модель популяции, в которой сохраняются все исходные отношения. Сохранение в выборке арифметических пропорций представительства рабочих, крестьян, служащих определенного пола и возраста, образовательного уровня и этнической принадлежности гарантировало, с точки зрения социально-учетной идеологии, воспроизведение в ней отношений между базовыми социально-учетными группами, конструирование которых составляло основное содержание социалистического строительства.

Социалистические выборы складывались из двух процедур: конструирования выборки, осуществляемой специальными органами местных Советов, партийных комитетов и других организаций, и в собственно голосовании, которое считалось апробацией качества произведенной выборки. Кандидаты в депутаты (и, естественно, сами депутаты) должны были представлять все социально - учетные группы именно в тех отношениях, которые были зафиксированы государственными статистическими органами на определенной территории, на предприятии или в организации. Расчет такой выборки представлял значительные арифметические трудности и требовал огромной статистической работы. Результаты расчета "спускались" территориальными партийными комитетами, исполкомами местных Советов в виде рекомендаций руководству предприятий и организаций представить кандидата в депутаты, удовлетворяющего нескольким параметрам, например - женщину до 25 лет, беспартийную, русскую, незамужнюю, служащую.

Совокупность кандидатов в депутаты, отобранных таким образом, образовывала своего рода пул, репрезентирующий все социальные группы. Естественно, замена кандидатов в депутаты была возможна только в том случае, если заменяемые обладали сходными социально - учетными характеристиками. Собственно выборы осуществлялись как голосование "за список", включающий тех людей, которые при разверстке совокупности кандидатов в депутаты по отдельным округам тем или иным образом пришлось на данный избирательный округ.

В процедуре голосования каждый член социально - учетной группы своим голосом подтверждал как правильность предварительно проведенной работы по формированию выборки, так и ее принципиальную адекватность, т.е. существование социально - учетной структуры. Именно поэтому был необходим полный охват процедурой голосования населения или занятых в производстве. В отчетах о количестве проголосовавших, как правило, фигурировала цифра 99,98%. Иные результаты интерпретировались либо как некачественная работа органов, формирующих выборку, либо как наличие на данной территории, на предприятии или в организации людей, находящихся в оппозиции к социально - учетной структуре в целом, а значит и к государству.

Таким образом, выборность означала, что совокупность депутатов представляет все социально - учетные группы именно в тех отношениях, которые существовали между ними в социально - учетной структуре. Выборность ни в коей мере не была связана с предпочтениями, которые по тем или иным основаниям оказывали одни люди другим, избиратели - кандидатам в депутаты, в частности.

При формировании "человеческого наполнения" системы управления обществом выборность и номенклатурность дополняли друг друга. Они обеспечивали безличность этой системы, ее статистическую социальную справедливость и полную отчужденность от обывателей и понятных социальных отношений.

Большая часть функционеров административной, политической и представительской ветвей власти, занимая определенные должности, автоматически кооптировалась в состав представительских органов управления и на выборные должности. Это приводило к сдвигу суммарных характеристик совокупности выбранных, т. е. к нарушению социальной однородности и социальной справедливости, поскольку необходимым условием справедливости являлась близость усредненных характеристик социалистических масс и системы управления этими массами.

Социальная справедливость восстанавливалась двумя приемами. Во-первых, социальное происхождение (одна из характеристик, определяющих социально-учетную группу) функционеров системы управления считалась по той социально - учетной группе, к которой они принадлежали до того, как попали в номенклатуру. Например, та часть функционеров, у которых в трудовых книжках первая запись была "рабочий", числились рабочими вплоть до ухода на персональную пенсию. Во-вторых, ужесточалась точность указания социально - учетных характеристик, которым должны были

удовлетворять кандидаты на выборные должности. Совокупность социально - учетных характеристик функционеров, за которыми были закреплены места в системе управления, считалась величиной постоянной, в то время как выбираемые из массы обладали переменными характеристиками. Соответствующие органы манипулировали этими характеристиками таким образом, чтобы итоговая совокупность депутатов или других выбираемых функционеров соответствовала средним социально - учетным характеристикам всего населения.

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА СОВЕТСКОГО АДМИНИСТРАТИВНОГО РЫНКА И ЛОГИКА ЕЕ ПОСТПЕРЕСТРОЕЧНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ.

Структура социалистических предприятий и организаций.

При описании многообразия форм административно - рыночной активности в России приходится учитывать тот факт, что в своем генезисе все без исключения новые организации и предприятия, а также индивидуальная деловая активность имеют общее советское происхождение, что неизбежно оказывает влияние как на характер экономической деятельности, так и на ее результаты. Постперестроечная экономика основана на перераспределении ранее централизованных государственных ресурсов в пользу субъектов, ранее бывших структурными элементами централизованной экономики и продолжающими воспроизводить ее характерные особенности как во внутренней своей структуре, так и в отношениях с государством.

Однако это вовсе не означает, что генезис субъектов постперестроечной экономики полностью определяет их поведение. В отношениях между этими субъектами возникают новые экономические качества и в той или иной степени нивелируются социалистические стигматы.

Политэкономическим основанием иерархически организованной системы отчуждения ресурсов и их распределения была фиксированная статусная структура, отношения в которой были относительно унифицированы и определялись конкуренцией за право доступа к ресурсам и к распоряжению ими. Это при том, что формально распоряжение ресурсами входило в определение статуса - так руководитель предприятия формально имел право распоряжаться его ресурсами. Однако формальная доступность была ограничена тем, что распоряжение этим же ресурсом входило в определение и других статусов. Так, кроме руководителя предприятия его ресурсами могли распоряжаться - естественно по разному - работники парткомитетов, исполкомов местных Советов, представители вышестоящих отраслевых организаций. Между потенциальными распорядителями ресурсов естественно возникала конкуренция за право реального контроля за ними.

На низшем уровне отраслевых иерархий, специфичных для социалистического производства, могут быть выделены следующие статусы, отношения между которыми составляли содержание конкурентных отношений:

1. Рабочие и эквивалентные им статусы
2. Линейные руководители
3. Функциональные специалисты
4. Заместители руководителей предприятий
5. Руководители предприятий низшего ранга (номенклатура райкомов КПСС).

Эта функциональные места универсальны и, хотя названия функциональных мест в промышленности, в сельском хозяйстве, в науке и в сфере обслуживания различались, отношения между ними были инвариантны. Например, в науке функциональные места рядовых научных сотрудников соответствовали местам рабочих в промышленности. Статусы руководителей низовых научных коллективов соответствовали статусам линейных руководителей на производстве, а директоров институтов - руководителям предприятий и организаций. Административный вес функционального места определялся отраслью народного хозяйства и уровнем подчиненности предприятия - статус "рабочий" в "девятке" оборонных министерств "весил" гораздо больше, чем аналогичный статус в организации, подведомственной республиканскому министерству культуры в сельском административном районе.

Отношения между функциональными местами вне зависимости от того, к какой области народного хозяйства они относились, задавались следующей логикой: линейные руководители заставляли рабочих производить те или иные работы, в то время как рабочие требовали от линейных руководителей уровня оплаты труда, гарантированного условиями приема на работу. Реальный уровень заработной платы обычно мало зависел от объема и качества труда. В гораздо большей степени он определялся сложившимися нормами, оговариваемыми, в частности, в объявлениях о приеме на работу.

Верхний предел заработной платы ограничивался государственными нормативами, тарифными сетками и другими ограничениями, контроль за соблюдением которых лежал на функциональных специалистах: работниках отделов кадров, плановых отделов, отделов труда и заработной платы. Работники этих же отделов определяли кто и в каких размерах получит отпуска, доплаты, льготы и т.п. Функциональные специалисты ограничивали линейных руководителей в их вынужденном (под давлением рабочих) стремлении увеличить оплату труда.

Рабочие требовали от функциональных специалистов предоставления социальных льгот и обеспечения гарантий, таких, как отпуска, жилье, места в детских учреждениях, в то время как работники функциональных отделов, основываясь на подзаконных актах и инструкциях, распределяли льготы и блага, устанавливали очереди на их получение и следили за движением очередников в очередях на получение квартир, отпусков, путевок, дефицитного ширпотреба.

В целом отношения на низшем уровне производственной иерархии были конфликтны, причем в основе конфликтов лежат гарантированный уровень заработной платы и то, что получение социальных льгот и обеспечение социальных гарантий были привязаны к месту работы. В том случае, если уровень заработной платы падал ниже какой-то установившейся для данной местности или предприятия величины, рабочие увольнялись, оголялись звенья технологических цепей и нарушались технологические процессы, что естественно приводило к санкциям со стороны вышестоящих начальников.

Низкий уровень заработной платы мог компенсироваться социальными благами, предоставляемыми на данном предприятии, однако до какого-то предела. В целом устанавливался баланс между уровнем заработной платы, социальными благами, распределяемыми из общественных или внутрипроизводственных фондов потребления, и технологическими особенностями производства. Баланс устанавливался обычно так, чтобы заработная плата и количество и качество социальных гарантий были максимальны (при существующих внешних ограничениях), а трудовые усилия - минимальны.

Кроме уровня заработной платы, тяжести труда, социальных гарантий был еще и четвертый компонент баланса - возможность использования ресурсов предприятий и организаций для личного потребления. Во многих случаях, особенно в торговле, на транспорте и в других обслуживающих отраслях именно возможность хищения (или другого использования) создавала условия, компенсирующие тяжесть труда, низкий уровень заработной платы и отсутствие выплат из общественных фондов потребления.

Баланс между тяжестью труда, уровнем заработной платы, социальными благами, распределяемыми по месту работы и возможностями ненаказуемых хищений (сообразно нормам, сложившимся на данном предприятии или в отрасли народного хозяйства) был очень динамичен. Плохие условия труда и низкий уровень заработной платы могли компенсироваться более быстрым получением жилья, например, а отсутствие и этой возможности могли компенсироваться тем, что какая-то часть ежедневного оборота ресурсов, проходящих через руки работника, им могла быть присвоена, потреблена или реализована по ценам черного рынка без опасений уголовного преследования.

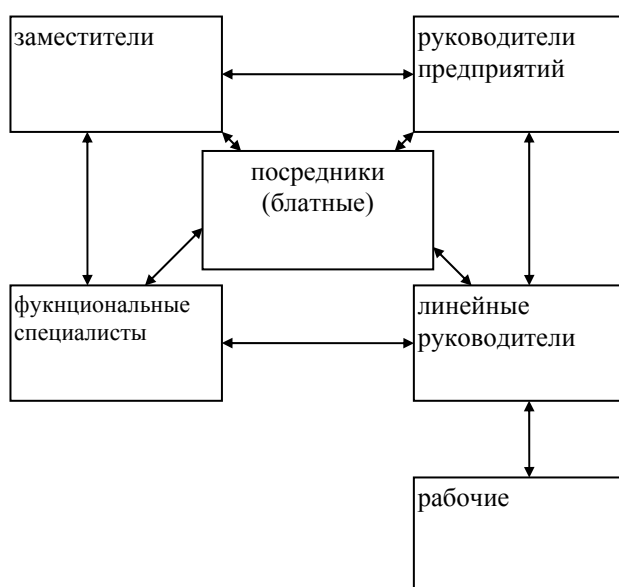
Динамичность баланса поддерживалась постоянной и (необходимой для функционирования административного рынка) конфликтностью - торгом между линейными руководителями и рабочими - с одной стороны, между линейными и

функциональными специалистами - с другой, между рабочими и всеми руководителями - с третьей. Все конфликты (административные торги) между функциональными местами в описываемой структуре не могли быть сняты в принципе, так как составляли необходимый компонент административного рынка, придающий ему динамику.

Конфликты на низших уровнях иерархии управления могли разрешаться только вмешательством руководителей более высокого уровня. Так, в торг между рабочими, линейными и функциональными руководителями вмешивались руководители предприятий и организаций, издававшие приказы и распоряжения и бравшие на себя ответственность за нарушения норм и правил, за соблюдением которых следят функциональные специалисты, а также определявшие, какие действия подчиненных могли оставаться незамеченными, какие - наказываться вплоть до возбуждения уголовного дела, а какие - поощряться.

На рис 16. представлена структура отношений между низовыми статусами в отраслевой иерархии.

Рисунок 16. Отношения между низовыми статусами в иерархиях отраслевого управления.

Внутрипроизводственный торг между руководителями предприятий, их заместителями, функциональными специалистами и линейными руководителями мог принимать весьма выраженные формы и выходить за принятые рамки (когда руководитель предприятия, например, отказывался выполнять директиву парткомитета, так как они противоречили отраслевым нормам, или когда руководство отрасли (главка и пр.) инициировало давление на парткомитеты для того, чтобы они дали санкцию на освобождение от работы руководителя предприятия, пренебрегающего отраслевыми нормативами при выполнении директив парткомитета. В таких случаях административный торг перестал в производственный или более широкий конфликт, само существование которого становилось предметом административного торга между вышестоящими отраслевыми и партийными начальниками.

Согласование интересов внутри организации, т.е. торговля на локальном административном рынке - многовариантный процесс, в котором каждое решение должно - по идее - учитывать интересы всех обладателей значимых статусов. Общая

координация деятельности в рамках предприятия или организации вследствие этого осуществлялась за счет того, что в каждой организации и на каждом предприятии образовывалось внеструктурное (т. е. не фиксированное в штатных расписаниях) место, которое занимал работник предприятия, включенный во все конфликтные отношения, не обладавший формальной властью для их разрешения, но тем не менее их разрешавший именно благодаря своему положению. Функционеры этого типа в дальнейшем называются посредниками (или “блатными”), так как через них реализовались специфические торгово-обменные отношения. Посредником мог быть и секретарь начальника, и секретарь парторганизации (но конечно не своим основным статусе). Это были своего рода “волшебники”, которые знали, кто в чем нуждается и что у кого есть, и находили такие условия обмена статусными и материальными благами, при которых казалось бы неразрешимый конфликт рассасывался - как правило в общем застолье.

Функциональное место “блатной” в описываемом случае возникало на пересечении отношений между всеми другими статусами, кроме рабочих.

Над статусами руководителя предприятия и его заместителя надстраивались иерархии отраслевого управления: руководитель предприятия подчинялся руководителю треста или главка. Последние подчинялись республиканскому или союзному министерству. Предприятия различались по уровню подчиненности - были предприятия союзного, республиканского и местного подчинения

На каждом вышестоящем уровне (и между уровнями) управления воспроизводилась логика отношений между статусами, специфичная для низшего уровня производственной иерархии. Так в аппарате треста, например, были свои линейные руководители (начальники оперативных отделов, кураторы подчиненных предприятий), свои функциональные специалисты (начальники функциональных отделов), заместители и первые лица, отношения между которыми строились точно по той же логике, что и на низшем уровне отраслевой иерархии. Были и свои посредники, которые неформально решали многочисленные конфликты, связанные с распределением доступа к ресурсам.

На рис 17 приведена схема организации отрасли от уровня предприятия до уровня союзного министерства. Для упрощения графа в него не включены внутренние отношения более высоких уровней управления, чем собственно производственное предприятие.

В рамках структуры графа можно выделить:

- иерархию оперативного управления (т.е. структуру непосредственной подчиненности первых лиц - от руководителя производственного предприятия до министра) и соответствующие отношения оперативного управления.
- иерархию планово-финансового управления - от заместителей министра до функциональных специалистов производственного предприятия и соответствующие отношения планово-финансового управления.
- межуровневые отношения между статусами, приводящие к формированию посредников (блатных), в дальнейшем называемые обменными.

Парткомитеты КПСС - объективация отношений между отраслями.

Отрасль социалистического хозяйства “земное” основание имела на какой-то вполне конкретной территории. На этой же территории располагались предприятия другой отраслевой принадлежности. Отношения между предприятиями разной отраслевой принадлежности, расположенными на одной территории регулировались - в общем случае - райкомами, горкомами, обкомами, республиканскими комитетами КПСС.

Для структурного представления административного рынка в общем-то безразлично, идет ли речь о райкоме КПСС или о парткомитете союзной республики. Специфика административного рынка состоит в том, что все его элементы не

самостоятельны и их автономия относительна. Поэтому произвольно выбранные его элементы в существенных свойствах неотличимы друг от друга. В противном случае административный рынок функционировать бы не смог.

Для начала рассмотрим то, как парткомитеты КПСС интегрировали деятельность производственных подразделений на низших уровнях организации. На каждом предприятии были так называемые передовые рабочие, т.е. формальные лидеры - передовики производства. Эти формальные лидеры "брали почины", от их имени осуществлялось руководство предприятиями ("рабочие так думают"), они выступали представителями занятых на низших уровнях управления в государственных органах (были депутатами разных уровней), их награждали к памятным датам и в первую очередь обеспечивали социальными благами - квартирами, премиями, орденами и медалями, они находились в первых рядах любых очередей. Как правило, это были кандидаты и члены КПСС и профсоюзные лидеры.

Совокупность передовиков производства составляла "низовой партактив", члены которого, формально будучи приписанными к отраслям социалистического хозяйства, в практике партийного управления был в значительной степени межотраслевыми. Это номенклатура первичных парторганизаций (под номенклатурой здесь понимается совокупность рабочих и низовых специалистов, из которой вербовались члены КПСС, авторы "починов" и других партийных инноваций).

Секретари первичных парторганизаций составляли второй уровень партийной иерархии. Они осуществляли интеграцию производственной деятельности на уровне линейных руководителей и первых лиц. Секретари первичных партийных организаций представляли соответствующие коллективы на вышестоящих уровнях управления и проводили политику КПСС по отношению к нижерасположенным функционерам. Без согласования с секретарями "первичек" не производились назначения линейных руководителей и функциональных специалистов, которые в своей массе составляли их номенклатуру. Более того, мнение секретарей парторганизаций обязательно принималось во внимание райкомами КПСС и отраслевым руководством при "согласовании кандидатур" на должности руководителей предприятий.

Следующий уровень иерархии - функционеры собственно партийного аппарата - райкома КПСС (или парторганизации на правах райкома КПСС), которые, в отличие от секретарей первичных организаций, не числились работающими непосредственно на предприятиях и в организациях. Секретари первичных парторганизаций непосредственно были подчинены райкомам партии, в то время как руководители предприятий находились в номенклатуре райкомов. Это означало, что без ведома райкомов не могли произойти какие бы то ни было кадровые изменения на уровне руководства предприятий.

На предприятиях союзного и республиканского подчинения парткомы были "вписаны" в структуру отраслевого управления и выполняли роль своего рода территориальных органов власти, что было зафиксировано в их статусе. Так, на многих предприятиях союзного подчинения парткомы функционировали на правах райкомов партии, а на особо важных оборонных предприятиях секретари парткомов имели статус партторгов ЦК КПСС, т.е. имели административные веса секретарей обкомов КПСС.

Кроме аппарата КПСС, интегрирующую роль выполняли и другие общественные организации, такие как профсоюзы, комсомол, имеющие ту же структуру, но ориентированные на выделенные категории занятых. В частности, комсомол был ориентирован на молодежь, в то время как профсоюзная иерархия была ориентирована на координацию деятельности всех занятых, но не административными методами (т.е. не приказами и распоряжениями руководителей предприятий, согласованными с функционерами партаппарата), а льготами и привилегиями, распределяемыми профсоюзными комитетами. Соответственно, ключевые места в этой деятельности занимали функциональные руководители, заместители руководителей предприятий и профсоюзные лидеры.

Иерархия партийного управления действовала на основании внутренних законов и норм партийной жизни. Это была наиболее оперативная (по времени прохождения документов и директив) управляющая структура, действовавшая в реальном масштабе времени. Действенность партийной иерархии была основана на институте номенклатуры парткомитетов, суть которого заключалась в том, что определенные места в отраслевых и территориальных иерархиях управления могли быть заняты только людьми, соответствующими партийным требованиям к “кадрам”. Все перемещения в иерархиях согласовывались в парткомитетах соответствующего уровня.

Совокупность статусов, находящихся под контролем парткомитетов, называлась их номенклатурой. Совокупность людей, занимавших эти статусы, называлась партийным активом. Совокупность людей, могущих претендовать на замещение статусов в случае освобождения места, называлась партийным резервом.

Необходимо учитывать, что данное описание иерархий заведомо упрощено за счет элиминации внутренних иерархий как в отраслях, так и в парткомитетах. Последние имели иерархичную внутреннюю структуру, описанную в первой главе, каждый уровень которой в свою очередь имел референты в отраслях социалистического хозяйства. Можно сказать, что каждому статусу работника партаппарата - от инструктора отдела райкома КПСС до заведующего отделом ЦК КПСС - соответствовала собственная номенклатура в отраслях народного хозяйства.

Аппарат парткомитетов служил местом наиболее интенсивного административного торга. Рассмотрим его механизм и движущие силы. Как известно, существовали планы поставок продукции государству. Эти планы “спускались” из партийных и государственных вершин на предприятия и в организации и подлежали, казалось бы, неуклонному выполнению. В годы существования сталинской экономики так оно и было, предприятия и организации выполняли планы поставок, даже если это приводило к остановкам производств и к голоду среди населения. Выполнение плана влекло получение предприятиями и организациями ресурсов из госфондов “согласно установленным нормативам”. Невыполнение плана влекло санкции “вплоть до исключения из партии” или еще более сурового наказания. Перевыполнение планов давало руководству предприятия основание для обращения в высшие инстанции в целью получения дополнительных фондов заработной платы, товаров народного потребления и продуктов питания в размере, пропорциональном “процентам перевыполнения плана”.

Однако в хрущевские, а тем более в брежневские времена как объемы поставок государству, так и объем ресурсов, получаемых территорией из госпоставок стали предметом торга между смежными уровнями государственного устройства. Каждый уровень иерархии стремился отдать государству поменьше, а получить побольше. Естественно, что аппарат райкома КПСС, например, был на территории района единственным институтом, могущим торговаться с руководителями предприятий, входящими в его номенклатуру, поскольку обладал убийственным аргументом - угрозой партвзыскания или записью в личное дело, исключающей возможности служебного роста.

Тот объем фондов, который могло “отстегнуть” государство в случае перевыполнения плана был, чаще всего, несравним с тем, что руководство предприятия получало, отпуская продукцию “налево”, организуя “цеховое” производство или меняя ее на продукцию других предприятий (по бартеру).

Парткомитеты различались по своему отношению к курируемой территории - были обкомы “хорошие” (т. е. неукоснительно выполнявшие все указания вышестоящих парткомитетов по плановым и внеплановым поставкам), и были “плохие” - стремившиеся оставить ресурсы на своей территории - в районе, области, республике. Поскольку легальных инструментов оставления не было, возникала особая деятельность по обходу выполнения планов поставки продукции государству, такие как мелиорация, сельское

строительство, строительство жилья разными необычными способами, сокрытие в отчетности реальных объемов производства, и так далее.

В ходе такой деятельности возникала своеобразная общность из руководителей предприятий, обладавших “скрытыми ресурсами”, и руководящих работников партаппарата, возникшими из совместной деятельности. Цели этой общности заключались в обходе государственных механизмов отчуждения ресурсов. Внутри этой общности шел перманентный торг и обмен, поскольку каждый ее член знал о другом, что у того есть, что он может раздобыть и на какой канал получения “дефицита” вывести.

Иерархия Советской власти и структуры местного управления.

Межотраслевая интеграция с целью “выполнения и перевыполнения планов производства” осуществлялась иерархией партийного управления. Межотраслевая же интеграция с целью выживания населения территорий, на которых находись предприятия осуществлялась органами Советской власти.

Рабочие предприятий и члены их семей вынуждено взаимодействовали на территории совместного проживания, поскольку их жизнь во многом зависела от государственных систем жизнеобеспечения - транспорта, связи, коммунального хозяйства, отопления, энергообеспечения, и т.п. Организационно функции жизнеобеспечения были консолидированы в РЭУ, ЖЕКах, ДЭЗах и других советских конторах.

До уровня исполкома областного Совета в этой иерархии совмещались исполнительские (исполкомы Советов) и представительские (собственно Советы) функции. Выше областного Совета (в республиках с областным делением, и на уровне районного (городского) Совета в республиках с районным делением) в этой иерархии оставалась только представительская функция. Исполкомы местных Советов координировали деятельность функциональных подразделений предприятий и организаций, контролировали их, осуществляли финансирование предприятий и организаций своего уровня подчинения.

В сфере действенности власти исполкомов находились заместители руководителей отраслевых предприятий, взаимодействие с которыми составляло содержание деятельности Советской власти, стремившейся использовать ресурсы предприятий для удовлетворения потребностей жителей подведомственных территорий. Между заместителями руководителей предприятий и руководителями исполкомов Советов шел перманентный торг по поводу части отраслевых ресурсов, могущих быть использованными Советской властью для удовлетворения потребностей населения. В этом торге позиции исполкомов Советов оставались - до конца перестройки - относительно слабыми, так как они могли “прижимать” предприятия в очень ограниченных пределах своей компетенции. В ходе трансформации административного рынка исполкомы местных Советов включили в содержание торгов с предприятиями такие аргументы, как отключение энергии, транспортная блокада и многое другое.

Административный торг и теневая экономика.

Торгово-обменные отношения возникали в иерархиях территориальной и отраслевой власти естественным образом - из отношений между формальными статусами - и объективировались в особых статусах посредников (“блатных”), о которых говорилось выше. Существовали иерархии посредников, и блат на уровне предприятия значил для жизни имеющего его не меньше, чем блат на уровне министерства.

Торг, в который были включены все без исключения граждане государства, занимавшие какую бы ни было должность, обладал одной особенностью: свою включенность в него люди воспринимали как естественное свойство социальной реальности, необходимое для жизни и производящей деятельности. В то же время, с точки зрения нижерасположенных деятелей административного рынка связи, в которые включены их начальники, выступали противозаконными, неестественными, нарушающими принципы социальной справедливости, для утверждения которых и была создана эта иерархия.

Торг и обменные отношения, в которые были включены люди с более низким социальным статусом, чем начальники, для последних выступали воровством, злоупотреблением служебным положением и возможностью доступа к средствам производства и каналам распределения материальных благ.

Административная торговля была в социалистическом государстве на последних этапах его существования первой и единственной реальностью, а государственные институты, иерархии управления и отношения в них - воспринимались как служебные и несамостоятельные элементы поддержания позиций в торге. Силы, действовавшие на административном рынке были направлены на то, что бы отчуждать от производящих подразделений средства, ресурсы, результаты труда и перераспределять их так, чтобы на каждом функциональном месте и во всех иерархиях управления были созданы минимально возможные условия для деятельности. Это представлялось социально справедливым. Справедливое распределение отчужденного продукта составляло основное содержание деятельности высших органов управления.

Значение каждого функционального места - статуса, соотношения между социальными весами различных отраслей народного хозяйства и единиц административно-территориального деления задавалось только их положением в общей системе связей. Ни один из элементов административного рынка не мог иметь собственных целей и обладать средствами для их достижения.

Такой - советский - административный рынок мог существовать только при жестком контроле за поведением людей, занимающих фиксированные функциональные места, и при ограничениях на изменение мест работы и жительства - административном режиме. Ослабление административного режима, начавшееся в пятидесятые годы и продолжавшееся с переменным успехом в 70 и 80 годы, привело к деградации советского административного рынка и переходу его в постперестроечную форму.

Раньше всего (еще в 60 годы) деградация коснулась предприятий и организаций местного подчинения, а также контрольных и репрессивных органов. В целом деградация административного рынка была связана с тем, что отдельные отрасли народного хозяйства и подразделения административно-территориального устройства повели себя так, как будто они имели собственные цели социально-экономического развития и обладали средствами для их достижения. Отрасли, единицы административно-территориального деления, отдельные предприятия и граждане государства начали изыскивать способы перераспределения отчуждаемого государством продукта в свою пользу и превращения его в предметы потребления. Совокупность способов обхода государственных механизмов отчуждения и перераспределения получила - в государственной рефлексии - название теневой экономики.

Специфической особенностью теневой экономики являлось то, что для перераспределения в свою пользу отчуждаемого государством продукта предприятия, организации, отрасли и территориальные структуры использовали сложившийся институт административного рынка, так как создание новых организационных форм было или невозможно или затруднено принципами его организации и функционирования. Возникновение новых организационных форм, таких как "Щелковский метод", бригадный подряд, студенческие строительные отряды были событиями, потрясающими всю систему управления государством.

Субъектами теневой экономики стали все без исключения элементы административного рынка, но естественно, что на разных уровнях его организации институты теневой экономики имели различающиеся формы. Тканью, на которой разворачивались теневые экономические действия, выступали обменные отношения. В теневой экономике статусы формальных рабочих лидеров, секретарей парторганизации, функционеров партийного аппарата и других общественных организаций занимали экономически активные субъекты - теневые десятники, прорабы, цеховики, организаторы теневых масштабных производств - деловые люди. Чаще всего именно функционеры партаппарата и другие организаторы обменных отношений выступали в роли деятелей теневой экономики.

Необходимым условием теневой экономики являлось существование отряда рабочей силы, не связанной с фиксированным местом работы. Речь идет о ставших обычными после 50-х годов бригадах строительных рабочих, бичах, бомжах и других категориях работников, выполняющих ситуативные работы на аккордной или договорной форме оплаты труда и не связанных с теми социальными гарантиями, благами и льготами, которые дает постоянная работа на государственном предприятии.

Согласно принципам организации административного рынка, вышестоящие отраслевые и территориальные организации отчуждали от нижестоящих произведенные ими продукты и потом распределяли их, основываясь на принципах социальной справедливости и на приоритетах развития народного хозяйства в целом. Комитеты КПСС и исполкомы Советов координировали и контролировали как присваивающую деятельность, так и распределяющую. Обычно такая логика функционирования административного рынка реализовалась в том, что обком, крайком, ЦК партии союзной республики, руководствуясь постановлением высших органов государственной власти, перекачивал ресурсы территории для удовлетворения потребностей приоритетной отрасли народного хозяйства. В теневой экономике эта логика инвертировалась - республиканские, областные и районные комитеты КПСС в значительной степени начали сами влиять на определение приоритетности отраслей и стремились так переопределить их, чтобы развитие предприятий этой отрасли на подведомственной территории приносило наибольшую пользу ей в виде жилого фонда, инфраструктуры, учреждений соцкультбыта, и т. п. Само переопределение приоритетов заключалось в обменных отношениях парткомитетов с руководством отраслей, при которых за возможность строительство предприятия на территории области - например - руководство отрасли обещало дать (и давало) области, краю, союзной республике дополнительные фонды и уменьшить известные дефициты - помочь купить автомашины, повысить закупочные цены, увеличить нормативы снабжения продуктами питания и товарами народного потребления.

Для освоения полученных таким образом ресурсов и средств территориальные органы власти должны были иметь соответствующую исполнительскую структуру. Ею, как правило, становился аппарат парткомитетов и исполкомов Совета соответствующего уровня, могущий привлекать для выполнения “левых” работ кадровых работников предприятий и организаций или использовать для этой цели отряды мобильной рабочей силы - бригады строителей, бичей и бомжей, нанимаемых через теневых десятников и прорабов для производства отдельных операций или для работы в теневом экономическом звене.

В теневой экономике были сформированы циклы производственной деятельности, в принципе аналогичные тем, которые были в формальной структуре экономики: партийные комитеты обязывали руководителей предприятий и организаций выделять часть ресурсов и средств для удовлетворения потребностей территории, т.е. отчуждали их от выполнения отраслевых планов производства. Полученные ресурсы “осваивались” отрядами мобильных рабочих или кадровыми работниками предприятий и организаций - в зависимости от вида ресурсов и степени легальности операции отчуждения.

Как показывает практика, теневая экономика являлась необходимым структурным (но неформализованным) компонентом существовавшей организации производственной деятельности. Она могла быть криминальной - в том случае, если партаппарат непосредственно был связан с теневыми прорабами и десятниками, которые перераспределяли материалы и результаты труда между непосредственными их производителями и работниками партийных органов, и могла быть некриминальной - в том случае, если такие связи отсутствовали и деятельность теневых прорабов координировалась только руководителями предприятий и организаций или линейными руководителями.

Можно выделить две формы теневой экономики. Первая была связана с отраслями народного хозяйства и, следовательно, с комитетами КПСС. Вторая форма теневой экономики существовала благодаря структурному положению местных органов власти - исполкомов местных Советов. Отличие советской формы организации теневой экономики от партийной заключалось в том, что в ней были задействованы не первые руководители предприятий и организаций, а их заместители, и не линейные специалисты, а функциональные.

До перестройки теневые производственные связи, формирующиеся партаппаратом и исполкомами местных Советов практически не пересекались и функционировали автономно, разделив сферы влияния. В конце 80 годов в связи с ослаблением руководящей роли КПСС и общим нарушением системы административных отношений сферы действий теневых экономик размылись и отношения между ними стали в какой-то степени конфликтными. Свидетельством тому были отдельные доведенные до конца судебные процессы, на которых, как правило, одна теневая структура при дележе сфер влияния вытесняла другую: обычно советская (территориальная) структура вытесняла партийную (отраслевую).

Перестройка на первых этапах своего осуществления, собственно и была попыткой ликвидировать или ограничить обменные отношения и связанную с ними теневую экономику. Перестройка выступала как усилия одних подразделений государства, в частности репрессивных органов, по ликвидации обменных связей. В частности, одним из первых действий перестройки была борьба с теневыми отношениями на самых низших уровнях иерархии административного рынка - борьба с нетрудовыми доходами, ограничение деятельности всякого рода "бригад" и других формирований мобильной рабочей силы.

В дальнейшем перестройка приняла форму борьбы с "цеховиками", т.е. объединениями, включающими теневых прорабов, линейных специалистов и рабочих. Третьим этапом перестройки стало расследование тех форм теневой деятельности, в которые были включены функционеры партийного и советского аппарата управления.

Эта борьба заключалась в элиминации конкретных людей, занимающих определенные функциональные места в иерархии отношений административного рынка - сначала рабочих и людей, занятых в личном подсобном хозяйстве, потом организованных полулегальных и нелегальных производителей материальных благ (цеховиков), и в конце - партийных и советских чиновников, контролировавших эти производства. Идеология борьбы основывалась на предположении, что суть проблемы заключается в аномальном поведении отдельных людей, а не в свойствах всей системы отношений социалистического общества. Стремление локализовать и нейтрализовать отдельные напряжения в системе привели к тому, что стали возможными массовые структурные изменения на административном рынке, принявшие, в частности в конце 80 годов, форму трудовых конфликтов.

Высшие органы власти СССР стремились разрушить теневые связи и отношения разными способами. В частности, самым распространенным была "посадка" людей, занимающих определенные функциональные места, т. е. партийное или уголовное

преследование руководителей предприятий, партийных и советских функционеров с целью борьбы с теневыми формами производства, распределение и перераспределения.

Вторым способом была модификация связей между уровнями иерархии административного рынка, т.е. между СССР в целом и республиками, между республиками и районами (или областями), между областями и поселениями.

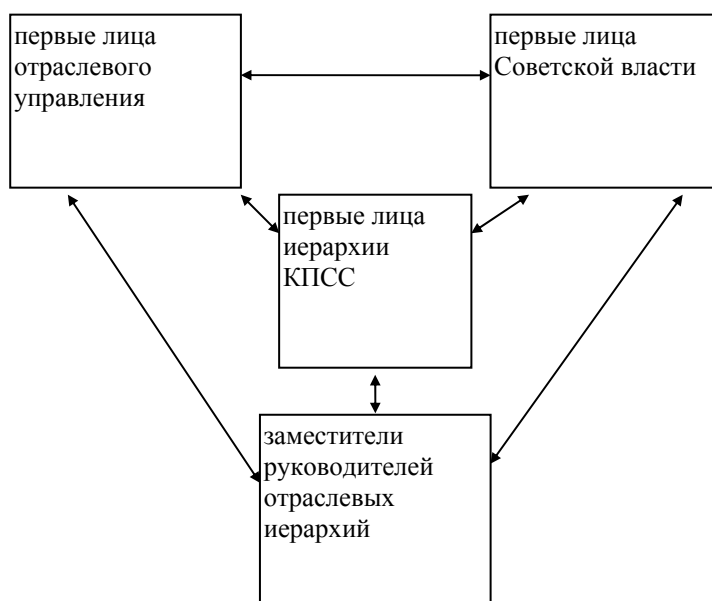
Третьим способом была модификация связей между партаппаратом и аппаратом местного советского управления, что проявлялось в или в повышении роли партаппарата в при решение разного рода проблем, или в отчуждении от аппарата КПСС экономических функций и в передаче под юрисдикцию местных Советов предприятий и организаций, до этого подчиненных отраслевым органам управления.

Все эти преобразования так или иначе приводили к разрыву сложившихся за десятилетия отношений и структур административного рынка и к автономизации его элементов. Автономизация проявлялась прежде всего в недейственности привычных форм управления, и в виде социальных, в частности трудовых конфликтов, принявших в конечном счете форму рабочих и политических движений.

Отношения между линиями управления- вид “сверху”.

Отношения между первыми лицами отраслевого управления, их заместителями, руководителями Советской власти и партийными руководителями можно представить в виде следующей схемы.

Рисунок 17 Отношения между партаппаратом, отраслями, исполкомами Советов - “вид сверху”

В идеальной модели административного устройства предполагается, что первые лица всех иерархий прямо контролируются аппаратом КПСС. Однако прямая координации экономической и всякой другой деятельности независимым политическим субъектом, в роли которого выступает аппарат КПСС, возможна только в малой неразвитой экономике, вся связи в которой априори известны руководящему ей аппарату партии. В сложной же экономике возникают обратные связи - от по видимости подчиненных иерархий к первым лицам аппарата КПСС.

В результате аппарат КПСС был центральным звеном обменных (теневых) отношений между структурно разделенными экономическими и политическими

субъектами. Производственная база обменных отношений включала в себя легальных экономических субъектов, однако связи между ними, координировавшиеся аппаратом КПСС, если не нелегалы, то не формализованы. Производственная база и обменные отношения в совокупности формировали теневую экономику в том виде, в котором она существовала до начала перестройки. Аппарат КПСС уже не был независим от других элементов системы. Он представлял главный элемент административного рынка, на котором осуществлялось согласование интересов всех участников административно-рыночного торга.

Если исходить из структуры связей рис 18, можно выделить несколько относительно самостоятельных сегментов административного торга. Во первых, это локальные натуральные рынки. На них аппарат КПСС взимал натуральные налоги-поборы с предприятий и организаций, взамен обеспечивая свое влияние на руководство предприятиями и организациями, не подчиняющимися Советам.

Во вторых, отраслевой натуральный рынок, на котором аппарат КПСС опосредовал отношения между предприятиями и организациями, с одной стороны, и органами отраслевого управления, с другой, беря от тех и других и перераспределяя взятое в соответствие с партийными приоритетами.

В третьих, территориальный финансово-плановый рынок, на котором исполкомы местных Советов, государственные плановые, финансовые и др. органы в своих отношениях между собой опосредовались аппаратом КПСС. В ходе этих опосредований (особого вида торговли) устанавливались плановые задания и параметры выполнения планов.

В четвертых, отраслевой планово-финансовый рынок, на котором аппарат КПСС организовывал дополнительные фонды, финансирование или особый режим использования рабочей силы для приоритетных министерств и ведомств, а также участвовал в составлении отраслевых планов производства и контролировал отчетные показатели планов.

Материальные и финансовые потоки на административном рынке.

Как уже говорилось выше, каждый вышележащий уровень управления отчуждал у нижележащих ресурсы в общегосударственные и отраслевые фонды и потом перераспределял их согласно принципам социалистической социальной справедливости. Часть ресурсов продавалась на внешних рынках и полученные от реализации деньги вкладывались в приобретение стратегических товаров и предметов потребления, не производимых отечественными предприятиями. Товары и ресурсы распределялись по иерархиям “вниз”. Деньги выдавались по плановой потребности, в то время как товары и ресурсы надо было выбивать из плановых и снабженческих органов. Материальные потоки и учитываемые плановыми и снабженческими органами их символы двигались сначала “вверх” по иерархиям управления (в прямом смысле этого слова - плановые перевозки из низкоранговых населенных пунктов в высокоранговые и обратно были основной причиной загруженности транспортных магистралей), потом “вниз” - вплоть до отдельных рабочих и жителей населенных пунктов, вынужденных ездить в административные центры “за колбасой”.

Управление этими потоками требовало весьма профессиональных навыков. Поэтому сформировались особые категории снабженцев и толкачей, занятых только получением и выбиванием ресурсов. Кроме того, в ходе внешнеторговых операций оформилась особая группа высокопоставленных чиновников, занимающихся сбытом отечественной продукции и импортом технологий и товаров народного потребления. Члены этих групп, как правило, не были непосредственно связаны с материальными

ресурсами, а специализировались на финансовой деятельности, приобретая необходимый для этого опыт и включаясь в мировые финансовые институты.

Административный торги и конфликты в территориально -отраслевой структуре как предпосылки организационных форм постперестроечного административного рынка.

Распад территориально-отраслевой основы советского административного рынка, наиболее явным проявлением которого было исчезновение СССР, начинался с малозначительных на первый взгляд явлений, таких как производственные и трудовые конфликты и их генерализации.

В каком-то смысле причиной конфликтов, трудовых в том числе, являлись сами структуры административного рынка, не справлявшиеся с удовлетворением потребностей, которые они обязались удовлетворять по факту своего существования. Торг в условиях ограничений на ресурсы не всегда заканчивался согласием сторон и перерастал в конфликты между статусами (между рабочими по поводу “выгодной” работы, между отраслевыми начальниками по поводу территориальной дани, между партийными начальниками за место в социалистическом соревновании, и так далее.

Если основываться на описанной выше системе отношений отраслевого и территориального управления, то суть конфликтов состояла в противоречии между фрагментарным статусом каждой конфликтующей единицы - человека, бригады, предприятия (поскольку она была только элементом административного рынка в целом), и целостной их ролью в при решении производственных, административных и политических задач. Включенность в иерархии административного рынка не помогала, по меньшей мере, решать проблемы обеспечения и обустройства территорий, снабжения предприятий сырьем, получения и распределения продуктов питания и товаров народного потребления, и многое другое. Однако решение такого рода задач было повседневной необходимостью и руководства всей линии управления на всех уровнях организации административного рынка, и каждого советского гражданина в отдельности.

Люди - сами по себе и представляя свои организации - , преследовали личные цели. Для достижения целей они вынужденно должны были торговаться с другими людьми и организациями, претендующими на ресурсы, необходимые для достижения целей. Неудачные торги приводили к конфликтам. Конфликты порождали стремление к автономизации от административного рынка в целом. Материальным симптомом стремления к автономизации становилось создание запасов собственных ресурсов для торгов с другими агентами административного рынка. Запасы создавались и отдельными семьями, и предприятиями, и отраслями, и территориями. Запасы создавали у их владельцев уверенность в своих позициях и обеспечивали некоторые гарантии продолжения функционирования в случае неудач административных торгов. Кроме того, сам факт обладания запасами улучшал позиции торгующихся и повышал их административный статус.

Среди многообразия возможных конфликтов можно выделить те, которые были встроены в саму иерархию управления и конституировали ее. Это внутриуровневые конфликты между людьми, бригадами, участками, цехами или отдельными предприятиями при дележе ресурсов. Методы решения таких конфликтов, выработанные за годы Советской власти, основывались на следующей логике: информация о конфликте между подразделениями одного уровня управления (например, между производственными участками), представлялась начальниками производственных подразделений на вышележащий уровень управления. В зависимости от причины конфликта, были возможны три пути решения - оперативное , плановое, административное.

Оперативное решение одноуровневых конфликтов, осуществлявшееся непосредственно первыми руководителями или коллегиальными органами управления (такими как коллегия, парткомитет и т.п.) заключалось в назначении персонально виновных в нем, в раздаче взысканий и перераспределении ресурсов. После этого конфликт считался исчерпанным.

Плановое решение было связано с перераспределением фондов и ресурсов вышележащим уровнем управления. Этот способ имел лаг не меньше периода планирования, т.е. декады, месяца, квартала, и т.п. Лаг зависел от уровня, на котором принималось решение о перераспределении. Чем выше уровень принятия решений, тем больше был разрыв между началом конфликта и его разрешением.

В том случае, если ни оперативное, ни плановое решение не были эффективными, становилось возможным третье решение - административное, а создание именно нового уровня управления, в котором прекращали существование отношения, послужившей причиной конфликта (т.е. создание нового главка, управления, цеха и т.п.), или ликвидация уровня структурной организации подразделения или предприятия, иногда и самого предприятия как первоисточника конфликта.

Межуровневые конфликты между подразделениями производственной иерархии разной уровневой принадлежности (между главком и предприятием, между предприятием и его структурным подразделением) до перестройки возникали с большей или меньшей частотой, но считались антисистемными, и все инструменты власти немедленно использовались для того, чтобы эти конфликты ликвидировать вместе с теми структурами, в которых они зародились. Первые шаги перестройки ослабили механизмы подавления конфликтов такого рода, т.е. между подразделениями разной уровневой принадлежности. Кроме того, значительно ослабили механизмы подавления одноуровневых конфликтов, традиционных для административного рынка. В частности, введение выборности руководителей и легализация многих, ранее засекреченных сведений об организации системы распределения сделали кадровые перемещения, взыскания, перераспределения фондов и средств мало эффективными.

В результате обострились и перестали быть оперативно и планомерно разрешимыми традиционные конфликты (между участками одного предприятия, например), так и новые конфликты - между участками и цехами, между цехами и предприятиями, между предприятиями и главками, между главками и министерствами. Легализовались конфликты между элементами административно-территориального устройства - между районами и городами, между городами и областями, между республиками и СССР в целом. В иерархии власти отсутствовали легальные средства для разрешения такого рода столкновений. Волны забастовок, стачек, бунтов и национальных движений захлестнули весь СССР.

Простейшей формой такого рода социальных движений было увольнение рабочих с предприятий и организаций и пополнение за этот счет отряда мобильных рабочих, не связанных с какими-либо государственными производственными структурами. Увольнение, как правило, становилось результатом неудачного торга между рабочими, с одной стороны, и линейными и функциональными руководителями, с другой. Появление большого количества бригад, включение людей в кооперативы и другие формы негосударственного производства можно рассматривать как отчуждение от административного рынка собственно рабочей силы и отказ работников от той системы социальных гарантий, которая сопровождала работу в государственном производстве.

Смена места работы была основной формой выражения социального протеста в годы застоя. Меры запретительного законодательства в области трудового права ограничивали именно эту форму рабочего движения. Многие (большинство) социальных гарантий были связаны с непрерывностью рабочего стажа и длительностью работы на одном месте. Это давало необходимый эффект, когда работа на государственном производстве создавала "уверенность в завтрашнем дне". После того, как

определенность и детерминированность жизни уменьшились, жесткость норм трудового права и зависимость социальных гарантий и распределяемых благ от характеристик трудового стажа начали давать обратный эффект, так как наиболее мобильные категории работников перестали держаться за место.

Другая форма социальных движений, связанная с организацией территориально-отраслевого управления, может быть названа бунтом. Бунт представляет собой такую форму движения, в которой неудачный торг с администрацией предприятий выливался в отказ от работы или в организованном увольнении группы людей, связанных либо по технологическим цепочкам, либо совместной деятельностью в области теневых отношений. Чаще всего это были бригады рабочих (или работников), отказывающихся от бессмысленного по их мнению труда, и требующих таких изменений в организации социальной жизни, которые бы оптимизировали именно тот производственный процесс, в котором они задействованы.

Требования бунтующих были направлены вверх по иерархии управления - к линейным и функциональным руководителям и специалистам и заключались в требовании изменения норм, расценок, предоставлении социальных благ и гарантий (жилья, спецодежды, предметов гигиены и т.п.). Бунт обычно ограничивался конкретным производственным участком, совокупностью связанных по технологии производств рабочих мест или рабочей сменой (локализации во времени). При бунте обычные связи нарушались: рабочие не выполняли требований линейных руководителей о производстве работ, а просьбы закрыть наряды и обеспечить гарантированный минимум оплаты труда превращались в требования сделать именно это немедленно.

В зависимости от типа предприятия, бунт мог развиваться по разному. Если предприятие имело какие-то резервы, или во власти начальников находилось изменение условий, вызывающих неудовлетворенность рабочих, то бунт гасился в зародыше удовлетворением требования бунтующих. Однако манипулирование резервами имело свои ограничения, поскольку появление выделенного по какому-либо основанию трудового коллектива (т.е. коллектива, выбившего себе дополнительные, хотя и полагающиеся по нормам льготы) вызывало обычно напряжения в других коллективах и провоцировало бунты на других участках производства.

Бунты были обычным явлением на производстве в годы застоя и локализовались либо частичным удовлетворением требований бунтующих, либо репрессиями против них - увольнениями с работы, расформированием бригад и производственных участков и т.п. Для ликвидации бунтов были обычны такие действия как повышение расценок, изменение норм выработки, предоставление социальных благ, усиление льготности при предоставлении социальных гарантий, а также локальное изменение условий труда - предоставление спецодежды, моющих средств, средств малой механизации и т.п. Весьма эффективным средством подавления бунтов являлось устранение тем или иным образом неформальных лидеров - их увольнение или создание выделенного социального статуса, при котором его действия уже не могли оказывать влияния на ход бунта.

Бунты обычно предшествовали стачке, т.е. такой форме социального протеста, при котором отдельные трудовые коллективы, связанные по времени и месту работы (не только по технологическим цепочкам) прекращали работу и выдвигали согласованные претензии к вышерасположенным уровням управления. В отличие от бунта, в стачках принимали участие линейные и функциональные руководители, а лидерами-организаторами, как правило, становились люди, занимавшие места профсоюзных или партийных функционеров или активно включенный в торгово-обменные отношения и занимающийся теневой экономической деятельностью, причем одно не исключало другое. Стачки были результатом неудачного административного торга между организационными формами, в которых объективировались технологические цепочки, с одной стороны, и партийными (в основном) органами управления, с другой.

Требования участников стачки были направлены вверх по иерархии управления и ориентировались на перераспределение социальных благ и гарантий. В них фиксировалось недоверие к руководителям предприятий и организаций, к лидерам территориальных парткомитетов и других общественных организаций. Однако, в отличие от бунтующих, участники стачек формулировали и требования, ориентированные на содержание технологических и экономических процессов и отражающих те проблемы, с которыми сталкивались в своей деятельности линейные и функциональные руководители. Это проблемы снабжения и формирования разного рода фондов, распределения имеющихся средств и материалов, приоритеты в формировании очередей и кадрового корпуса управляющих.

Как правило, стачки возникали на предприятиях, где локальные группы (бригады, отряды, и т.п.) размещены в пределах пешеходной доступности и где по самому режиму работы, диктуемому технологиями, разные группы рабочих вынуждены тесно контактировать. Обычно стачкам предшествовали бунты, однако были случаи (как в горнодобывающей промышленности), когда стачки возникали без предварительных бунтов из-за того, что навыки согласованных действий были приобретены в ходе самого производственного процесса.

Стачка, в отличие от бунта, гораздо с большим трудом поддавалась локализации, поскольку обычно средств для удовлетворения требований бастующих в распоряжении предприятия не хватало. Маневрирование ресурсами для удовлетворения требований стачечных комитетов было ограничено ресурсами предприятий, и для того, чтобы смягчить трудовой конфликт, должны были привлекаться средства территориальных органов управления или отраслей народного хозяйства, в состав которой входило предприятие или организация.

Неудовлетворение требований людей, вступивших в трудовые конфликты типа стачки, как правило приводило к перерастанию их в забастовки. Забастовки, в отличие от стачек, включали в себя не только рабочих, линейных и функциональных специалистов, но и руководителей предприятий и организаций, противопоставляющих себя вышеразмещенным уровням управления. Во главе забастовки, как правило, оказывался неформальный политический лидер, тем или иным образом включенный в иерархии партийного или советского управления. Тем самым, скрытый торг между начальниками и подчиненными становился публичным.

Организаторы забастовок были своего рода диссидентами, отстаивавшими собственные оригинальные взгляды на место и роль советского и партийного аппарата управления. Существенно, что эти люди до своего включения в рабочие движения обычно привлекались к партийной или уголовной ответственности за хозяйственные нарушения или злоупотребления служебным положением, т.е. попадали в поле зрения контрольных и репрессивных органов как активные деятели теневой экономики или функционеры во взаимоотношениях.

Требования забастовщиков, как правило, отражали проблемы и конфликты деятельности руководителей предприятий и организаций - плохое снабжение, низкий уровень обеспечения социальных гарантий, требования распределить фонды, уменьшить контроль за деятельностью органов управления или вообще ликвидировать отраслевые надстройки над предприятиями с передачей их в подчинение местным органам власти, интересы которых представляют партийные и профсоюзные лидеры - явные или неявные организаторы забастовок.

Забастовки, в отличие от стачек, охватывали несколько предприятий, расположенных на территории одного административного ранга, или принадлежащих к одной отрасли народного хозяйства. Для забастовки характерно использование средств массовой информации, появление воззваний, специальных изданий, и другие формы согласования действий и обмена опытом.

Забастовки, в отличие от стачки и бунта, были неразрешимы какими-либо методами перераспределения национального богатства, так как удовлетворения требований забастовщиков нарушало народно-хозяйственные балансы и неизбежно приводило к общему падению производства. Как показывает опыт лета 1989 года, забастовки можно было приглушить и смягчить, удовлетворив только те требования, которые не нарушали принципов организации административного рынка.

Бунты, стачки и забастовки локализовались на одном предприятии. В том случае, если движение социального протеста перерастало рамки отдельного предприятия, то оно становится территориальным выражением социального протеста, которые в существующей структуре управления принимало форму борьбы за автономизацию территории от более высоких уровней территориального управления - сепаратизации или регионализации.

Неудовлетворение требований забастовщиков или приглушение забастовочных настроений прорывалось увеличением количества людей, увольняющихся с государственных предприятий, а также бунтами и стачками. Забастовки, как известно, перешли в 1990-1991 годах в согласованные территориально-политические движения, направленной против всей системы административного рынка. В национальных республиках СССР такая формы социального протеста возникла прежде всего потому, что там деструктивные настроения легко обрели национальную идею. В других административно-территориальных единицах СССР, таких как области, края или административные районы России, поисками интегрирующих идей занялись как неформальные лидеры, так и руководители территориальных партийных и советских органов.

Как уже подчеркивалось ранее, на административном рынке не могли существовать какие-либо отдельности, имеющие собственные цели социального развития и средства для их достижения. Поэтому любая форма социальной активности, направленная на автономизацию от отношений оперативного подчинения, планового управления и обменных отношений и выражающаяся в том, что люди, коллективы на уровне бригад, производственных участков, отдельных предприятий, объединений и единиц административно-территориального устройства стремились обрести "собственное лицо", превращались в движения, направленные против наиболее значимых для них отношений управления. Рядовые работники увольнялись с предприятий и организаций для того, чтобы не быть зависимыми от своих непосредственных начальников-линейных и функциональных руководителей. Сработавшиеся бригады во главе со своими лидерами бунтовали и требовали от партийных функционеров и линейных руководителей того, что им полагалось по сложившимся нормам, законам, расценкам и правилам. Участки и цехи предприятий согласованно начинали стачки для того, чтобы выразить свой протест против руководителей предприятий и секретарей парткомитетов. Предприятия и организации, объединенные общим местом дислокации или технологическими цепочками, выступали против министерств, ведомств, главков, объединений, угрожая забастовками или организуя их. Единицы административно-территориального устройства выступали против Союза республик в целом, или против его единиц (областные автономистские движения в Сибири), требуя самостоятельности и отчуждения от сложившихся связей административного рынка.

Общая неудовлетворенность и ощущение ущербности, характерные для всех элементов административного рынка, принимали разные формы в зависимости от уровня иерархии. Однако каждый элемент сложившейся за десятилетия системы отношений чувствовал себя способным к автономному существованию и стремился, приобретя автономию, сохранить в самом себе самые существенные особенности административного рынка в целом.

Можно сказать, что движения социального протеста имели одну и ту же природу и представляли собой своего рода делегирование социальной неудовлетворенности с более

низких уровней иерархии управления на более высокие. Функционеры каждого уровня иерархии, стремясь сохранить свои функциональные места, вынуждены были воспринимать требования, идущие снизу, переформулировать их в соответствии с проблемами и конфликтами своего собственного положения и предъявлять претензии к более высоким уровням. Бунты, стачки, забастовки и автономистские территориальные движения были формой, в которой пытались обрести самостоятельность фрагменты одной реальности - советского административного рынка.

Циклы перестроек и группы давления.

Динамика отношений между отраслями, Советами и партийной иерархией определялась изменяющейся во времени дефицитностью определенного вида ресурсов. Так, критическое положение с производством сельхозпродукции приводило к тому, что аграрные отрасли получали большее количество мест в бюро парткомитетов и тем самым определяли направления финансовых и материальных потоков, а также использование рабочей силы.

Ухудшение положения в сельском хозяйстве приводило к консолидации аграрного лобби в аппарате ЦК КПСС и к принятию на пленуме (съезде) постановления о частичной переориентации предприятий ВПК на выпуск продукции сельского хозяйства или на конверсию оборонной промышленности, направленную на производство машин и оборудования для сельского хозяйства и переработки сельхозпродукции. Вслед за постановлением шел перелив средств из ВПК в сельское хозяйство и дальнейшая интеграция аграрного лобби в партаппарат.

В то же время, издавалось постановление о развитии сельского хозяйства, которое обязывало предприятия ВПК к созданию в своих собственных подразделениях предприятий по производству сельскохозяйственной продукции - военсовхозов, подсобных хозяйств предприятий, и т.п. Вынужденная переориентация ВПК вызывала сопротивление представителей ВПК в аппарате КПСС и консолидацию его представителей в более жесткую группу давления.

Содержание постановления о развитии сельского хозяйства определялось степенью консолидированности аграрного лобби, с одной стороны, и готовностью ВПК взять на себя часть производства сельскохозяйственной продукции (сформировать подразделения соответствующего направления), с другой.

Перелив средств из ВПК ухудшал положение и в нем, что усилиями консолидированной группы представителей ВПК в партаппарата приводили к изданию соответствующего постановления о его развитии и к началу следующего цикла деятельности по изданию постановлений, на этот раз по развитию ВПК.

При внешнем наблюдении цикличность в руководящих усилиях КПСС и, следовательно, изменение доминирования групп давления проявлялась в периодическом изменении государственных приоритетов и мест приложения государственных усилий. Обычная для последних десятилетий Советской власти последовательность событий была примерно такова: очередная перестройка начиналась с изменения трудового права, усиления административного режима и ужесточения репрессий, а также попыток мобилизации ресурсов труда заключенных, военнотружеников, людей деятельности которых ограничена режимом секретности, с очередного организованного набора или принудительного переселения людей в места приложения труда. Как правило, расширялись полномочия репрессивных органов в области регулирования трудовых отношений. "Репрессивный" период довольно быстро (в течение 1,5-2 лет) сменялся усилиями, направленными на модернизацию производящих отраслей и переориентацию их на производство новых видов продукции. Обычно первым пытались модернизировать машиностроение, потом переключались и на другие виды промышленной продукции.

Это действия, однако, не приводили к позитивным результатам, и более того, усиливали разбалансировку народного хозяйства.

После неудачи машиностроительных программ начинались попытки оживления сельского хозяйства, которые также оказывались безуспешными.

В промежутках между развитием машиностроения и сельского хозяйства обсуждались проблемы топливно-энергетического комплекса, мелиорации и водного хозяйства, других отраслей управления. Обсуждение, как правило, заканчивались принятием программ модернизации отраслей, заведомо не реализуемых. Естественно, что принятие решений, выделяющих какие-либо отрасли, означало для руководства отрасли и связанных с ним других подразделений государственного устройства временное доминирование или хотя подтверждение своего статуса в расстановке сил в аппарате управления.

Периоды, в течение которых циклы доминирования повторялись, в течение последних десятилетий уменьшались. Если в хрущевские времена от одного постановления по сельскому хозяйству до другого проходило 4-5 лет (это собственно длительность цикла), то в начале 80 годов период уменьшился до 2 лет. Это означало, что шел интенсивный поиск стабильного источника ресурсов для обеспечения функционирования сложившегося государственного аппарата с его группами давления.

Разгосударствливание отраслей и территорий.

Распад партийной иерархии (1990-1991 годы) привел к частичному отчуждению от государства как отраслей народного хозяйства СССР (в рамках страны в целом), так и отдельных предприятий и их структурных подразделений (в рамках единиц административно-территориального деления). Инерция самосохранения отраслей и предприятий в эти годы была направлена на воспроизведение отношений, единственно возможных для государственно организованной экономики и к попыткам переноса функций партийной иерархии на органы Советской власти. Последовавшая в России в 1993 году ликвидация советской иерархии привела к отделению от государства отраслей, предприятий и организаций и к раздельному развитию как автономизировавшейся от государства производственной системы, так и самого государства.

Вместе с производством от государства отделились и другие системы отношений (обменные, криминальные и прочие), ранее компенсировавшие ущербность государства в функции управления экономикой. Эти отношения институализировались и начали относительно самостоятельное существование под разными названиями (бартер и прочее). Собственно попытки самостоятельного существования обломков и осколков государственной экономики, связываемых между собой ранее “теневыми” отношениями можно назвать российским бизнесом.

Обломки отраслевой структуры стремятся либо склеиться снова в квазигосударство (в вертикально-интегрированные компании, финансово-промышленные группы), воссоздав аналог партийной иерархии, либо находят свою нишу на рынке. В первом случае существующее государство рассматривается как конкурент(партнер)-с ним борются или его поддерживают, во втором случае - как субъект рыночных отношений (с ним торгуются).

Ликвидация КПСС как института привела к тому, что исчезли координирующие отношения в соответствующей вертикали власти, в результате чего отрасли народного хозяйства СССР оказались в ситуации отсутствия институтов финансового, политического и экономического управления. Естественно, что начался распад системы административного рынка, вернее его трансформация в новую форму. Так как материальные и финансовые потоки связывались в народно-хозяйственное целое только на высших уровнях управления - в министерствах и ЦК КПСС, то они разделились.

Контроль за материальными потоками стал уделом низших уровней фрагментировавшихся иерархий, в то время как контроль за финансовыми потоками сосредоточился на фрагментах бывшего высшего уровня управления государством.

Наметилось две основных стратегии инкапсулирования фрагментов административного рынка. Первая стратегия заключалась в отторжении сегментов партийной структуры вместе с элементами отраслевых иерархий управления от собственно производящих компонентов (предприятий и организаций) и формировании финансовых организаций на базе собственности СССР, подконтрольной ранее верхушке партаппарата. По роду деятельности это номенклатурная и теневая приватизация, а по организационным результатам - крупные фонды и банки, аккумулировавшие на своих счетах активы внешнеторговых организаций СССР. В этой деятельности специализировались работники внешнеторговых организаций, а также работники парткомитетов портовых городов и административных центров, ранее приобретших необходимые навыки и связи.

Вторая стратегия заключалась в отчуждении от вертикали партийной власти низовых звеньев- собственно производств и формировании на их основе акционерных компаний, в которых собственность (акции) распределялись пропорционально статусу в исчезнувшей партийной структуре. По роду деятельности это теневая и криминальные формы приватизации, а по организационным результатам - многообразие форм, начиная от вертикально интегрированных нефтяных компаний и до акционерных обществ закрытого типа и ТОО, образованных на основе фрагментов технологических цепочек предприятий.

Исчезновение вертикалей партийного и советского управления привело к разделению финансовых и товарных потоков, в 1990-1991 годах подспудному, и после января 1992 года принявшему лавинообразный характер. Отделенные от советского административного рынка финансовые потоки дезинтегрировались и затем в процессе самоорганизации оформились в постперестроечные финансовые институты - банки и финансовые компании. Товарные потоки, в свою очередь, сначала стагнировали, а в последующем начали оформляться в снабженческие и производящие предприятия. Финансовая сфера постперестроечного государства оказалась относительно независимой от собственно производства, прежде всего потому, что содержанием финансовой деятельности стала капитализация наследия СССР. Производство также оказалось относительно независимым от финансовой сферы, прежде всего потому, что содержанием производственной деятельности стала приватизация основных фондов исчезнувшего государства. Только в 1995 году наметилась тенденция к реинтеграции производственной и финансовой сфер, но уже на принципиально иной основе - через рынок ценных бумаг, консолидацию у банков контрольных пакетов предприятий.

Практически все эти процессы были детерминированы исходной структурой административного рынка, что и будет предметом последующего анализа.

Можно сказать, что распад советского административного рынка был определен его структурой. Так как существовали две основных интеграционных схемы (партийная и советская), то и распад происходил по двум направлениям- по партийной схеме и по советской.

Рассмотрим распад иерархий отраслевого управления и его результаты - новые организационные формы производства.

Трансформация партийной компоненты административного рынка и постперестроечные негосударственные финансовые институты.

Высшие уровни управления СССР - кабинет министров и Политбюро ЦК КПСС начали терять свое организующее значение после перехода формальной власти к

президентским структурам Горбачева. Именно в это время отделы ЦК КПСС и союзные министерства, в которых был сосредоточен контроль за материальными и финансовыми межотраслевыми и международными потоками, начали деятельность, получившую название “отмывание денег КПСС”. Суть этой деятельности заключалась в том, что ресурсы и деньги, ранее распределявшиеся “вниз” по отраслевым и территориальным иерархиям, начали сосредотачиваться в специально для этого созданных полугосударственных организациях (типичный пример АНТ) и использоваться не как средства удовлетворения потребностей социалистического государства, а по прямому назначению, т.е. капитализовались. Поскольку возможности внутренней (в пределах СССР) капитализации были институционально и политически органичены, то капиталы концентрировались за границами государства с использованием ранее предназначенных для совсем других целей организационных форм.

Так, капиталы вкладывались в предприятия и финансовые институты, созданные в свое время для “распространения социализма” - банки, контролируемые соответствующими службами СССР, военные базы, места дислокации войск, резидентуры ПГУ КГБ и ГРУ Генштаба, средства массовой информации просоветской ориентации. Кроме того, создавались специальные организации за рубежом без формального участия граждан СССР, скупались акции, и тому подобное.

Естественно, что эта деятельность контролировалась отделами ЦК КПСС, конкурировавшими друг с другом, свидетельством чему стали такие скандалы, как разоблачение активности АНТ в области торговли оружием.

В понятиях структурных схем административного рынка эта деятельность может быть представлена как своеобразные сечения рис на уровнях секретариата ЦК КПСС, отделов ЦК КПСС и обкомов КПСС.

На рис представлена логика трансформации структуры административного рынка по партийной схеме. Из схемы видно, что высший уровень (включая секретариат ЦК, номенклатуру Политбюро и секретариата) элиминировался, не оставив практически никаких следов в постперестроечной экономической структуре. В то же время, сечение на уровне аппарата отделов ЦК привело к формированию финансовых (и других) институтов, в которых сконцентрировались ранее отчужденные от нижних уровней иерархии ресурсы, конвертированные в финансовые активы, по преимуществу размещенные за границами СССР. Эти организации позднее оформились в разного рода фонды, совместные предприятия, концерны, крупные (по российским масштабам) банки.

Такого рода организации достаточно просто диагностируются по составу своих учредителей - бывшей номенклатуре отделов и, частично, секретариата ЦК. В то же время, реальными руководителями такого рода финансовых институтов стали по видимости внешние люди - ранее малозаметные работники аппарата отделов ЦК или связанные с ними (находившиеся в партийном резерве) заместители министров и начальников союзных главков, помощники и советники союзных министров, ответственные работники специализированных партийных структур, таких как ЦК ВЛКСМ. Иерархия власти в новых финансовых институтах инвертировалась - по сравнению с партийной: бывшие номенклатурные теневики и теневая номенклатура стали первыми лицами, в то время как их бывшие начальники остались при них (естественно в схеме) как консультанты, помощники, референты, в общем - люди со связями, которые необходимы для деятельности.

Необходимо подчеркнуть, что основные капиталы такого рода финансовых институтов находились вне пределов России и обращались на внешних финансовых рынках.

Сечение партийной иерархии на уровне аппарата обкомов КПСС привело, также как и в предыдущем случае, к формированию финансовых институтов и компаний, капиталы которых, в отличие от предыдущего случая, концентрировались в пределах границ СССР. Это собственно российские (в случае России) банки, биржи, акционерные

общества, организованные аппаратом обкомов партии, учредителями которых стали предприятия, руководители которых были в номенклатуре парткомитета. Также как и в предыдущем случае, в новых организациях оказалась инвертированная структура власти. Первыми лицами в них стали ранее малозаметные функционеры аппарата (теневая номенклатура) и функциональные специалисты (начальники финансовых отделов, ОТиЗов и т.п.) предприятий союзного и республиканского подчинения.

Необходимо отметить, что успешная коммерциализация по “финансовому” типу практически не проходила по уровню горкомов партии или еще более низкоранговых партийных комитетов. Известные исключения, такие как успешная коммерциализация московского горкома, лишь подтверждают правило, так как этот парткомитет имел статус ЦК партии союзной республики.

Существенно важно также то, что трансформация советского административного рынка в постперестроечную форму организационно начала оформляться еще при раннем Горбачеве. Ликвидация КПСС и последовавший за этим распад СССР привнесли в этот процесс достаточно случайный компонент, во многом нарушивший плавный процесс капитализации советского административного рынка.

В процесс капитализации государственных активов СССР были включены представители и других социалистических социальных групп, кроме номенклатуры парткомитетов высшего уровня, и другие, не только государственные активы, в том числе цеховые и криминальные. В номинальные организационные формы, описанные выше, вошло совершенно различное содержание. Логическое многообразие социальных типов новых финансовых агентов и институтов также описано в следующей главе.

Трансформации партийной компоненты административного рынка и постперестроечные производственные предприятия.

Параллельно с отчуждением от советского административного рынка финансовой компоненты и ее капитализацией проходило отчуждение от общей структуры и производственных предприятий. Скрытой основой такого отчуждения стало участие отраслевых предприятий и организаций в движениях социального протеста - бунтах, стачках, забастовках и национальных движениях времен перестройки, а легальной - начало разгосударствливания предприятий и их акционирование в ходе ваучерной приватизации.

Можно выделить несколько типов предприятий, отделявшихся от партийных иерархий управления. Первый тип совпадает с тем структурным компонентом, который в разделе, где описываются торги и конфликты был назван бунтом. Рабочие разных производственных участков, связанных, как правило, по технологической цепочке, организованные своим неформальным рабочим лидером (ранее принадлежавшим к партийному активу или выступавшему в роли активного деятеля теневой экономики) тем или иным образом выходили из состава предприятия и регистрировались - в частном случае - как самостоятельное хозяйственное лицо. Если новое хозяйственное лицо не регистрировалось (часто по независящим от него обстоятельствам, так как процедура регистрации была максимально затруднена), то оно становилось субъектом теневого производства, находящимся вне юрисдикции государственных органов. Предметом деятельности предприятия такого типа становилось хищение (в той или иной форме) с материнских предприятий ресурсов и их продажа на свободном рынке или обмен (бартер) на товары широкого потребления и продукты питания с последующей реализацией полученного по бартеру на свободном рынке.

Второй тип новых производственных предприятий в своем генезисе совпадает со структурной основой стачки, описанной ранее. Производственные участки разных предприятий, руководимые линейными специалистами, объединялись под руководством

сотрудника аппарата райкома партии (или номенклатурного работника сравнимого ранга) в новое хозяйственное лицо, ориентированное на производство продукции на основе имеющихся технологий. Иногда предприятия такого рода работали на потребности внутреннего рынка, чаще стремились организовать экспорт своей продукции. Обычно предприятия такого рода паразитировали на энергетических и материальных ресурсах (неликвидах, товарных запасах, производственных помещениях) материнских государственных организаций, делясь с их официальным руководством деньгами и услугами.

Естественно, что в состав такого предприятия входил и нижерасположенный уровень, включая рабочих, чаще всего “блатных”.

Третий тип производственных предприятий, создаваемых на основе партийной иерархии, в своем генезисе совпадает со структурой забастовки. Руководители предприятий низшего отраслевого уровня под руководством номенклатурного работника аппарата горкома партии (или равно статусного парткомитета) образовывали акционерное общество, которое в своей деятельности было направлено на сохранение спектра производимой продукции, рынков сбыта, каналов снабжения и трудовых ресурсов. Поэтому в состав такого АО неизбежно входили и описанные ранее структуры “бунта”, “стачки”, и “шабашки” в легализованной форме новых предприятий или в латентно.

Четвертый тип производственных предприятий, создаваемых на основе партийной иерархии, в генезисе совпадает со структурой сепаратистского или автономистского (национального) движения. Руководители нескольких предприятий бывшего союзного или республиканского подчинения (иногда разной отраслевой принадлежности) под руководством номенклатурного работника аппарата обкома партии (или равно статусного партийного функционера) образовывали акционерное общество, деятельность которого была направлена прежде всего на удовлетворение потребностей территории (области, края, республики-субъекте федерации), на которой новое АО дислоцировалось. Эти потребности, как правило, заключались в укреплении позиций в административном торге с другими единицами административно-территориального деления и с новым федеральным московским центром. Естественно, что такие АО включали в себя описанные ранее структуры бунта, стачки, забастовки и связанные с ними формы экономической активности и социального протеста (как пример -отношения между Югранефтью и Юкосом с одной и стороны, и Ханты-Мансийским национальным округом и Тюменской областью, с другой).

Распад партийной иерархии привел к тому, что верхние ее “этажи”, консолидировав в своей собственности финансовые активы, оказались - в общем случае- без производственной базы, в то время как нижние “этажи”, приватизировав производственную базу, остались без финансового менеджмента и капиталов. При этом новые финансовые структуры социализировались на традиционных рынках и постепенно приобретают имидж обычных (несоциалистических) рыночных институтов, в то время как производственные АО сохраняют организационные формы и стереотипы конфликтных отношений, специфичные для советского административного рынка, но без системы сдержек и противовесов, сопряженных с исчезнувшей партийной иерархией.

Коммерциализация иерархий Советской власти.

Высшие этажи советской иерархии СССР не смогли коммерциализироваться и исчезли, не оставив следов ни в экономическом, ни в политическом пространствах постперестроечного российского государства. Советская иерархия, доставшаяся России в наследство от СССР попыталась коммерциализироваться по партийного (финансового) типу, однако ни одной успешной попытки такой коммерциализации зафиксировать не удалось. “Дело Фильшина” закончилось грандиозным финансовым скандалом.

Известные попытки исполкомов областных советов создать финансовые организации также закончились неудачно.

В то же время, приватизация производственной сферы, находившейся под контролем Советов, прошла гораздо более успешно, чем аналогичные действия в отраслевой структуре.

Согласно схеме рис, можно выделить несколько типов предприятий, сформировавшихся на основе структур Советской власти. К первому типу можно отнести предприятия сферы обслуживания, созданные специалистами из аппарата РЭУ, ЖЭКов, ДЭЗов и связанных с ними организаций, ориентированные на удовлетворение потребностей жителей микрорайона или малого населенного пункта в ремонте, строительстве, бытовом обслуживании населения в пределах территории, находящейся в компетенции соответствующей организации. Услуги, ранее оказываемые в частном порядке, при этом приобретали организационную форму мелких АО, ТОО и АОЗТ (см. в схеме элемент, образованный сечением “Население- аппарат РЭУ”).

Ко второму типу можно отнести акционерные (и другие) предприятия, организованные на базе аппарата исполкомов районных Советов (или аналогичных по функции организаций - поселковых Советов, например). Это мелкие риелтерские фирмы, частные нотариаты и регистрационные предприятия, мелкие и средние (районного масштаба) предприятия бытового обслуживания, снабжения и торговли. В эти предприятия переходили на работу рабочие и функциональные специалисты из отраслевых предприятий, расположенных на территории района (поселения) (смотрите на рисунке сечение по уровню “аппарат районного Совета”).

К третьему типу можно отнести предприятия и организации, организованные при участии и под контролем аппаратов исполкомов городских Советов. Это торгово-закупочные предприятия, крупные риелтерские фирмы, магазины, предприятия сферы обслуживания, предприятия коммунального хозяйства, строительные фирмы и т.п., образованные (смотрите сечение схемы по уровню аппарата исполкомов городских Советов) при переходе под контроль местной власти предприятий и организаций из отраслевой структуры, ранее находившейся в номенклатуре райкомов КПСС.

К четвертому типу можно отнести акционерные предприятия и организации, сформированные под контролем аппаратов исполкомов областных и республиканских (республики в составе России) Советов. Это, как правило, крупные предприятия с большим числом занятых, включающие в свой состав предприятия и организации бывшего союзного и республиканского подчинения на уровне трестов и областных главков - экспортно-импортные предприятия, большие строительные фирмы, сырьевые (добывающие) предприятия, машиностроительные и аналогичные производства (см. в схеме сечение на уровне “аппарат исполкомов областных Советов”).

Необходимо отметить, что при приватизации структур Советской власти населенные пункты, в которых ранее эта власть была представлена только председателями поселковых Советов, остались практически без жизнеобеспечивающей инфраструктуры, поскольку она была сосредоточена в более высокоранговых поселениях. “Население” в такого рода поселках и городках оказалось в полной зависимости от низовых отраслевых предприятий (власть и юридически, и фактически - как контроль за жизнеобеспечением перешла к их руководителям), а если этих предприятий не было или они самоликвидировались - остались предоставленными самим себе при обеспечении топливом, продуктами питания, транспортом, медицинским обслуживанием и другими благами советской цивилизации.

Коммерциализация института посредников.

Генетически постперестроечная неавторизованная экономическая активность, часто называемая организованной преступностью, связана со специфически советскими теневыми и криминальными уровнями и формами деятельности. Структурно же экономическая преступность может быть сопоставлена с автономизацией института посредников, которая стала неизбежной при распаде партийной и советской иерархий управления.

Первый тип структур организованной преступности генетически связан с посредниками высшего ранга, существовавшими в отношениях между союзными министрами, их заместителями и другими отраслевыми функционерами. Структуры такого рода были созданы для коммерциализации отраслевых основных фондов и капиталов, консолидированных за рубежами государства. Через эти структуры происходила (частично) отмывка партийных денег (контролируемых отраслевыми отделами ЦК КПСС), их капитализация и приобретение недвижимости за рубежом. В дальнейшем структуры такого рода (под вывеской иностранных предприятий) начали активно вкладывать капиталы в собственно российские (скорее бывшие СССРовские предприятия), однако пока полная легализация их невозможна.

Второй тип структур организованной преступности генетически связан с посредниками, координировавшими отношения на уровне союзных главков и республиканских министерств. Усилиями такого рода посредников и сопряженных с ними по связям функционеров были созданы организованные группы, занимавшиеся, в частности, экспортом стратегического сырья - редкоземельных металлов, нефти, легких металлов, продажей оружия, находившихся в государственных резервах, на складах за пределами страны - сначала СССР, потом России.

Третий тип структур организованной преступности по происхождению связан с деятельностью по коммерциализации ресурсов, находившихся в распоряжении областных органов власти или попавших к ним в распоряжение после распада системы управления СССР.

Четвертый тип структур организованной преступности, также как и в предыдущем случае, по происхождению связан с посредниками, координировавшими коммерциализацию ресурсов, находившихся в их ведении до распада СССР, но на уровне городов или равнозначных административно-территориальных единиц.

Последующие (низовые) типы структур организованной преступности возникли при институализации посреднических отношений между разного рода группами работников снабжения и охраны, деятельность которых плавно перешла из охраны ресурсов или поддержания их состояния в расхищение ресурсов и торговлю краденым.

Конфликтность в иерархиях российского административного рынка.

Можно выделить несколько типов конфликтов, характерных для иерархий постсоветского административного рынка. Первый и основной конфликт - с государством. Дело в том, что СССР в целом совпадал с административным рынком, им был в полном смысле этого слова. В ходе перестройки произошло частичное отделение административного рынка от государства, причем постперестроечный рынок несет в себе следы своего государственного прошлого, а постперестроечное российское государство во многом сохраняет специфические административно - рыночные отношения. Конфликт заключается в том, что новый административный рынок относительно самодостаточен и стремится вытеснить новое государство из сферы, которая связана с его функционированием - т.е. из экономики. Однако государство наследовало дирижистские стереотипы СССР и вмешивается в функционирование административного рынка,

пытаясь вытеснить его институты из сферы экономики, которую государство пытается контролировать.

Второй конфликт связан с тем, что предприятия и организации, созданные при распаде иерархий партийной и советской власти, были в той или иной форме приватизированы на всех (описанных выше) уровнях своей организации. Межуровневые конфликты между структурными подразделениями социалистических предприятий при этом трансформировались в конфликты между новыми хозяйственными и юридическими лицами, претендующими на распоряжение одними и теми же ресурсами.

Третий конфликт связан с разграничением собственности между “бывшими советскими” и “бывшими партийными” предприятиями. В ходе этого конфликта отраслевая собственность становится предметом спора между местными органами власти и их хозяйственными представителями, с одной стороны, и наследниками собственности, контролировавшейся парткомитетами, с другой. Другим предметом конфликтов стало право контроля за территориями и поселениями, в которых расположены бывшие отраслевые (градообразующие) предприятия.

Четвертый тип конфликта связан с разграничением отношений между структурами легального бизнеса и группами организованной преступности, реализующимися в том же самом административно-рыночном “материале”.

Ваучерная приватизация как флуктуация отношений власти и собственности.

Выборность руководителей предприятий привела к институализации структур бунта, стачки, забастовки и движений национального протеста. Дезинтеграция стала неизбежной, проблема была только в форме, которую она примет. Вытеснение КПСС также было поэтапным и началось с распада института номенклатуры, т.е. замены выборности сверху выборностью снизу. Дезинтеграционные процессы носили в основном административный характер и не имели отношения к собственности. Проблема собственности стала очевидной, после формального роспуска КПСС и начала дележа наследства СССР.

В принципе было возможно, наверное, несколько путей формирования эффективного собственника, однако ни один из них не мог быть ни публичным и ни внеполитичным, так как проблема собственника приобрела уже в то время политический характер. Из всех путей был выбран путь ваучерной приватизации, создавший видимость всенародного участия в дележе государственной собственности. Эмиссия ваучеров, процесс сбора их в пакеты и ваучерные аукционы вовлекли существенную часть населения страны в собственно рыночные отношения. Это была своеобразная торговля фантиками, в ходе которой сформировались первые институты рынка ценных бумаг и навыки торговли ими, но не возникли собственники, да и не могли возникнуть прежде всего потому, что никакой пакет ваучеров не мог обеспечить легитимность владения.

По выражению Найшуля, собственность при Советской власти была распределена, причем известно каким образом, хотя бы приблизительно. Ваучерная приватизация нарушала очевидные - на каждом предприятии или в организации - отношения владения и распоряжения и потому была совершенно неэффективной, если под эффективностью понимать возникновение институтов частной собственности. Она не была принята ни прежними относительно легитимными владельцами, ни новыми владельцами контрольных пакетов. Последние после формирования пакетов вынуждены были вступить в переговоры с легитимными владельцами - руководством предприятий и организаций, исход которых был в значительной степени неопределен. Прежде всего потому, что отсутствуют легитимные институты нормотворчества и правоприменения.

Владельцы контрольных пакетов, сформированных в результате ваучерных аукционов, опирались в своем стремлении к вступлению в права собственника на

государство и его институты, такие как Госкомимущество, в то время как легитимные советские собственники опирались на остатки отраслевой структуры управления и на местные органы власти.

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА АДМИНИСТРАТИВНОГО РЫНКА.

Доперестроечная функциональная структура административного рынка.

Оплачиваемое государством рабочее время было основным источником доходов для подавляющей части граждан, однако общий объема доходов, способы трат и количество потребительских благ, которые гражданин мог оплатить зависели от его положения в различных социально - экономических иерархиях, во многом, но не полностью определявшимися партийно-номенклатурными уложениями.

Обладание властью было вторым основным источником доходов. Мерой власти являлось количество административной валюты, находящейся в распоряжении конкретного властного лица. Сам факт возможности властного отчуждения ценностей у других граждан и социалистических институтов с последующим их распределением (неважно, легитимным или нелегитимным, легальным или нелегальным с официально-правовой точки зрения) означал, что гражданин государства обладает административной валютой. Приведенное определение заведомо не полно, так как административная валюта это не только возможности, но и вполне определенные реализации. Также как и рубли, административная валюта была наличной или безналичной (валюта прямого приказа или опосредованного в системе согласования интересов распоряжения), разной номинальной стоимости (бумаги на партийных бланках ценились выше, чем на бланках советских органов), т. д.

Рубли и административные валюты частично могли конвертироваться друг в друга. За рубли можно было купить некий не очень высокий статус (хотя если верить некоторым источникам, статусы депутатов Верховных советов и некоторые должности в административных органах в последние годы существования СССР стали предметом купли-продажи). В то же время определенные статусы и сопряженные с ними административные валюты позволяли "делать деньги", т.е. извлекать рубли из обладания статусной властью и связями. От характеристик статуса зависело то, какой административной валютой и в каком объеме распоряжался обладающий им человек.

Общий объема доходов, складывающийся из собственно трудовых доходов и доходов от возможности пользоваться административной валютой ранжировал граждан в экономических (и неотделимых от них на административной рынке политических) отношениях. Источники и размеры доходов, получаемых гражданами низших статусов, по определению должны были быть полностью "прозрачны" для обладателей высших статусов. Если доходы граждан с относительно низкими статусами превышали некий нормативный уровень, то они объявлялись нетрудовыми, т.е. не соответствовавшими априорно определенному месту человека в системе административного рынка. В то же время, размеры доходов граждан с более высокими статусами для обладателей низких статусов были "непрозрачны". В общественном мнении низших страт доходы высших страт представлялись нетрудовыми, так как в доступных низшим стратам положениях об иерархиях власти ничего не говорилось об источниках доходов, т.е. о конвертации административной валюты в рубли и потребительские ценности.

Еще раз вернемся к исходным различиям. Трудовые доходы (в социалистическом смысле этого понятия) были фиксированы государством и определены нормативным положением человека в государственных иерархиях управления и распределения. Трудовые доходы включали в себя и административно-валютную часть в той степени, в которой она связана с фиксированным государством статусом этого человека в системе распределения и власти.

Нетрудовые доходы связаны не с самим обладанием административной валютой, а с ненормативной конвертацией ее в другие ценности, т.е. с использованием статусной власти в другой, в том числе и экономической деятельности. Под нетрудовыми доходами в данной работе понимаются в первую очередь доходы, получаемые при конвертации административной валюты в рубли или ценности, которые могли быть реализованы за рубли. Поскольку нетрудовые доходы извлекались людьми из своего положения в иерархиях власти, то их наличие у низших слоев населения можно было при желании рассматривать как признак существования нелегальной формы административной валюты и как наглядное свидетельство того, что в государстве существуют скрытые иерархии власти, некоторые положения в которых позволяют делать деньги, не обладая для этого фиксированными государством правами. Само получение нетрудовых доходов низшими слоями было для высших слоев свидетельством нарушений в системе государственной власти и потому государство перманентно боролось с ними.

Можно аналитически разделить население бывшего СССР на две группы, принимая всю условность такого жесткого противопоставления. В первую группу имеет смысл включить ту часть населения, которая жила на зарплату, т.е. на трудовые доходы в социалистическом смысле этого слова. В эту зарплату включались и дополнительные доходы, связанные со статусом и обладанием соответствующей статусу административной валютой. Легальные обмены административными благами составляли содержание жизни обычных людей. Эту часть населения можно рассматривать как жившую при реальном социализме (от каждого по статусным способностям, каждому по статусным потребностям, при этом созданием и поддержанием системы статусов и определением статусных способностей и потребностей занимается государство). Эта часть граждан социалистического общества не представляет интереса для последующего анализа, она экономически не самостоятельна, хотя и принимает сейчас активное участие в экономической и политической жизни в роли рантье. Они “не халявшики, а партнеры”, намеренные жить на “дивиденды” от своего советского социально-учетного статуса, конвертированного в “ценные бумаги”, выпущенные в обращение представителями другой части населения.

Эта - другая часть - населения уже конвертировала административную валюту в собственно экономические активы. Именно ее можно считать экономически активной и рассматривать как среду, из которой возникли перестроенные экономические отношения.

Введем понятия уровней и форм деятельности на административном рынке. Уровнем деятельности в дальнейшем называется формальное положение социалистического человека в системе власти, отчуждения и распределения (в экономическом смысле этих понятий). Понятие уровня деятельности в отдельных случаях совпадает с понятием статуса в обычном социологическом смысле.

Формой деятельности называется активность человека, принадлежащего к фиксированному уровню деятельности и потому обладающего неким определенным статусом. В каком-то смысле отношения между уровнем и формой деятельности сравнимы с отношениями между статусом и ролью в классической статусно-ролевой теории. Спецификой логики данной работы является то, что в качестве ключевых в основном рассматриваются несовпадения между уровнями и формами деятельности (аналогично диссоциации между статусами и ролями в соответствующей социологической теории). Формальная структура отношений между уровнями и формами деятельности вводится для того, чтобы зафиксировать систематическое несовпадение принадлежности к уровню деятельности и формы деятельности и использовать его как логическую основу для содержательного исследования.

Присвоим уровням и формам деятельности, специфичным для советского варианта административного рынка следующие имена:

- номенклатурный
- гражданский

- теневой
- криминальный.

Под номенклатурным уровнем деятельности понимаются совокупность статусов, называемых номенклатурными (т.е. для приобретения их необходимы были санкции аппарата КПСС). Под номенклатурной формой деятельности (руководством) понимается совокупность ролей, проигрываемых обладателями разных статусов, в том числе не являющихся номенклатурными.

Под гражданским уровнем деятельности понимается совокупность статусов, не являющихся номенклатурными, но тем не менее обладающими той или иной степенью социалистической официальности. Это учителя, врачи, совслужащие в широком смысле этого понятия, рабочие и крестьяне. Под гражданской формой деятельности понимается совокупность ролей выживания в условиях административного рынка, проигрываемых обладателями других, в том числе не гражданских статусов.

Под теневым уровнем деятельности понимается совокупность статусов, обладатели которых не были номенклатурой, но их нельзя было отнести (и они сами себя не относили) к обычным гражданам. Эти люди по положению обладали некоторой не номенклатурной властью, границы которой невозможно было определить априори. Под теневой формой деятельности понимается совокупность производственных ролей, проигрываемых обладателями других, в том числе не теневых статусов.

Под криминальным уровнем деятельности понимается совокупность статусов, определяемых и контролируемых криминальными субкультурами. Люди, обладавшими криминальными статусами, не принадлежали к номенклатуре, не были простыми гражданами по определению (по факту судимости, например), и не обладали теневой и неопределенной в границах властью. Под криминальной формой деятельности (воровством) понимается совокупность ролей, проигрываемых обладателями других, в том числе и не криминальных статусов.

Теперь, задав основные определения, выстроим отношения между ними в матрице рис 18.

Рисунок 18 Доперестроечная структура экономического пространства в

формы деятельно- уровни деятельно- номенкла-турный	номенкла- турная (руководство) первые лица	гражданская (выживан чиновники	теневая (производство теневая номенкла-тура	криминальная (воровств кримина-лизированные чиновники
гражданский	номенкла-турные граждане	простые граждане	люди со связями	кримина-лизированные граждане
теневой	номенкла-турные теневики	частники	цеховики	кримина-лизированные теневики
криминальный	номенкла-турные воры	бытовые воры	рекетеры	воры

Каждый элемент матрицы, находящийся на пересечении строки и столбца в дальнейшем называется типом. Тип является наименованием места в формализованном представлении административного рынка. Совокупность типов, заданных матрицей, создает замкнутое пространство понятий, обладающее собственными свойствами, определяемыми через отношения между типами.

Можно выделить два рода элементов, составляющих внутреннее пространство матрицы. Это диагональные элементы (образованные отношениями между одноименными уровнями организации и формами деятельности), и недиагональные элементы, образованные отношениями между разноименными уровнями и формами деятельности. Отношения между одноименными уровнями и формами деятельности создает один диагональный элемент матрицы. Отношения между разноименными уровнями и формами деятельности создает два

элемента-типа, симметричных относительно диагонали матрицы рис. 19 (например, отношение между номенклатурным и гражданским уровнями и формами деятельности создает типы номенклатурный граждане и чиновники).

Рассмотрим пространство матрицы, используя упорядоченные строками и столбцами списки типов. Набор типов, тем или иным образом относящихся к номенклатуре, задается строкой "номенклатурный уровень" и столбцом "номенклатурная форма деятельности". Собственно к номенклатуре относятся первые лица, чиновники, теневая номенклатура и криминализованные чиновники. В то же время, номенклатурность как ролевая характеристика входит в характеристики типов, упорядоченных столбцом "номенклатурная форма деятельности". Это первые лица, номенклатурные граждане, номенклатурные теневики и номенклатурные воры.

Гражданский уровень деятельности задается типами номенклатурные граждане, простые граждане, граждане со связями, криминализованные граждане. Как ролевая характеристика, принадлежность к гражданскому уровню входит в типы чиновники, простые граждане, частники, бытовые воры.

Теневой уровень деятельности задается типами номенклатурные теневики, частники, цеховики, криминализованные теневики. Как ролевая характеристика, "затененность" формы деятельности входит в характеристики типов теневая номенклатура, граждане со связями, цеховики, рекетиры.

Криминальный уровень деятельности задается типами номенклатурные воры, бытовые воры, рекетиры, воры. Как ролевая характеристика, криминальность входит в характеристики типов криминализованная номенклатура, криминализованные граждане, криминализованные теневики, воры.

Рассмотрим сначала те элементы матрицы, в которых совпадают наименования уровней и форм деятельности. Это диагональные элементы рис.1 первые лица, простые граждане, цеховики и воры.

Тип первые лица задан отношениями между номенклатурным уровнем организации и одноименной формой деятельности-руководством. В определение этого типа (как и других диагональных элементов) входит соответствие статуса и роли, которую проигрывает человек, обладающий статусом первого лица. Первые лица - официальный термин административного языка, обозначающий людей, обладающих наивысшей для данной организации формой легальной административной валюты - правом подписи под финансовыми и кадровыми документами. Первые лица принадлежали к номенклатуре и были ранжированы согласно внутренним принципам ее организации. Совокупность первых лиц была внутренне динамична за счет стремления каждого первого лица низшего ранга повысить свое положение, стать первым лицом более высокого ранга. Собственно институт номенклатуры можно рассматривать как некую структуру с фиксированными узлами (места первых лиц) и отношениями между ними (ребрами графа), в которой проходило изменение рангов первых лиц, т.е. продвижение их от узла к узлу по фиксированным ребрам.

Тип простые граждане определяется отношением между гражданским уровнем и формой деятельности-выживанием в условиях реального социализма, которое было невозможно без активности, направленной на продвижение по социально-учетным иерархиям, т.е. без стремления получить те блага, которые нормативно предписаны статусу - квартиру, работу, образование, медицинское обслуживание, пенсию. Простые граждане как тип неоднородны. Разнообразие внутри типа определялись совокупностью социально-учетных параметров, таких как пол, возраст, образование, место прописки, место работы, национальность, и пр. Каждому сочетанию социально-учетных признаков соответствовало свое место в системе распределения, т.е. статусные возможности пользования административной валютой. Так, жители столичных городов имели доступ к гораздо более развитой системе социальных возможностей, чем жители других поселений, а женщины и дети пользовались особыми административными льготами, не

предназначавшимися мужчинам и взрослым. Внутренняя динамика среди простых граждан определялась стремлением каждого гражданина получить полный набор полагающихся ему номинально статусных благ, или изменить, например, свое местожительство на более высокостатусное, получить доступ к какой-либо "кормушке" и т.п.

Тип цеховики определяется отношением между теневым уровнем организации и одноименной формой деятельности-производством дефицитных товаров и услуг. В определение этого типа входит занятие экономической самостоятельностью, в том числе и изготовление на государственных и кооперативных предприятиях в промышленных условиях товаров народного потребления с целью сбыта. Цеховики не обладали государственной легитимностью, однако в силу своего положения изготовителей или распорядителей "дефицита" обладали административной валютой особого теневого рода. Цеховики не были однородными, они ранжировались (как определенный социум) в зависимости от того, при какой отрасли социалистического народного хозяйства ими было налажено теневое производство и что на нем производилось. Естественно, что высшими статусами обладали цеховики, производившие наиболее дефицитные товары на высокостатусных государственных предприятиях. Динамика в среде цеховиков вносилась стремлением получить более высокий статус в собственных отношениях теневого производства.

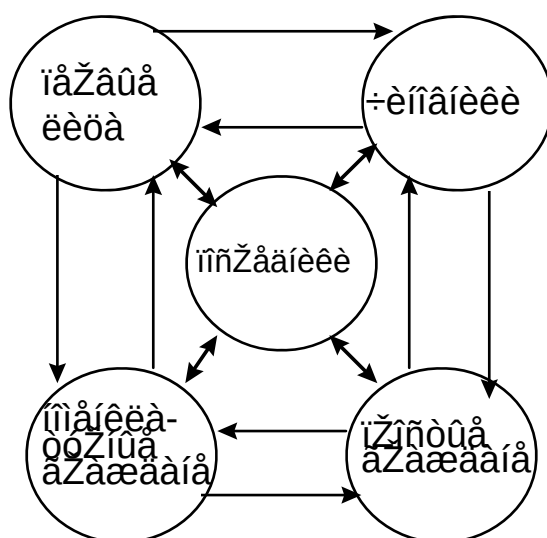
Тип вору определяется отношением между криминальным уровнем и одноименной формой деятельности-воровством. В определение этого типа входит профессиональное или ситуативное отчуждение у государственных организаций и граждан ценностей и денег и использование их для удовлетворения как личных потребностей, так и потребностей криминальной субкультуры в целом. Вору также обладали особым видом административной валюты, властью силы. В рамках субкультуры вору ранжировались по видам деятельности и по статусу в ней. Внутренняя динамика среди воров порождалась стремлением получить более высокий статус в криминальной субкультуре.

Фрагменты пространства административного рынка и его измерения.

Номенклатурно-гражданское измерение.

Рассмотрим теперь фрагменты рис. 19, образованные парами одноименных уровней организации и форм деятельности. Каждый фрагмент включает в себя два диагональных типа и два симметричных относительно диагонали элемента.

Рисунок 19 Номенклатурно-гражданское измерение.

Первые лица и простые граждане номинально были охарактеризованы (как типы) выше. Рассмотрим теперь номенклатурных граждан и чиновников. Номенклатурные граждане (т.е. разного рода депутаты, артисты, специалисты, эксперты, технологи и прочие космонавты) обладали по своему положению административной валютой и использовали ее для оказания влияния на принятие административных решений первыми лицами, причем решений такого плана, который бы способствовал либо повышению их статуса, либо увеличению оценки статуса в доходах. Они принимали участие в руководстве, но весьма специфичным образом. Доходы номенклатурных граждан складывались из зарубежных командировок, участия в государственных программах развития, техническими руководителями которых и оказывались номенклатурные граждане, и пр. Номенклатурные граждане известны, в частности, своими предложениями по улучшению экономики и по нахождению ключевых звеньев и "клеточек", воздействуя на которые можно было бы по их мнению радикально изменить экономические показатели. Это авторы идей ускорения, энергетической программы, преобразования машиностроительной промышленности и так далее. К номенклатурным гражданам можно отнести и теоретиков-рыночников, для которых изменение принципов хозяйствования и отказ от социализма были не более чем еще одной государственной программой, руководителями которых оказались бы они сами.

Тип чиновники - специалисты по административной игре в системе фиксированных партийным и государственным строительством статусах, в ходе которой они стремились к повышению статуса и к соответствующему увеличению административной валюты, прилагающейся государством к определению их статуса. Чиновники выживали в условиях, определяемых отношениями между первыми лицами и потому целиком и полностью зависели от персональных изменений в руководстве. Система чиновничьих статусов была производна от ранжированности отраслей и территорий. Поэтому чиновничьи игры велись на повышение административного статуса соответствующих отраслей и территорий, т.к. вместе с повышением их статуса повышался и статус чиновников.

Первые лица, номенклатурные граждане и чиновники находились в постоянном структурном контакте, так как повышение статуса территорий и отраслей было, как правило, связано с привязкой к ним определенных проектов по преобразованию экономики. Типичной ситуацией такого рода была инициатива по "бригадному подряду", выдвинутая неким номенклатурным гражданином, и поддержанная чиновниками - сотрудниками первого секретаря обкома КПСС и другими первыми лицами.

Для того, чтобы описывать отношения между первыми лицами, номенклатурными гражданами, чиновниками и простыми гражданами (представленные схемой рис 19),

надо еще раз напомнить, что внутри каждого типа существовала иерархия статусов (иерархии первых лиц, простых чиновников, номенклатурных и обычных граждан), и стремления людей, принадлежащих к конкретному типу, были направлены на продвижение вверх по этим иерархиям. Пути для этого определены связями формальной структуры, обозначенными стрелками рис.18. Так простой гражданин, например, живущий в коммунальной квартире, мог попытаться подняться вверх в иерархии других простых граждан, попытавшись получить отдельную квартиру, и для этого мог пойти разными путями. В частности, он мог жаловаться чиновникам на то, что его жилье не удовлетворяет санитарным нормам. Чиновники ходатайствовали бы перед первым лицом о выполнении желания простого гражданина. И первое лицо могло пойти (а могло и не пойти) на удовлетворение этих желаний.

Был и другой ход, когда простой гражданин обращался к номенклатурному гражданину (депутату, например), и уже депутат ходатайствовал перед первым лицом об удовлетворении потребностей простого гражданина.

Логически и иногда практически были возможны ситуации, когда первое лицо обращало свое внимание на неудовлетворенные потребности простого гражданина и давало поручения чиновникам удовлетворить его статусные потребности.

Сетка связей, которая устанавливалась при итерациях отношений такого рода, была элементом административного рынка в собственном смысле этого понятия. Каждое изменение положения любых типов внутри специфических для них иерархий было связано с торгом между представителями типов, объединенными схемой рис. 18, включенными в действия, необходимые для повышения рангов. Торг заканчивался административно - валютными расчетами, одним из компонент которых и было повышение (или понижение) ранга представителя конкретного типа в пределах возможностей, предоставляемых номинальными характеристиками типа.

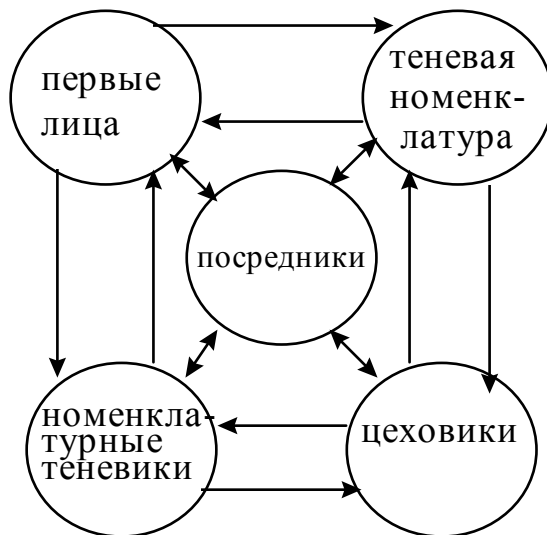
Необходимо обратить внимание на то, что в сетке связей между типами само по себе возникало функциональное место на пересечении прямых связей между всеми вовлеченными в административное действо. Это место обозначено на рис 19 квадратом. Оно могло быть занято любым носителем типологических свойств. В функциональные свойства этого места входило то, что желания и потребности всех действующих лиц могли быть удовлетворены без прохождения обычных административных путей, а просто обращением к лицу, занимающему это виртуальное место. В обыденном языке люди, занимающие эти места, получили название посредников, а способ удовлетворения потребностей с использованием блатных - название "блат". В силу особенностей этого рода отношений описываемый вид блата называется в данной работе номенклатурно-гражданским. Номенклатурно-гражданские посредники были чистыми носителями управленческой формы деятельности, не имеющими, однако, соответствующего социального статуса.

Отношения в тетраде "первые лица-чиновники-номенклатурные граждане-простые граждане", опосредованные соответствующим блатом, в конечном счете привели к формированию относительно замкнутой латентной номенклатурно-гражданской группы, своеобразного скрытого измерения пространства доперестроечного административного рынка, из которого возникла одна из размерностей экономического пространства постперестроечного государства.

Номенклатурно-теневое измерение.

Рассмотрим следующий фрагмент рис. 21, образованный отношениями между номенклатурными и теневыми уровнями и формами деятельности.

Рисунок 20. Номенклатурно-теневое измерение.

Первые лица и цеховики были рассмотрены ранее. К теневой номенклатуре относились реальные "вторые" люди в системе государственных и партийных статусов, с мнением которых, в отличие от мнений простых чиновников, необходимо было считаться при принятии любых решений. Это люди, готовившие решения и согласовывавшие их во многочисленных подразделениях аппарата управления: помощники, референты, консультанты, спичрайтеры и прочие аппаратные специалисты, знавшие ходы и выходы, людей и отношения между ними. Это своего рода аморфная среда, окружавшая первых лиц, но вне этой среды первые лица существовать не могли. Естественно, принадлежащие к теневой номенклатуре функционеры обладали своеобразной административной валютой, не напрямую конвертируемую в жизненные блага, но опосредованно - только в той мере, в которой они находились в окружении первых лиц.

Номенклатурные тенивики - люди, обладающие определенным государственным или партийным статусом и использовавшие этот статус для организации негосударственного снабжения пользующимися спросом товарами и услугами. Практически на каждом государственном предприятии была своя "неучтенка", свое скрытое производство, продукция которого тем или иным образом обменивалась на другие товары и услуги. Те функционеры, которые осуществляли контроль за "неучтенкой" и ее распределением в данной работе называются номенклатурными тенивиками.

Потребности в неучтенке и в теневой продукции могли возникать у первых лиц, которые могли выходить на цеховиков (собственно производителей неучтенки) двумя путями. Они могли обратиться к номенклатурным тенивикам, чтобы те озадачили цеховиков, а могли действовать через своих помощников - референтов, т.е. через теневую номенклатуру. В свою очередь, у цеховиков возникали проблемы, которые могли быть решены только первыми лицами. В этом случае цеховики ходатайствовали перед первым лицом либо через номенклатурных тенивиков, либо через теневую номенклатуру.

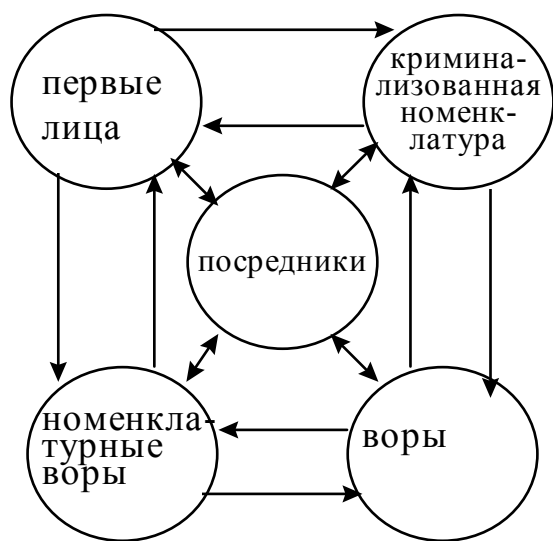
При итерациях этих отношений возникало новое функциональное место на пересечении всех связей, которое также как и в предыдущем случае называется блатным. Однако это другой - номенклатурно-теневой- вид блата, нежели номенклатурно-гражданский, описанный ранее. Человек, занимающий это виртуальное место мог в определенной степени (ограниченной возможностями блата) благодаря включенности во все связи номенклатурно-теневой структуры опосредовать удовлетворение потребностей представителей всех типов без непосредственного контакта их между собой.

Теневая номенклатура и номенклатурные теневики образовывали своеобразную общность, так как в обязанность помощника или референта первого лица входило в первую очередь обеспечение его и его деятельности как руководителя необходимыми товарами и услугами для обмена с другими первыми лицами. Собственно бартер имеет своими корнями отношения между номенклатурными теневиками и теневой номенклатурой. В ходе перестройки, при институализации бартера как системы хозяйственных отношений теневая номенклатуры и номенклатурные теневики, разбавленные соответствующими блатными образовали единое бартерное пространство, по своему происхождению номенклатурно - теневое, давшее начало еще одной размерности постперечного экономического пространства.

Номенклатурно-криминальное измерение

Рассмотрим следующий фрагмент схемы рис. 19, образованный отношениями между номенклатурными и криминальным уровнями и формами деятельности

Рисунок 21 Номенклатурно-криминальное измерение.

Первые лица и воры были охарактеризованы ранее. Криминализованные чиновники - те, кто по роду занятий находился в постоянном (чаще служебном) контакте с криминальной средой и использовал эти контакты для получения "нетрудовых доходов". Это работники силовых министерств, а также госслужащие, исполнение прямых обязанностей которых было невозможным без совершения незаконных и противозаконных действий, причем при совершении последних они использовали возможности работников силовых министерств.

Симметричный криминализованным чиновникам элемент структуры советского экономического пространства - номенклатурные воры, т.е. те представители аппарата

управления, которые использовали свое положение для прямого и косвенного обогащения путем хищения государственной собственности.

Если следовать логике схемы, то потребности воров, в том случае если для их удовлетворения было необходимо вмешательство первых лиц, могли удовлетворяться двумя путями, обозначенными ребрами графа. Воры могли взаимодействовать с первыми лицами, используя посредничество номенклатурных воров, а могли действовать через криминализованную номенклатуру. В обратной ситуации, когда необходимо было вмешательство воров для удовлетворения потребностей первых лиц, последние также могли действовать либо через криминализованную номенклатуру, либо через номенклатурных воров.

При итерациях связей номенклатурно-криминальной структуры отношений само по себе возникало виртуальное функциональное место на пересечении связей "всех со всеми", особого рода криминально-номенклатурный блат.

Криминализованные чиновники и номенклатурные воры были взаимодополнительны в пространстве административного рынка. Криминализованные чиновники по должности иногда боролись с теми номенклатурными ворами, которые не могли или не хотели "делиться" с ними, а последние систематически "покупали" первых или откупались от них. Это была нормальная для административного рынка торговля, в которой административная валюта, имевшаяся в распоряжении криминализованных чиновников, при посредничестве первых лиц и воров конвертировалась в деньги номенклатурных воров, и наоборот. В этой административной торговле устанавливались особые отношения между номенклатурными ворами и криминализованными чиновниками и формировались условия для появления нового измерения постперестроечного экономического пространства - номенклатурно-криминального.

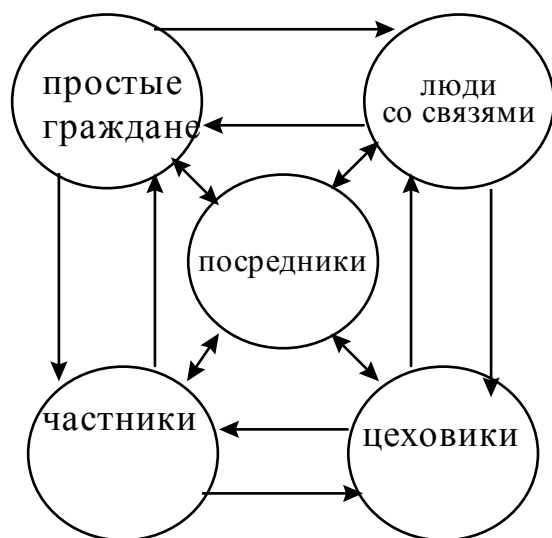
Факт возникновения этого измерения экономического пространства стал явным в ходе расследования дела Медунова (первый секретарь Краснодарского ОК КПСС) и его связей с криминализованными чиновниками из МВД (дело Чурбанова).

В ходе перестройки возможности номенклатурно-криминального пространства были использованы государством для осуществления действий, направленных на коммерциализацию экономики. Были созданы организации (такие как АНТ), возглавленные откомандированными сотрудниками силовых министерств - криминализованными чиновниками, в задачи которых было поставлено получение доходов от продаж военной техники и стратегического сырья. С распадом СССР такие организации преобразовались, включили в себя другие элементы экономического пространства и в конечном счете стали чисто коммерческими предприятиями.

Гражданско-теневое измерение.

Рассмотрим отношения между гражданским и теневым уровнями и формами деятельности.

Рисунок 22 Гражданско-теневое измерение.

Простые граждане и цеховики были охарактеризованы как типы раньше. Люди со связями по своему положению имели доступ к номенклатуре всех видов. Это разного рода родственники и знакомые цеховиков и представителей других типов, обладавших административной валютой, которые могли оказывать и оказывали влияние на принятие решений, в том числе и хозяйственных, но главное были посредниками в распределении "дефицита".

Частники (владельцы личных подсобных хозяйств, мастера по обслуживанию и ремонту бытовой техники и автотранспорта, врачи, занимающиеся частной практикой и все другие институализованные теневики) представляли собой своеобразную общность, члены которой, занимаясь теневым производством товаров и услуг, считали свое дело достаточно престижным и почетным. Их не устраивало отсутствие фактического статуса и административной валюты и они предпринимали усилия по ее приобретению.

Поскольку доступ к услугам и товарам, производимым частниками, обеспечивали люди со связями, то между этими двумя типами устанавливалась достаточно устойчивая связь.

Простым гражданам для достижения их целей (в данной системе отношений достать дефицит) можно было обращаться к людям со связями или к частникам, которые по своим каналам имели выходы на цеховиков. В то же время, для продажи и распределения своей продукции цеховики могли использовать людей со связями или пользоваться услугами частников.

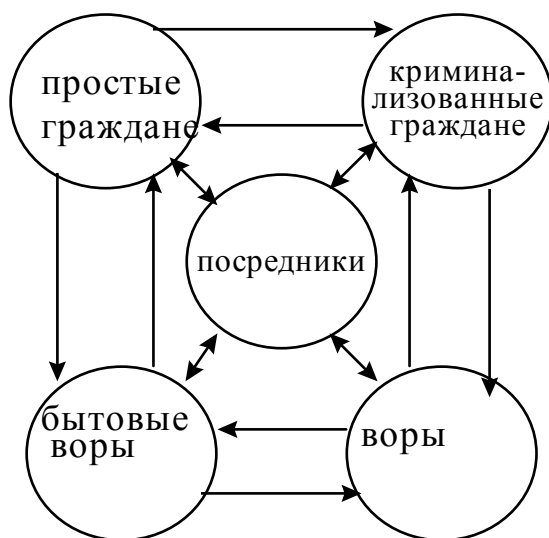
При итерациях отношений в данной структуре сформировалось особое место в системе, гражданско-теневой блат, специфичное именно в среде "доставания дефицита", пользование услугами которого позволяло обойтись при решении проблем добывания дефицита без лишних посредников. Блат опосредовал отношения между частниками и людьми со связями, структурно размытые в формальной схеме.

В ходе перестройки и после нее различия между посредниками, людьми со связями и частниками нивелировались и сформировался гражданско-теневая (по происхождению) размерность нового экономического пространства.

Криминально - гражданское измерение.

Рассмотрим отношения между криминальным и гражданским уровнями и формами деятельности.

Рисунок 23 Гражданско-криминальное измерение.

Простые граждане и в оры были охарактеризованы ранее.

Бытовые воры (несуны, расхитители социалистического имущества) - обычный элемент административного рынка. Бытовое воровство было образом жизни существенной части граждан социалистического общества.

Криминализованные граждане - это люди, тем или иным образом включенные в криминальные субкультуры, члены семей судимых, жители районов освоения, переселенцы и спецпереселенцы. Отношения в этой тетраде описываются в советских детективах. В этой схеме представлены отношения в криминальной субкультуре на ее бытовом уровне, когда воры отчуждают имущество и деньги у простых граждан, используя либо бытовых воров, либо криминализованных граждан, а простые граждане находят общий язык с ворами, используя качестве посредников бытовых воров и криминализованных граждан. В итерациях такого рода отношений сформировалось гражданско-криминальное "блатное" функциональное место, опосредующее все связи в данной тетраде.

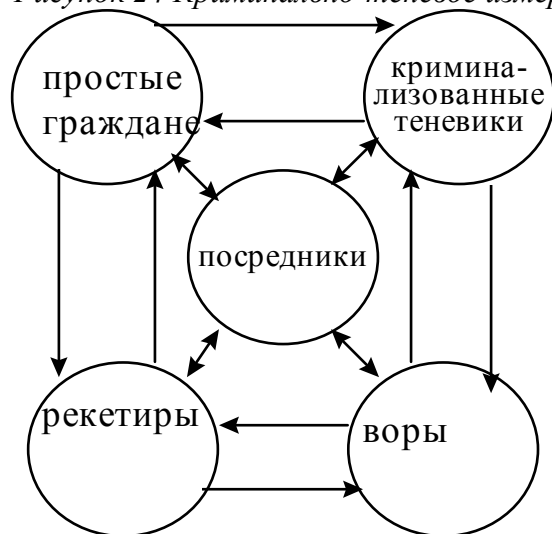
Существование этого измерения экономического пространства (бытовых воров и криминализованных граждан в их отношениях с ворами и простыми гражданами) до сих пор не было предметом сколь ни будь профессионального исследовательского описания. Тем не менее, можно предположить, что в ходе перестройки произошло своеобразное слияние деятельности криминально-гражданского блата, бытовых воров и криминализованных граждан с образованием единого нового измерения экономического пространства - криминально-гражданского. Спецификой этого измерения является то, что оно иерархизировано по принципам криминальной субкультуры, но действия в нем политически акцентированы, причем политическая компонента лишь средство для достижения экономических целей. Пример Чечни как пространства, организованного в основном по криминально-гражданским принципам, общеизвестен. По разным сведениям, первоначальные этнические конфликты в Армении и Азербайджане, были вызваны разделом сфер влияния между армянской и азейбарджанской криминально-гражданскими субкультурами в момент их институализации, т.е. во время "объединения" блатных, бытовых воров, воров и криминализованных граждан в единую новую среду деятельности.

После распада СССР и дезинтеграции властных иерархий организация управления в некоторых муниципалитетах стала невозможна вне этого пространства и, более того, только там, где криминально-гражданские типы контролируют муниципалитеты, реально возможны предсказуемость и управляемость поведением маргинализирующихся в ходе экономической реформы слоев населения.

Криминально - теневое измерение.

Рассмотрим отношения между криминальными и теневыми уровнями и формами деятельности.

Рисунок 24 Криминально-теневое измерение

Под криминализованными теневиками понимаются социальные типы, получавшие нетрудовые доходы при организации удовлетворения нелегитимных потребностей. Это контрабандисты, торговцы и производители наркотиков, спекулянты алкоголем, автомашинами, конвертируемой валютой, сутенеры, продавцы оружия, и пр. Эти виды советского бизнеса были высоко профессиональны и специализированы, хотя и достаточно локализованными.

Под рекетирями понимаются члены криминальных субкультур, жившие на отчуждении у криминализованных теневиков части их доходов. Это мог быть ситуативный рекет (так называемый спортивный - когда профессиональные спортсмены, носители нелегитимных потребностей занимались оплачиваемой охраной криминализованных теневиков) или профессиональный рекет, контролируемый криминальной субкультурой в целом (кидалы).

Для этой структуры также был характерен свой вид блата - криминально-теневой, в функции которого, в частности, входили "разборки" между членами криминально-теневой субкультуры.

В ходе перестройки резко расширился рынок нелегитимных потребностей и соответственно возможности рекета. Появилось множество новых поставщиков и производителей, причем возможности рекета по отношению к этим новым бизнесменам были в значительной степени ограничены из-за легитимизации потребностей при ослаблении государственного контроля за способами их удовлетворения и ограниченности рекетирских возможностей по контролю за рынком. В силу этого произошла интеграция старых рекетиров (спортивных и профессиональных) с криминализованными теневиками в новую реальность (или новое измерение) общего экономического пространства - криминально-теневую, поскольку только объединенные усилия рекетиров и криминализованных теневиков могли обеспечить контроль за рынком нелегитимных потребностей.

Примерами таких объединений могут быть "преступные группировки" типа солнцевской, в которых контроль за локальными рынками нелегитимных потребностей осуществляется объединенными усилиями бывших рекетиров, бывших криминализованных теневиков, бывших воров и цеховиков.

Естественные административно-рыночные объединения могли быть гораздо более сложными, чем тетрады, представленные на рисунках. Сложность при этом понимается как включение во взаимодействие типов, объединенных тремя и более уровнями деятельности и ее формами. Так например, вполне эмпирически интерпретируются структуры, составленные из первых лиц, номенклатурных граждан, номенклатурных теневиков и номенклатурных воров, которые в терминах обывденного языка можно назвать мафиозными. Логически различных форм мафиозных структур может быть - если следовать схеме рис 19 - достаточно много. Их имеет смысл анализировать эмпирически, опираясь на приведенные ранее классификации.

Специфика перестройки в терминах схемы функциональных отношений административного рынка.

Можно сказать, что на начало перестройки структура экономического пространства отличалась простотой и логичностью. Она была основана на перераспределении государственных ресурсов номенклатурными, гражданскими, теневыми и криминальными методами. Естественные ограничения на использование государственных ресурсов (их исчерпание, в частности) привели к напряжениям в структуре экономического пространства. В тоже время, политическая либерализация и объявленные экономические вольности дали начало легализации форм и видов экономической деятельности, которые до этого существовали как латентные. Прежде всего речь идет о деятельности, формально организованных так, как это было представлено на рисунках.

Перед началом перестройки были институализированы в общественном мнении как базовые типы (первые лица, граждане, цеховики, воры и другие, описанные в матрице рис 19), так и соответствующие типам уровни и формы деятельности. Легализация предшествовала началу трансформации советского варианта административного рынка в постсоциалистическое экономическое пространство, т.е. собственно перестройке. Естественно, что направления трансформации определились описанными выше его локальными измерениями. Общая структура постсоциалистического экономического пространства была в своих структурообразующих характеристиках определена этими измерениями. Перечислим их еще раз, но уже как реалии, отношения между которыми определяют структуру постперестроечного экономического пространства. Это номенклатурно-гражданское, гражданско-теневое, криминально-гражданское, криминально-теневое, гражданско-теневое, номенклатурно-криминальное измерения.

Постперестроечная форма административного рынка

Новое пространство экономической деятельности было образовано отношениями между локальными измерениями пространства советского административного рынка. В логике схемы это выглядит следующим образом: каждое названное измерение при формировании нового экономического пространства "раздваивается" на уровень организации и форму деятельности, отношения между которыми образуют структуру, аналогичную по логике матрице рис.19, но более богатую функциональными местами.

Содержательно это означает, что рассмотренные выше измерения советского административного рынка разветвляются в отношениях между собой в новое пространство с новыми функциональными местами, которые заполняются новыми для административного рынка людьми, до этого - на это надо обратить особое внимание - включенными в административный рынок преимущественно как блатные и связанные с ними типы, симметричные относительно диагонали матрицы рис 19. Трансформация

измерений советского административного рынка в уровни организации и формы деятельности нового политэкономического пространства, возникновение новых функциональных мест и заполнение этих мест (т.е. уравнивание статусов блатных и сопряженными с ними типов и распределение их по новым функциональным местам в пространстве, сформированном измерениями распавшейся структуры) составляет - если исходить из развиваемой логики - политэкономическое содержание перестройки и постперестроечной экономической активности.

С началом перестройки диагональные типы (первые лица, граждане, цеховики и воры), которые были базовыми элементами пространства советского административного рынка, оказались в ситуации, когда их статусы и административные валюты начали терять прежнее значение. Многие представители этих типов политизировались, составив существенную часть тех политиков и государственных деятелей, которые выступали с конца 80 годов и по сегодня за воссоздание административного рынка в его партийно-советском варианте. Это касается не только первых лиц и простых граждан, но и цеховиков и воров, которым в новой экономической реальности места уже нет.

В то же время, различия в статусах номенклатурных граждан, чиновников и номенклатурно-гражданских блатных, например, потеряли свое значение. Представители этих типов (как и всех других в отношениях, рассмотренных при описании схем) после фактической ликвидации института номенклатуры оказались примерно в одном положении и образовали некое единое измерение пространства. Новые измерения в отношениях между собой формируют уровни организации и формы деятельности нового пространства.

Можно сказать, что в результате распада советского варианта административного рынка сформировались две реальности. Одна из них чисто политическая (бывшие первые лица, простые граждане, цеховики и воры), идеологически ориентированная на восстановление привычного для советского административного пространства торго, в то время как вторую можно назвать переходной между административно-рыночной и собственно рыночной.

Рассмотрим - как модельный пример - формирование одного из фрагментов этого нового пространства в отношениях между номенклатурно-гражданским, гражданско-теневым и криминально-теневым измерениями. Каждое из этих измерений "раздваивается" на уровень деятельности и соответствующую форму деятельности. Номенклатурная приватизация (как форма деятельности) соответствует номенклатурно-гражданскому уровню деятельности, институализация личной собственности (наворованной при советском административном рынке) соответствует гражданско-теневому уровню деятельности, профессиональное воровство и бандитизм соответствуют криминально-теневому уровню деятельности.

На рис 26 представлен фрагмент функциональной структуры постперестроечного административного рынка в России.

Рисунок 25 Фрагмент структуры постперестроечного экономического пространства, возникший в отношениях между номенклатурно-гражданскими, гражданско-теневыми и криминально-теневыми уровнями и формами деятельности.

формы деятельности уровни деятельности	номенклатурно-гражданский номенклатурная приватизация	гражданско-теневая институализация личной собственности	криминально-теневая профессиональное воровство
номенклатурно-гражданский	новые первые лица	новые первые руководители компаний	криминализованные чиновники новой власти
гражданско-теневой	владельцы образованных номенклатурной приватизации	владельцы образованных при легализации цехового капитала	руководители безопасности частных предприятий

	теневое капитала		
криминально-теневой	владельцы предприятий, предназначенных удовлетворения нелегитимных потребностей	руководители коммерциализированных криминальных организаций	руководители группировок

Отношения между одноименными уровнями и формами деятельности (диагональные элементы) отождествляется с базовыми элементами нового пространства. Это новые первые лица (в отличие от первых лиц советского административного рынка, новые первые лица обладают правом подписи под документами о разгосудствливании собственности), легализованные теневики-цеховики (т.е. люди, ранее активные в теневых отношениях административного рынка и сумевшие придать своей экономической активности гражданско-приемлимые формы), и руководители группировок типа солнцевской (пересечение криминально-теневое уровня и формы деятельности, результат взаимодействия криминализованных теневиков и рекетиров), в котором организационно сопрягаются интересы производителей нелегитимных услуг и товаров и их "охранников".

Собственно новые элементы этого фрагмента пространства возникают в отношениях между номенклатурно-гражданским, гражданско-теневым и криминально-теневым измерениями старого административного рынка, ставших уровнями организации и формами деятельности нового пространства. Так, пересечение криминального-теневое уровня и гражданско-теневой формы деятельности отождествляется с руководителями коммерциализированных криминальных организаций, рекетирями нового поколения, берущими на себя охрану некоторых видов бизнеса (такими как ныне покойный О. Квантиришвили, автор термина "организованная спортивность", руководитель ассоциации XXI Век).

В то же время, перечение гражданско-теневое уровня и криминально-теневой формы деятельности отождествляется с руководителями служб безопасности частных предприятий, ориентированным на оказание соответствующих услуг тем, кто за них может платить. Это как правило бывшие сотрудники правоохранительных органов, афганцы, спецназовцы, имевшие контакты с силовыми структурами по роду деятельности, в соответствующий момент ушедшие в запас или в отставку и продолжающие заниматься привычным делом.

Руководители коммерциализированных криминальных организаций и руководители служб безопасности частных предприятий представляют симметричные относительно диагонали типы и в какой-то мере взаимодополнительны друг другу, конкурируя между собой в сфере организованного и ситуативного рекета и борьбы с ним.

Номенклатурная приватизация на гражданско-теневом уровне деятельности проявляется в формировании типа владельцы предприятия, образованных при номенклатурной приватизации теневого (цехового) капитала. Институализация личной собственности на номенклатурно-гражданском уровне проявляется в формировании типа новые первые лица - руководители частных компаний и предприятий. Профессиональное воровство на номенклатурно-гражданском уровне приводит к формированию типа криминализованных чиновников новой власти. Номенклатурная приватизация на криминально-теневом уровне порождает тип владельцев легальных предприятий, предназначенных для удовлетворения нелегитимных потребностей. Это казино, публичные дома, "торговые точки" оружием, наркотиками и пр. Публикации в средствах массовой информации дают достаточно оснований для персонификации этих типов.

Полная (в рамках выведенных из логики рис.19 отношений) структура постперестроечного пространства экономической деятельности представлена на рис 27, где шесть вышеназванных измерений доперестроечного экономического пространства образуют матрицу. На строки матрицы, кроме названий уровней деятельности, вынесены

сокращенные графы соответствующих им измерений, а на столбцы - наименования соответствующих видов деятельности, как и в матрице рис.19.

Рисунок 26 Постперестроечное экономическое пространство.

уровни деятельности	номенклатурно-гражданская	номенклатурно-теневая приватизация	номенклатурно-криминальная приватизация	гражданско-теневая институализация	гражданско-криминальная бытовое воровство	криминально-теневое профессиональное воровство
формы деятельности	номенклатурная приватизация			личной собственности		
номенклатурно-гражданский (первые чиновники-номенклатурные граждане-простые граждане)	новые первые лица	бывшие первые ставшие руководители фондов, компаний предприятий	функционеры, распределяющие госкредиты, лицензии и льготы	новые первые руководители компаний	ворующие руководители государственных предприятий	криминально-зональные чиновники новой власти
номенклатурно-теневые (первые лица-номенклатурно-теневые цеховики)	владельцы компаний банков, образованных легальным госкапиталом и цеховым капиталом	руководители распорядители акционерных банков других предприятий образованных полулегальным (или легальным) госкапиталом и цеховым капиталом	руководители компаний и предприятий, образованных разгосударствленными отраслями ВПК и силовыми структурами с участием теневого капитала	владельцы компаний предприятий, образованных приватизированным госкапиталом и цеховым капиталом	ворующие руководители теневого приватизированного предприятия	криминально-зональные руководители коммерциализированных государственных предприятий организаций
номенклатурно-криминальный (первые криминализованные чиновники-номенклатурные воры)	владельцы компаний созданных с участием легального госкапитала СССР и криминального капитала	руководители распорядители компаний, созданных при приватизации госкапитала криминального капитала	руководители компаний других организаций созданных "отмывания" внебюджетных средств СССР	владельцы организаций, созданных приватизированным госкапиталом криминальным капиталом	ворующие руководители криминально-приватизированного предприятия	руководители частных охраняемых предприятий
гражданско-теневые (простые граждане-цеховики)	владельцы предприятий образованных номенклатурно-приватизацией цехового капитала	руководители распорядители предприятий организаций, образованных теневой приватизацией цехового капитала	руководители распорядители компаний ЧИФ и пирамидальных организаций	владельцы организаций, образованных легализацией цехового капитала	ворующие руководители предприятий, образованных раскрадыванием цехового капитала	руководители служб безопасности частных предприятий
криминально-гражданский (простые граждане-бытовые воры)	владельцы компаний финансовых организаций, созданных при номенклатурной приватизации собственности	руководители распорядители компаний и финансовых организаций, созданных при приватизации собственности	руководители распорядители компаний других организаций созданных номенклатурно-криминальном перераспределении личной собственности	владельцы компаний созданных криминальном перераспределении личной собственности	ворующие руководители частных предприятий	руководители частных военных организаций
криминально-теневые (цеховики-криминальные теневые рекетиры-воры)	владельцы легальных предприятий организаций, предназначенных удовлетворения нелегитимных потребностей	руководители распорядители полулегальных предприятий организаций, предназначенных удовлетворения нелегитимных потребностей	руководители распорядители нелегальных предприятий и организаций предназначенных удовлетворения нелегитимных потребностей	руководители коммерциализированных криминальных организаций	руководители локальных криминальных организаций-банд	руководители группировок

Рассмотрим сначала диагональные элементы рис 27. (кроме новых первых лиц, владельцев предприятий, образованных при легализации цехового капитала и лидеров группировок), которые отождествлены ранее при описании матрицы рис. 26. Диагональные элементы матрицы (т.е. типы, у которых уровни деятельности

одноименны с формами деятельности) выделены жирным шрифтом, аналогично тому как это было сделано при описании структуры советского варианта административного рынка.

Пересечение номенклатурно-теневых формы и соответствующего уровня деятельности отождествляется с типом руководители-распорядители акционерных - “колхозных” банков и других предприятий, образованных полулегальными (в том числе партийными) капиталами при их слиянии с цеховым капиталом. К этому типу можно отнести руководителей многих крупных коммерческих банков, таких как Менатеп.

Криминальная приватизация на номенклатурно-криминальном уровне приводит к формированию типа руководители предприятий и организаций, созданных для отмывания государственных внебюджетных средств. Носителем типологических свойств этого рода можно считать А. Тарасова - руководителя концерна "Исток", известного участием в государственных аферах с чеками "Урожай 90" и экспортом энергоносителей и редкоземельных элементов.

Бытовое воровство на криминально-гражданском уровне приводит к формированию типа ворующие руководители частных предприятий, т.е. людей, воспроизводящих в новых условиях присвоенческие стереотипы советского административного рынка. Дальнейшее описание типологического наполнения матрицы строится как объективация форм деятельности на различных уровнях деятельности.

Номенклатурная приватизация (номенклатурно-гражданская форма деятельности).

Типы в первом столбце матрицы объединены общей формой деятельности - номенклатурной приватизацией, но различаются по уровню деятельности, т.е. по форме разгосударствливаемой собственности. Новые первые лица, как уже говорилось, визируют документы о разгосударствливании собственности, удостоверяя ее государственную легитимность. Владельцы банков и других предприятий, образованных при номенклатурной приватизации легального государственного и легализованного крупного цехового капиталов являются неперенным элементом постсоветской элиты. Под крупным цеховым капиталом понимаются активы, сконцентрированные в советское время в тех теневых производствах, которые непосредственно контролировались первыми лицами советского административного рынка.

Номенклатурная приватизация криминализованного советского капитала привела к формированию соответствующей группы новых русских - владельцев предприятий и организаций, в которых консолидирован номенклатурно - приватизированный криминальный по происхождению капитал, контролировавшийся ранее первыми лицами.

Номенклатурная приватизация мелкого цехового капитала (т.е. теневого производства “дефицита”, осуществляемого простыми гражданами в “доле” с цеховиками”) привела к формированию группы владельцев предприятий, образованных при номенклатурной приватизации мелкого цехового капитала.

Номенклатурная приватизация лично наворованной собственности (т.е. активов, накопленных в отношениях между простыми гражданами, криминализованными гражданами, бытовыми ворами и ворами) привела к появлению соответствующей группы деятелей постсоветского административного рынка - владельцев предприятий, созданных при номенклатурной приватизации личной собственности.

Номенклатурная приватизация криминальных активов (созданных в отношениях между цеховиками, криминализованными теневиками, рекетирами и ворами при организации удовлетворения нелегитимных потребностей) породила группу владельцев легальных предприятий, предназначенных для удовлетворения нелегитимных потребностей: казино, публичных домов, ночных клубов и прочего.

Теневая приватизация (номенклатурно-теневая форма деятельности).

Рассмотрим теперь теневую приватизацию - как номенклатурно-теневую форму деятельности, - а ее результаты - как типы второго столбца матрицы 9. В отличие от номенклатурной, теневые приватизаторы не оформлены как владельцы предприятий. Они выступают распорядителями собственности: президентами, председателями или членами советов директоров, возглавляющими коллегиальные органы управления разгосударственной собственностью.

В ходе теневой приватизации легального государственного капитала возникла группы распорядителей собственности, состоящая из бывших первых лиц, ставших первыми лицами крупных совместных предприятий, фондов, акционерных банков и пр. Так бывший глава кабинета министров СССР Н. Рыжков стал председателем правления Тверь-универсалбанка, а бывший руководитель Госплана СССР Щербаков - руководителем фонда Интерприватизация.

При теневой приватизации государственного капитала, осуществленной с участием теневого (цехового) капитала сформировалась группы распорядителей собственности, состоящая, в частности, из бывших номенклатурных теневики и помощников, референтов и т. д., ставших первыми лицами в коммерческих банках и других предприятиях (таких как Менатеп и Российский кредит).

Теневая приватизация криминализованного капитала (сформированного в отношениях между первыми лицами, ворами, криминализованными чиновниками и номенклатурными ворами) привела к формированию соответствующей группы распорядителей собственности.

При теневой приватизации личных капиталов, накопленных в отношениях между простыми гражданами, цеховиками, людьми со связями и частниками сформировалась группа распорядителей соответствующего цехового капитала.

При теневой приватизации наворованных активов (сформированных в отношениях между простыми гражданами, ворами, бытовыми ворами и криминализованными гражданами) возникла соответствующая группа распорядителей собственности.

И наконец, теневая приватизация криминально-теневых капиталов (сформированных в отношениях между цеховиками, ворами, рекетирами и криминализованными теневики) привела к формированию группы распорядителей собственности, используемой для удовлетворения нелегитимных потребностей.

Криминальная приватизация (номенклатурно-криминальная форма деятельности)

Криминальная приватизация (т.е. стереотипы поведения, выработанные в отношениях между первыми лицами, ворами, криминализованными чиновниками, номенклатурными ворами и транслируемые в постперестроечное экономическое пространство) на номенклатурно-гражданском уровне привела к формированию группы государственно - политических функционеров, контролирующих распределение государственных льгот, кредитов, экспортно-импортных лицензий и пр.

При криминальной приватизации номенклатурно-теневых активов сформировался тип руководителей предприятий и организаций, формально относящихся к ранее режимным отраслям народного хозяйства и силовым структурам, не подлежащих разгосударствлению, но фактически ставших собственностью распорядителей.

При криминальной приватизации номенклатурно-криминальных активов сформировался тип руководителей предприятий и организаций, созданных для отмыкания разного рода внебюджетных средств бывшего СССР (денег партии,

внебюджетных активов спецслужб и силовых министерств и т.п.) возник тип руководителей соответствующих предприятий, который был создан для реализации избытков военной техники). После распада СССР такого рода предприятия постепенно коммерциализовались и превратились в заметный элемент постперестроечного административного рынка.

При криминальной приватизации гражданско-теневых активов (т.е. активов, накопленных в отношениях между простыми гражданами, цеховиками, людьми со связями, частниками) возник тип руководителей акционерных компаний, чековых инвестиционных фондов и других пирамидальных структур (таких как МММ). Собственно деятельность МММ можно назвать образцом криминальной приватизации на гражданско-теневом уровне.

При криминальной приватизации криминально-гражданских активов (сформированных в отношениях между простыми гражданами, криминализованными гражданами, бытовыми ворами и ворами) возник тип руководителей предприятий, перекрававших и легализовавших ранее краденое имущество, деньги и основные фонды.

Криминальная приватизация криминально-теневых активов привела к формированию типа руководителей нелегальных предприятий и организаций, специализирующихся на удовлетворении нелегитимных потребностей.

Институализация личной собственности (гражданско-теневая форма деятельности).

Гражданско-теневые отношения (между простыми гражданами, людьми со связями, частниками и цеховиками) были ориентированы на удовлетворение потребностей в “дефиците”. Соответствующие стереотипы деятельности воспроизводятся в постперестроечном административном рынке на всех уровнях его организации. Институализация личной собственности на номенклатурно-гражданском уровне привела к формированию типа новых первых лиц, являющихся в то же время владельцами частных предприятий и организаций. Та собственность, которой номенклатурно-гражданский деятель распоряжался как госслужащий, в ходе институализации личной собственности стала и формально принадлежать ему. Например, большая часть фермерских хозяйств образована на основе отделений колхозов и совхозов, руководящие специалисты которых стали реальными владельцами.

Институализация личной собственности на номенклатурно-теневом уровне (т.е. активов, сформированных в отношениях между первыми лицами, теневой номенклатурой, номенклатурными теневиками и цеховиками) привела к формированию типа владельцев компаний и предприятий, образованных на основе номенклатурно-теневой собственности. Ранее афорфные отношения собственности в весьма конфликтном процессе их перераспределения оформились в частную собственность одного человека, чаще всего бывшего первого лица, реже - бывшего цеховика.

Институализация личной собственности на номенклатурно-криминальном уровне привела к формированию типа владельцев номенклатурно-криминального капитала (частной собственности, сформированной в отношениях между первыми лицами, криминализованными чиновниками, номенклатурными ворами и ворами, т.е. наворованной у государства при Советской власти группами), включающими первых лиц и профессиональных воров.

Институализация личной собственности на криминально-гражданском уровне (т.е. легализация краденого у граждан имущества) привела к формированию типа владельцев частных, чаще всего легальных предприятий, в основе которых лежит ранее краденая личная собственность других людей.

Институализация личной собственности на криминально-теневом уровне привела к формированию типа владельцев частных нелегальных предприятий, специализирующихся на удовлетворении нелегитимных потребностей и оказании специальных услуг (таких как вооруженная охрана и выбивание долгов), в основе которых лежит собственность, сформированная в отношениях между цеховиками, рекетирами, ворами и криминализированными теневиками.

Бытовое воровство (гражданско-криминальная форма деятельности)

Бытовое воровство как форма деятельности было специфично для отношений между простыми гражданами, криминализированными гражданами, бытовыми ворами и ворами. Стереотипы этих отношений успешно воспроизводятся в новых экономических условиях.

Ворующие руководители государственных предприятий - как тип - воспроизводят бытовое воровство на номенклатурно-гражданском уровне. На номенклатурно-теневом уровне эти же стереотипы воспроизводят по мелкому ворующие руководители акционерных компаний, банков, фондов. Бытовые воровы в ролях руководителей предприятий и организаций, образованных на основе всех форм активов (номенклатурно-криминальном, гражданско-теневом, криминально-гражданском и криминально-теневом) в новом постперестроечном воплощении - неперенный атрибут пространства. К бытовым воров относятся и руководители локальных криминальных организаций - банд, специализирующихся на хищении имущества и денег у прохожих.

Профессиональное воровство (криминально-теневая форма деятельности)

Профессиональное воровство как форма деятельности сформировалось в отношениях между цеховиками, криминализированными теневиками, ворами и рекетирами и транслируется в новое экономическое пространство. В частности, на номенклатурно-гражданском уровне профессиональное воровство объективируется в существовании типа государственных чиновников - организаторов весьма распространенного государственного рекета.

На гражданско - теневом уровне профессиональное воровство оформляется в существование типа криминализированных руководителей коммерциализированных государственных предприятий и организаций.

На номенклатурно-криминальном уровне профессиональное воровство выступает в форме существования типа руководителей частных охранных агентств как легализованной формы рекета.

На гражданско-теневом уровне профессиональные воровы выступают в обличие руководителей служб безопасности частных предприятий, в функции которых входит, в частности, выколачивание долгов.

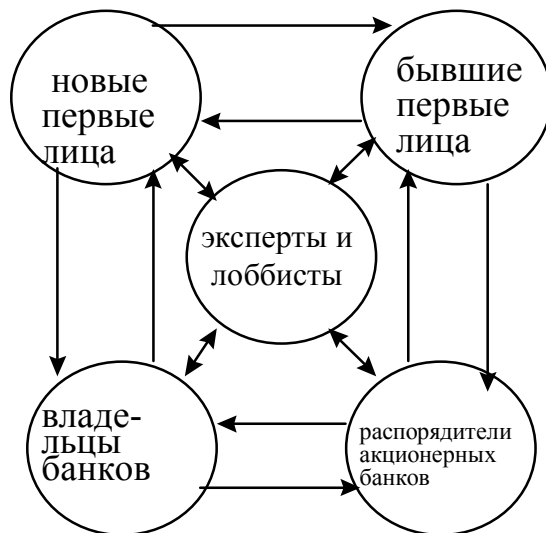
На гражданско-криминальном уровне профессиональное воровство проявляется в существовании типа руководителей частных военнизированных организаций, обслуживающих те потребности других агентов административного рынка, которые иначе как с помощью вооруженной силы удовлетворить нельзя.

Измерения постперестроечного экономического пространства.

Рассмотрим теперь, аналогично тому, как это делалось в первой части работы, фрагменты рис 27, образованные парами уровней организации и форм деятельности.

Возьмем пару номенклатурно-гражданский и номенклатурно-теневой уровни и соответствующие формы деятельности.

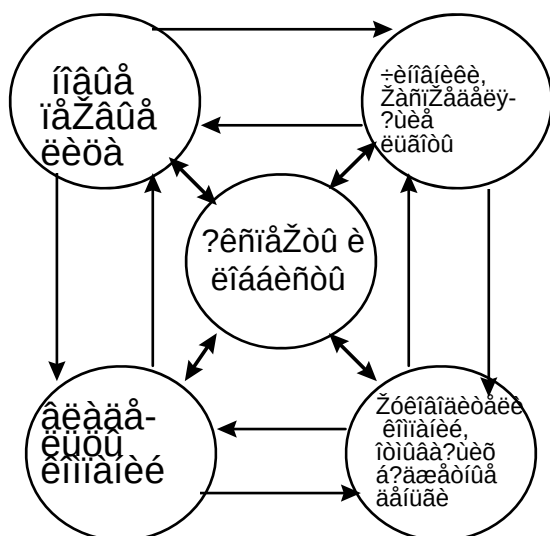
Рисунок 27. Номенклатурно-гражданское и номенклатурно-теневое измерения

Типы, объединенные этим фрагментом схемы, заняты разгосударствливанием собственности и ее коммерциализацией. При этом владельцы крупных банков, образованных госкапиталом, представляют интересы отечественных капиталов, бывшие первые лица, ставшие руководителями фондов, компаний и предприятий в большей степени связаны с внешними инвесторами, а руководители-распорядители акционерных банков концентрируют у себя координацию и управление разгосударственным имуществом. Руководители акционерных банков в своих играх с новыми первыми лицами действуют не непосредственно, а через владельцев банков и руководителей фондов и компаний. При этом вырабатывается сетка связей между базовыми типами и возникает соответствующее функциональное место (обозначено квадратом на перечении связей), которое заполняется новыми для системы людьми, выполняющими на данном этапе деструкции административного рынка функции экспертов, посредников, участников переговорных процессов, составителей документов и проектов решений. В отличие от блатных, занимавших аналогичные функциональные места в советском варианте административного рынка, эксперты представляют структуру, еще не вполне организационно оформленную, но с большими возможностями в том случае, если деструкция административного рынка приведет к формированию естественных рыночных отношений.

Рассмотрим следующее измерение, образованное соотношениями между номенклатурно-гражданским и номенклатурно-криминальными уровнями организации и формами деятельности.

Рисунок 28 Номенклатурно-гражданское и номенклатурно-криминальное измерения

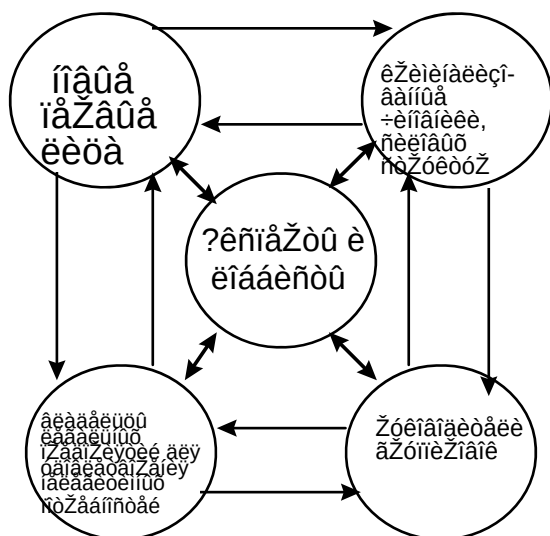

Отношения в этой структуре строятся, как и в первом случае, на разгосударствливании собственности, но если владельцы и распорядители ресурсов, полученных при номенклатурной и теневой приватизации стремятся получить контроль за государственными предприятиями, то владельцы и распорядители предприятий с цеховым и личным капиталом скорее озабочены легализацией и приращением уже накопленных в перестроечные времена активов. Точно также как и в предидущем случае, в этой структуре возникает на пересечении связей виртуальное место, которое занимают посредники, эксперты, составители документов.

Из всего многообразия тетрад, рассмотрим еще одну, в каком-то смысле полярную тем, которые предствлены на предыдущих рисунках.

На рис 30 представлены отношения между номенклатурно-гражданским и криминально-теневым уровнями и формами деятельности.

Рисунок 29 Номенклатурно-гражданское и криминально-теневое измерения

В этой системе отношения (административный торг) строятся в основном на приватизации государственной собственности, и элементами торга являются, с одной стороны, уголовно-правовые санкции, а с другой - лицензии, льготные кредиты, права на аренду госимущества, и так далее.

Реальные взаимодействия между агентами постперестроечного административного рынка строятся, конечно, не только в таких тетрадах. Можно сказать, что пространство матрицы 27 описывает спектр возможных отношений между агентами административного рынка, в то время как в тетрадах представлены минимально возможные фрагменты постперестроечного административного торга. Фрагментарное описание приводится для того, чтобы представить пути дальнейшей дезинтеграции административного рынка, аналогично тому, как это было сделано при описании структуры советского административно-рыночного пространства.

Описанные и не описанные фрагменты могут стать измерениями постперестроечного административно - рыночного экономического пространства, гораздо более богатого собственно экономическими возможностями и свободным от политической конъюнктуры. Сейчас будущие агенты этого возможного экономического пространства выступают в роли посредников в отношениях между типами, заполняющими экономическое пространство второй генерации. Это "блатные" второго поколения, посредники, авторы законов и постановлений, консультанты и эксперты, которые используют свои статусные возможности включенности в большой дележ государственной собственности для формирования основы своего собственного будущего бизнеса.

Иерархизированность российского административного рынка.

Новые первые лица, как уже подчеркивалось, обладают высшей административной валютой - правом подписи под документами о разгосударствливании собственности. Второй уровень иерархии образуют владельцы банков, образованных легальным госкапиталом и цеховым капиталом, распорядители - руководители акционерных банков и других предприятий, образованных полулегальным капиталом и бывшие первые лица, ставшие руководителями фондов, компаний и предприятий, т.е. те типы, в деятельности которых есть номенклатурно-теневые компоненты.

Следующий уровень иерархии образуют типы, в деятельности которых есть номенклатурно-криминальные компоненты - владельцы предприятий, образованных при номенклатурной приватизации с участием криминализованного государственного капитала, распорядители компаний, созданных при теневой приватизации криминализованного госкапитала, руководители предприятий и организаций, созданных для "отмывания" внебюджетных госсредств, функционеры, распределяющие госкредиты, лицензии и экспортно-импортные льготы и руководители предприятий, созданных при криминальной приватизации отраслей ВПК и силовых структур.

Еще ниже в иерархии нового административного рынка расположены типы, в деятельности которых есть гражданско-теневые, криминально-гражданские и криминально-теневые компоненты.

Однако эта иерархия не единственно возможная в пространстве административного рынка. Возможна и другая иерархия, в которой высшей административной валютой обладают руководители группировок. Следующий уровень образуют типы с криминально-гражданскими компонентами деятельности - руководители локальных банд, ворующие руководители частных предприятий и руководители частных военизированных организаций.

Следующий уровень этого представления иерархии образуют типы с гражданско - теневыми компонентами: руководители служб безопасности частных предприятий, ворующие руководители предприятий, образованных при раскрадывании цехового капиала, легализованные цеховики, и так далее.

Назовем разгосударствливанием деятельность по правилам первого представления иерархии, а деятельность по правилам второго представления иерархии назовем

приватизацией. Естественно, в каждой конкретной деловой операции присутствуют элементы и приватизации, и разгосударствливания, т.е. сочетаются легальные и криминальные компоненты. Дело только в том, какого рода деловые контакты предпочитает представитель типа (так одни новые первые лица предпочитают иметь дело со старыми первыми лицами и банкирами, сформировавшими свой капитал при номенклатурной приватизации, а в то время как другие новые первые лица предпочитают деловое общение с руководителями группировок. И если для новых первых лиц криминальность в принципе не свойственна (представители этого типа фактически стали управляющими имуществом, принадлежавшем исчезнувшему государству, но не присвоенному государством новым, то "солнцевские" (как полярный тип) в принципе не участвуют в разгосударствливании и активны только в приватизации. Между этими двумя полярными типами расположено множество поведений, в которых в разной степени сочетаются криминальные и легальные компоненты.

При разгосударствливании и приватизации на одних и тех же объектах одновременно начинают реализовываться противоречивые нормы двух иерархических представлений административного рынка: уже приватизированные криминальными типами объекты и функции включаются в процесс разгосударствливания, в ходе которого контроль за ними должен перейти к легализованным элементам административного рынка. Собственность должна получить собственника, который может быть назван по имени. Однако приватизированная криминализированными типами собственность не может быть поименованной, она может существовать только в анонимном обозначении - как контролируемая "солнцевской", "долгопрудненской" и прочей братвой. При попытках легализации криминализованной собственности вполне естественно возникают конфликты, разрешаемые чаще всего с применением силы.

Направления эволюции функциональной структуры постперестроечного административного рынка.

Специфика постперестроечного административного рынка состоит в том, что он не тождественен государству, как это было ранее. Постперестроечное государство и административный рынок существуют в разных социальных пространствах. В государстве, в ветвях его власти доминируют первые лица, простые граждане, цеховики и воры, выброшенные силой обстоятельств из экономической деятельности, но сохранившие какую-то толику административной валюты и менталитет советского административного рынка. Как представляется, произошло распределение типов между ветвями власти. В администрациях федерального и региональных уровнях доминируют бывшие первые лица, в структурах исполнительной власти - бывшие цеховики и воры, в то время как в органах представительской власти сосредоточены в основном бывшие простые граждане, ставшие народными депутатами всех уровней. При этом первые лица существуют вне номенклатуры и стремятся восстановить или воспроизвести этот архаичный институт, цеховики лишились контроля за производством - ввиду исчезновения дефицита -, и стремятся воспроизвести институт планирования (как государственную форму существования дефицита). Воры остались без соответствующих исполнительских иерархий из-за коммерциализации криминального бизнеса и устраивают разборки с привлечением государственных силовых структур для того, чтобы восстановить свой авторитет. Простые граждане, лучшие представители которых заседают в парламентах, лишившись естественной для них системы льгот и привилегий, стремятся воссоздать ее в новых условиях - первоначально хотя бы для парламентариев, а в предвидимом ими будущем и для всех граждан страны. Отношения в тетраде "бывшие первые лица-бывшие простые граждане-бывшие цеховики - бывшие воры" составляют видимое содержание политической жизни, однако эта видимость реализуется в

исполнительской пустоте. Пока что ни одно властное решение, направленное на “упорядочение” реальности, не дало ожидаемых результатов. Государство в лице деятелей старого административного рынка пытается установить контроль за постперестрочным рынком, в то время как новый административный рынок стремится стать государством самим по себе.

Дальнейшая функциональная диверсификация экономического пространства будет, очевидно, определяться направлением развития государства и его отношением к сегодняшнему административному рынку. Если государство будет в целом усиливаться, а его институты будут сохранять преемственность по отношению к социализму, то роль административной валюты будет сохраняться или даже возрастать, а количество ее видов множиться. В конечном счете, стремление к сохранению государства и к ревальвации административной валюты приведет к латиноамериканизации власти и к диктату политических и административных амбиций над экономическими интересами и моральными ценностями. Однако латиноамериканизация не единственный путь развития России и даже не самый вероятный.

Если государство в его сегодняшнем виде будет слабеть, то его функции будут постепенно отчуждаться новым административным рынком, который со временем трансформируется в новое государственное устройство. В этом будущем государстве власть перейдет к новым первым лицам, руководителям-распорядителям акционерных банков, руководителям группировок и другим диагональным типам матрицы 27, а экономическое пространство будет определяться отношениями между сегодня еще не определившимися и не нарастившими необходимого капитала экспертами (аналогами бластных в советском варианте административного рынка) и наддиагональными и поддиагональными типами.

Следуя только логике функционального представления административного рынка, можно выделить два этапа развития собственно экономических отношений и отчуждения их от политических. На первом этапе происходит распад советского варианта административного рынка и формирование постперестроечного административного рынка). В результате этого возникает группа политизированных бывших деятелей (оформляющаяся как новое постперестроечное государство) и противопоставленные государству группы новых агентов, в деятельности которых в какой-то степени разделены собственно экономические и политические составляющие.

Деятели постперестроечного экономического пространства, сформированного в основном в результате разгосударствливания собственности, пытаются приватизировать и государство, но сами при этом огосударствливаются. Новый административный рынок стремится занять место государства в экономических и политических нишах, оставшихся после распада мирового социалистического сообщества и СССР.

Второй этап трансформации функциональной структуры административного рынка может быть связан с распадом как государства (в его сегодняшнем виде), так и системы отношений, изображенной на схеме рис 9. В результате может возникнуть новое государство (или государства) и новая многоуровневая структура, уже не являющаяся административным рынком и заполненная типами, генетически связанными с посредниками на административном рынке постперестроечного образца. Будущие новые люди сейчас находятся в узлах связей между деятелями сегодняшнего административного рынка и постепенно переходят к самостоятельному бизнесу, как правило не связанному с государством, т.е. собственно частному. В деятельности этих людей, если они смогут выжить, не будет политической компоненты, специфичной для административного рынка. Уже сегодня они, по большей части, руководствуются чисто рыночными критериями эффективности и личного успеха.

**ПОСТПЕРЕСТРОЕЧНОЕ
РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО - Вариант исчисления административных весов в иерархиях власти.**

Определение понятия административного веса.

Как уже говорилось выше, доперестроечное государство само по себе было административным рынком. В пореформенной России произошло частичное отделение административного рынка от государства. При этом и административный рынок, и государство претендуют на управление одной реальностью, наследием СССР. В данной главе сделана попытка описать структуру Российского государства как институт формирования властных решений и согласования интересов государственных функционеров разного административного ранга (веса). Определение понятия административного веса дано в разделе “Иерархии власти в СССР и их пространственная структура”.

Для определения административных весов необходимо описание структуры функциональных мест в российском государстве и отношений в ней, т.е. уровней и одноименных уровням форм деятельности. Уровни и формы деятельности задаются в данной разделе сложившимися терминами - в частности, предполагается, что существуют президентский, аппаратно- президентский, премьерский, аппаратно-премьерский, министерский и т.д. уровни и формы деятельности. Предполагается, что президентский уровень однозначно выше (старше рангом), чем премьерский, например. Однако столь же четкие отношения ранжированности между премьерский и аппаратно-президентским уровнем провести гораздо труднее.

Термином “президент”, например, обозначается отношение между президентским уровнем и формой деятельности. “Президент” - это государственный чиновник, действующий на президентском уровне и в формах, соответствующих этому уровню. Ближайшее окружение президента определяется как отношение между президентским уровнем и аппаратно-президентской формой деятельности (начальник службы безопасности президента), как отношение между аппаратно-президентским уровнем и президентской формой деятельности (руководитель аппарата помощников президента), и как отношение между аппаратно-президентским уровнем и формой деятельности (руководитель администрации президента). Это означает, что первый помощник президента статусно (по уровню деятельности) приписан к аппаратно-президентскому уровню, но форма его деятельности - президентская, в то время как начальник службы безопасности президента статусно определен на президентском уровне, но форма его деятельности - аппаратно-президентская.

Поскольку почти все известные функциональные места на высших уровнях власти заняты конкретными функционерами, то этим отношениям могут быть присвоены собственные имена, соответствующие действующим чиновникам и политикам.

Отношения между одноименными уровнями и формами деятельности отождествляются с функционерами, занимающими ключевые (т.е. с правом подписи) функциональные места. Так, отношение между премьерским уровнем и премьерской формой деятельности отождествляется с премьером -министром, главой кабинета министров.

Отношения между разноименными уровнями и формами деятельности отождествляется с функционерами, реализующимися на уровнях, не соответствующих их формам деятельности.

Для того, чтобы количественно определить административный вес функциональных мест припишем каждому уровню и форме деятельности численное значение (ранг) от 10 (президентский уровень и форма деятельности) до 5 (министерский уровень и форма деятельности) и определим понятие веса функционального места (административного веса) как прямое произведение численных значений конкретного сочетания значений уровня и формы деятельности.

Вес президента определяется как 10 (значение президентского уровня) $\times$ 10 (значение президентской формы) = 100 . Административные веса руководителя аппарата

помощников и начальника службы безопасности президента будут (в случае, если ранг аппаратно-президентского уровня равен 9) тогда определяться как $(9 * 10)$ и $(10 * 9)$ и равны 90. Административный вес руководителя администрации президента (отношение между аппаратно-президентским уровнем и одноименной формой деятельности) определяется как $(9 * 9) = 81$.

Распределение административных весов в системе отношений между уровнями и формами деятельности, специфичное для сегодняшней административной ситуации в исполнительной власти дано в рис.29 Рисунок дает представление о номинальной значимости каждого функционального места. Неперсонифицированные отношения обозначают либо отсутствие персонального наполнения функционального места (нераспределенный административный вес), либо отсутствие информации о заполнении места.

В одной клетке таблицы может быть несколько функционеров, каждый из которых имеет свой административный вес. Так, каждый министр (кроме министров, больших чем министры, т.е. представляющих по форме деятельности президента, его аппарат, премьера и его аппарат) имеет вес равный 25.

Структура функциональных мест в отношениях между высшими уровнями исполнительной власти и соответствующими формами деятельности представлена на рис. 31

Рисунок 30 Распределение функциональных мест и административных весов в иерархии исполнительной власти.

уровни деятельности	президентская 10	аппаратно-президентская 9	премьерская 8	вице-премьерская 7	аппаратно-премьерская 6	министерская 5
президентский 10	президент 100	начальник службы безопасности президента 90	помощники советники 80			
аппаратно-президентский 9	руководитель аппарата президента 90	руководитель администрации президента 81	председатель Совета безопасности 72			
премьерский 8	министры обороны, иностранного дел, командующий погран-войскам 80	силовые министры- руководители МВД, ФСБ, прокуратуры, Внешней разведки 72	премьер-министр 64			
вице-премьерский 7	первый вице-премьер, председатель Центробанка Мэры столиц 70	вице-премьер 63	первый вице-премьер 56	вице-премьеры 49		
аппаратно-премьерский 6	начальники управлений администрации президента 60	руководители отделов администрации президента 54	руководители аппарата правительства 48	руководители аппаратов вице-премьеров 42	руководители отделов аппарата правительства 36	
министерский 5	министр финансов 50	министры юстиции, МЧС 45	министр экономики 40	руководители комитетов правительства 35	руководители комитетов при правительстве 30	простые министры 25

Вариант структуры административных весов, приведенный на рис 1, основан на предположении, что аппаратно-президентские уровень и форма деятельности выше рангом, чем премьерские уровень и форма деятельности. В противном случае действительна другая структура распределения административных весов, приведенная на рис 32.

Рисунок 31 Вариант структуры административных весов в иерархии исполнительной власти, при котором премьерский уровень и форма деятельности старше рангом, чем аппаратно-президентские уровень и форма деятельности.

уровни деятельности	президентская 10	премьерская 9	аппаратно-президентская 8	вице-премьерская 7	аппаратно-премьерская 6	министерская 5
президентский 10	президент 100	помощники и советники 90	начальник службы безопасности президента 80			
премьерский 9	министры обороны, иностранных дел, командующий войсками 90	премьер-министр 81	министры-руководители МВД, ФСБ, ФСК, прокуратуры, внешней разведки, налоговой полиции 72			
аппаратно-президентский 8	руководитель аппарата президента 80	председатель Совета безопасности 72	Руководитель администрации президента 64			
вице-премьерский 7	первый вице-премьер, председатель ЦБ, Мэры столиц 70	первый вице-премьер 63	вице-премьер 56	вице-премьеры 49		
аппаратно-премьерский 6	руководители управлений администрации президента 60	руководитель аппарата правительства 54	руководители отделов администрации президента 48	руководители аппаратов вице-премьеров 42	руководители отделов аппарата правительства 36	
министерский 5	министр финансов 50	министр экономики 45	министры юстиции 40	руководители комитетов правительства 35	Руководители комитетов при правительстве 30	простые министры 25

Следующий вариант структуры административных весов в исполнительной власти основан на предположении, что вице-премьерский уровень и форма деятельности обладают большим административным рангом, чем аппаратно-премьерский уровень и форма деятельности. В обратном случае (если аппаратно-премьерский уровень и форма деятельности обладают более высоким рангом, чем вице-премьерский уровень и форма деятельности) действительно другое распределение административных весов, приведенное на рис 33.

Рисунок 32 Структура административных весов в исполнительной власти при условии, что аппаратно-премьерский уровень и форма деятельности выше рангом, чем вице-премьерский уровень и форма деятельности.

вице-премьерский уровень и форма деятельности

формы деятельности ур деятельности	президентская 10	аппаратно-президентская 9	премьерская 8	аппаратно-премьерская 7	вице-премьер 6	министерская 5
президентский 10	президент 100	начальник сл безопасности президента 90	помощники советники президента 80			
аппаратно-президентский 9	руководитель аппарата прези 90	руководитель администрации президента 81	председатель С безопасности 72			
премьерский 8	министры обо иностраннных командующий погран-войскам 80	силовые минис ФСБ,МВД, ФА генпрокурор, начальник налоговой пол руководитель внешней развед 72	премьер-минист 64			
аппаратно-премьерский 7	начальники управлений администрации президента 70	руководители отделов администрации президента 63	руководитель аппарата правительства 56	руководители отделов аппарата правительства 49		
вице-премьерск 6	первый премьер председатель Ц Мэры столиц 60	вице-премьер 54	первый вице-премьер 48	руководители аппаратов вице-премьеров 42	вице-премьер 36	
министерский 5	министр финансов 50	министры юст МЧС 45	министр экономики 40	руководители комитетов правительства 35	Руководители комитетов при правительств 25	простые министры

На рисунках представлено распределение административных весов на федеральном уровне. Распределение административных весов для областного -краевого уровня представлено в приложении.

Вполне возможно, что неопределенность в старшинстве рангов премьерских, аппаратно-президентских, вице-президентских и аппаратно-премьерских уровней и форм деятельности, влекущая за собой неопределенность в определении административных весов функционеров, является некоторым собственным состоянием системы административной власти: в одних случаях применения власти и политической ситуации премьерские уровень и форма деятельности старше рангом, чем аппаратно-президентские уровень и форма деятельности (или вице-премьерский уровень выше аппаратно-премьерского), в других ниже.

Вследствие неопределенности рангов уровней и форм деятельности административные все функционеров варьируют во вполне определенном диапазоне - административный все премьера, например, варьирует от 81 до 64, а административный вес “президентского” вице-преьера (вице-премьер, определенный в президентской форме деятельности) варьирует от 70 до 60). Политические и административные действия функционеров, имеющих определенные административные веса, направлены на увеличение административных весов, что возможно только при изменении иерархии рангов уровней и форм деятельности.

Обыденное представление иерархии исполнительной власти.

Структура матрицы рис 31 при неразличении (или отождествлении) уровней и форм деятельности и сохранении иерархических отношений между уровнями трансформируется в чисто иерархическую структуру рис 34, которая отражает обыденное представление о том “кто главнее”. Неравенство административных весов (очевидное по матрице рис 31 и 32, где на вице-премьерском, например, уровне есть президентский вице-премьер, аппаратно-президентские вице-премьеры, премьерские вице-премьеры с существенно разными административными весами) - не находит в обыденном сознании иного объяснения, кроме как мифологизированного или идеологизированного. При этом с тем или иным функциональным местом связываются понятия хорошего или плохого (голубя или ястреба), которые переносятся на личности функционеров, занимающие эти места.

Рисунок 33 Представление об иерархии исполнительной власти, возникающее при отождествлении одноименных уровней и форм деятельности.

прези-дентский уровень						президент		
аппаратно-президентский					руководитель аппарата президента	руководитель администрации президента	руководитель службы безопасности президента	
премьерский уровень				министры обороны, внутренних дел, командующий погран-войсками	силовые министры	премьер-министр	председатель Совета безопасности	помощники советники президента
вице-премьерский уровень			первый вице-премьер, мэры столиц	вице-премьеры	вице-премьеры	вице-премьеры		
аппаратно-премьерский уровень		руководитель управления делами администрации президента	руководитель отделов администрации президента	руководитель отделов аппарата правительства	руководитель аппаратов вице-премьеров	руководитель аппарата правительства		
министерский уровень	министр финансов	министры юстиции и МЧС	министры экономики	руководитель комитетов при правительстве	руководитель комитетов при правительстве	простые министры		

При варианте доминирования аппаратно-премьерской уровня и формы деятельности над вице-премьерской обыденное представление о том “кто главнее” может быть представлено в виде схемы рис 3

Рисунок 34 Схема обыденного представления о распределении административных весов при доминировании аппаратно-премьерского уровня и формы деятельности над вице-премьерскими уровнями и формами деятельности

прези-дентск уровень						президент		
аппарат-но- прези-дентск					руководи-тел аппарата по- мощников	руководитель админи- страции	руководитель СПБ	
премьер-ский уровень				министры обороны, иностранных дел, командующ погранвойс и	силовые министры	премьер-минис	секретарь С безопасности	помощ президе
аппарат-но- премьер-ский			началь-ник управ-лени админи- страции п дента	руково-диге отделов аппарата правите-льс	руково-диге отделов админи-стра президента	руководитель аппарата пра льства	руково-диге аппаратов вице- премьеров	
вице-премьер ский уровень			первый премьер, мэ столиц	вице-премь	первый премьер	вице-премьеры		
минис-терски уровень	министр с нсов	министр юст и МЧС	министр эконо-мик	руково-диге комитетов пра правите-льс	Руково-диге комитетов при пра льстве	простые министры		

Группы (команды) в структуре исполнительной власти.

Примем как гипотезу то, что реальный политический вес определяется (в частности) не сколько номинальным значением функционального места, сколько отношениями (**группами в исполнительной власти, или “командами”**) между функционерами, формирующимися при достижении какой-то конкретной цели. Группы как правило ситуативны. Для достижения одной цели функционер может входить в группу с одним функционером, а для достижения другой цели - с другим.

Можно предположить, что основным стимулом к группообразованию является увеличение (или хотя бы сохранение) административного веса данного функционера. Все другие цели субординированы основной и рассматриваются функционерами как средства.

При образовании групп административные веса входящих в нее функционеров интегрируются по определенному закону, форму которого можно определять по-разному. Примем например в простейшем случае, что административный вес группы равен среднему арифметическому из весов членов группы. Тогда вес группы “Президент-руководитель аппарата помощников-руководитель администрации” будет равен $(100+90+81) : 3 = 90.3$, а вес группы “президент-руководитель службы безопасности - министр внутренних дел-руководитель федеральной службы безопасности- генеральный прокурор” будет равен $(100+90+72+72+72) : 5 = 80.2$.

Если мы примем, что административный вес группы равен среднему геометрическому, то вес группы “Президент-руководитель аппарата помощников=глава администрации” будет равен 90 (корень кубический из произведения весов членов группы). Административный вес группы “президент-начальник службы безопасности президента- секретарь Совета безопасности” при исчислении среднего геометрического равен 86.5.

Предположим, что в рамках групп административные веса ее членов распределяются пропорционально исходному весу участников. Для характеристики распределения веса внутри групп введем понятие **относительного веса**, определяемого по формуле простой пропорции: относительный вес участника группы равен произведению его административного веса на 100, деленному на сумму весов членов группы. Так в группе “президент-руководитель аппарата помощников- глава

администрации президент” относительный вес президента будет равен 38.1, вес руководителя аппарата = 34.5 и главы администрации = 27.2. В то время группе “Президент-руководитель службы безопасности президента- министр внутренних дел-руководитель ФСБ-генеральный прокурор” относительные веса распределяются следующим образом: президент-24.6, руководитель службы безопасности- 22.1, министр внутренних дел, руководитель ФСБ и генеральный прокурор - по 17.7.

Можно предположить, что существуют две стратегии в стремлении каждого функционера к сохранению и преумножению административного веса. Согласно первой необходимо включение в группу с функционерами с высоким административным весом, при этом относительный вес данного функционера уменьшается. Согласно второй стратегии необходимо включение - как лидера - в группу с функционерами с относительно меньшими административными весами. При этом относительный вес данного функционера в группе увеличивается. Реальная административная стратегия, очевидно, складывается в компромиссном поведении, при котором находится некое оптимальное решение. сочетающее членство в группах с высоким суммарным весом, и членство в группах низкостатусных функционеров с высоким относительным весом данного функционера.

Возможно, существуют ограничения на минимальный размер групп, связанные с необходимостью обозначения присутствия на всех уровнях деятельности и участия во всех формах деятельности. В противном случае группа будет изолироваться от своего административного окружения.

Можно предположить, что расширение групп (увеличение количества членов команд) увеличивает административный вес групп только до определенного предела. Так, административный вес группы “руководитель службы безопасности - министр внутренних дел -руководитель ФСБ -председатель госкомимущества-министр юстиции” равен 67.5 (средне арифметическая). Административный вес группы “премьер-министр - три вице-премьера” равен 58 (средне арифметическая). Возможно, существуют некие интуитивно ясные играющим в эту игру правила, согласно которым устанавливается оптимальный размер групп.

Можно предположить, что каждый функционер, обладающий определенным административным весом, представляет организацию, внутренняя структура которой в той или иной мере воспроизводит исходную (т.е. представленную рис 31 и 32) структуру распределения административных весов по уровням и формам деятельности. Так, в каждом министерстве, в управлении администрации президента, на предприятиях и в организациях, возглавляемых функционерами, имеющими административный вес в общей иерархии исполнительной власти, можно выделить уровень первого лица, уровень аппарата, уровни заместителей и др., одноименные формы деятельности и отношения между ними, обьективированные во внутренней административной структуре. Функционеры, не имеющие под собой иерархий власти, в которой они обладают статусом первого лица (мини-президента) имеют, как правило, некоторый эфемерный административный вес. Таковы, например, помощники и советники президента, административный вес которых полностью зависит от степени близости к президенту, в то время как начальник службы безопасности президента, создав строго иерархизированную организацию, имеет самый высокий из возможных для этого положения административный вес.

Номинальные административные веса функционеров, расположенных над диагональю, значимы в группах не непосредственно. Возможно, для исчисления относительного административного веса “наддиагональных” функционеров надо вводить коэффициент “близости” к президенту, меньший единицы, но больше нуля, зависящий от общей динамики отношений внутри иерархии. Этот коэффициент в конечном счете зависит от того, есть ли у данного функционера свой аппарат или он значим только в силу близости к первому лицу.

Приведенные расчеты носят демонстрационный характер, так как интуитивно ясно, что простейшие приемы усреднения неадекватны задаче. Вполне возможно, что для расчета распределения административных весов необходим какой-то нетривиальный математический аппарат.

Избыточность исполнительной власти.

Можно предположить, что существуют по меньшей мере три иерархии исполнительной власти, конкурирующие друг с другом за применение власти. Это президентская вертикаль власти, возглавляемая президентом, в которой есть функционеры премьерского уровня, отвечающие за иностранные дела, оборону и охрану границ, есть функционер вице-премьерского уровня (первый вице-премьер), курирующий экономическую проблематику, есть начальники управлений администрации президента, отвечающие за законотворческую деятельность - указы президента (начальник ГПУ), и т.д. Наконец есть президентские министры (министр финансов). На региональные уровни президентская вертикаль власти проецируется в функциональные места глав администраций (смотрите приложение).

Вторая властная вертикаль может быть названа аппаратно-президентской. Эта вертикаль неоднородна, поскольку у нее два номинальных первых руководителя: начальник службы безопасности президента и руководитель администрации президента. Соответственно, субординированные по аппаратно-президентской форме деятельности функциональные места контролируются либо начальников СБП, либо руководителем администрации президента.

В этой иерархии есть премьерский уровень, функционеры которого руководят силовыми министерствами или службами, вице-премьерский уровень, функционеры которого контролируют направления применения силы в хозяйственной и региональной политике, аппаратно-премьерский уровень, функционеры которого руководят отделами администрации президента, и министерский уровень.

Руководитель администрации президента и начальник службы безопасности президента по своему положению в системе власти конкурируют за право контроля над функциональными местами, определенными в аппаратно-президентской форме деятельности. Смещение одних должностных лиц и назначение других в этой вертикали власти можно рассматривать как отображение конкуренции между номинальными первыми лицами.

На региональные уровни (см приложение) эта иерархия отображается функциональными местами представителей президента.

Третья властная вертикаль может быть названа собственно премьерской. Эта вертикаль также неоднородна, так как имеет трех номинальных руководителей - премьера -министра, секретаря Совета безопасности, и помощников и советников президента. Смещения и назначения функционеров в этой - премьерской - форме деятельности можно рассматривать как индикатор динамики отношений между секретарем Совета безопасности (исходящим при кадровых перестановках из соображений национальной безопасности), премьер-министром, исходящим при кадровых изменениях из соображений финансовой стабильности государства, и собственно окружением президента, ориентирующимся на политическую конъюнктуру.

Административные веса в представительской иерархии власти.

В иерархии представительской власти президентскому и аппаратно-президентскому уровням и формам деятельности субординированы:
-руководяще -представительским

- уровням и одноименным формам деятельности.

На таблице представлена президентско-представительская иерархия в терминах, аналогичных определенным ранее.

Такое представление структуры представительской власти не единственное возможное, поскольку основано на априорном предположении о том, что руководяще-партийная уровень и форма деятельности выше рангом, чем руководяще-комитетская. Если предположить, что руководяще-комитетские уровень и форма деятельности старше рангом, чем руководяще-партийные, то распределение весов в представительской власти представимо рис 36.

Также как и в иерархиях исполнительной власти, в представительской власти можно выделить вертикали, ориентированные на президента, на его аппарат, на руководителей Федерального собрания. Для аппаратно-президентски ориентированных партий, парламентских комитетов и комиссий и отдельных депутатов характерна некоторая двойственность положения, так как одни внутренние группы в представительской власти ориентируются на руководителя администрации президента, в то время как другие - на начальника службы безопасности президента, третьи - на представителей президента в Фед. собрании, четвертые - на ближайшее окружение президента.

Рисунок 35 Административные веса в представительской иерархии

формы деятельности уровни деятельности	президентская 10	аппаратно-президентская 9	руководяще-представительская 8	руководяще-партийная 7	руководяще-комитетская 6	депутатская 5
президентская 10	президент 100	начальник СПБ 90	помощники и советники президента 80			
аппаратно-президентская 9	руководитель аппарата помощников 90	глава администрации президента 81	представители президента в Фед. Соб. 72			
руководяще-представительская 8			Спикер ГД Председатель СФ 64			

руководяще-партийный 7	руководители президентских групп и объединений 70	руководители групп и объединений ориентирующихся на Начальника СПБ или главу администрации 56	руководители федеральных партий 56	Руководители парламентских фракций партий 49		
руководяще-комитетский 6	руководители "президентских комитетов" 60	руководители комитетов 54	руководители парламентских комитетов 48	руководители "партийных комитетов" 42	руководители комитетов и комиссий 36	
депутатский 5	про-президентски ориентированные депутаты 50	депутаты, ориентирующиеся на главу администрации на начальника СПБ 45	депутаты, ориентированные на спикера и на председателей СФ и др. 40	партийно-ориентированные депутаты 35	лоббирующие депутаты 30	неангажированные депутаты 25

Рисунок 36 Распределение административных весов в представительской иерархии, при предположении о том, что аппаратно-комитетские уровни и форма деятельности старше рангом, чем руководяще-партийная

формы деятельности	президентская	премьерская	руководяще-представительская	руководяще-комитетская	руководяще-партийная	депутатская
10	10	9	8	7	6	5
президентский	президент	помощники и со				
10		90				
	100					
премьерский	министры обороны, иностранных дел, команд	премьер-министр				
9	90	81				
руководяще-представительский	представители президента в Фед. Собрании	представители правительства в федеральном собрании	Спикер ГД Председатель СФ			
8	80	72	64			
руководяще-комитетский	руководители "президентских комитетов"	руководители "правительственных комитетов"	руководители аппарата парламента	руководители комитетов и комиссий 49		
7	70	56	56			
руководяще-партийный	руководители президентских партий	руководители "правительственных" партий	руководители федеральных партий	руководители комитетов "партийных"	Руководители парламентских партийных групп	
6	60	54	48	42	36	
депутатский	про-президентски ориентированные депутаты	"про-правительственные" депутаты	проспирскерски и др ориентированные депутаты	партийно-ориентированные депутаты	лоббировующие депутаты	неангажированные депутаты
5	50	45	40	35	30	25

Также как и в предыдущем случае, введем понятие **группы в представительской форме власти** как реального агента в административной торговле, причем вес группы складывается - по определенному формализму - из весов ее членов.

В обыденном представлении об иерархии представительской власти - при отождествлении одноименных уровней и форм деятельности - возникает строго иерархическая структура, аналогичная той, которая описана ранее при анализе обыденного представления об иерархии исполнительной власти.

Административная структура представительской власти на региональных уровнях представлена в приложении.

Административные места в судебной власти.

Судебная власть на федеральном уровне представлена тремя подразделениями с различающимися административными весами: Конституционным судом - высшей формой судебной власти, Верховным судом и Арбитражным судом. Члены этих трех судов являются функционерами власти с определенными административными весами, а материальная база судов находится на балансе Управления делами администрации Президента). Судебная власть в значительной степени неперсонифицирована, и поэтому пока не играет положенной ей по Конституции роли высшего арбитра в политических (Конституционный суд), уголовных (Верховный суд) и хозяйственных (Арбитражный суд) конфликтах между исполнительной и представительской ветвями власти.

Структуру распределения административных весов в судебной власти можно представить рис 38.

Рисунок 37 Распределение административных весов в судебной власти.

формы деятельности уровни деятельности	президентская 10	аппаратно-президентская 9	высшая судебная 8	судебная 7	хозяйственно-судебная 6
президентский 10	президент 100	руководитель СПБ 90	помощники 80		
аппаратно-президентский 9	руководитель аппарата помощи 90	глава администрации президента 81	секретарь Совета безопасности 72		
высший судебный 8	пропрезидентские члены Конституционного суда 80	аппаратно-ориентированные члены Конституционного суда 72	председатель Конституционного суда 64		
судебный 7	пропрезидентские члены Верховного суда 70	аппаратно ориентированные члены Верховного суда 63	ориентированные на Конституционный суд члены Верховного суда 56	председатель Верховного суда 49	
хозяйственно-судебный 6	пропрезидентские ориентированные члены Арбитражного суда 60	аппаратно-ориентированные члены Арбитражного суда 54	ориентированные на Конституционный суд члены Арбитражного суда 48	ориентированные на Арбитражный суд члены Арбитражного суда 42	председатель Арбитражного суда 36

Естественно, что изменение рангов уровней и форм деятельности меняется и структура административных весов в судебной власти.

“Четвертая власть” - структура административных весов.

Средства массовой информации обычно рассматриваются как четвертая ветвь власти. В сегодняшней ситуации, когда за редким исключением неперсонифицирована судебная власть (ее функционеры не имеют явных административных весов), и при актуальности конфликтов, связанных с двойственностью аппаратно-президентской и премьерской вертикалей (поэтому не подпадающих под юрисдикцию существующих судов) пресса (особенно ее электронные виды) имеет функции судебной власти, особенно в ее конституционных и арбитражных аспектах. Можно говорить о средствах массовой информации как элементе системы власти и рассматривать структуру административных весов в ней. В отличие от других ветвей власти, в прессе структура административных весов не фиксирована институционально и допускает разные иерархии уровней и форм деятельности. В частности, если принять, что уровень электронных средств выше, чем уровень бумажных средств, то получим следующее распределение, действительное только в критической ситуации, такой как в

од войск в Чечню.

Рисунок 38 распределение административных весов в “четвертой” власти.

формы деятельности уровни деятельности	президентская 10	аппаратно-президентская 9	электронная журналистика 8	бумажная журналистика 7
--	---------------------	------------------------------	-------------------------------	----------------------------

президентский 10	Президент 100	Начальник СБП 90	помощники 80	
аппаратно-президе 9	Руководитель аппарата помощников 90	Глава администрации 81	Секретарь Совбеза 72	
уровень электронных СМК 8	пропрези-дентски ориентиро- ванные руководители ТВ и радио 80	аппаратно-ориентиро- руководители ТВ и радио 72	ведущие телепрограмм (ориентиро- ванные на помо президента, на Совбез, и др) 64	
уровень бумажных СМИ 7	пропрезиде-нтски ориентиро- ванные главные редактора газет и журналов 70	аппаратно ориентиро-ва главные редактора 63	электронно- ориентиро- ванные главные редактора (на НТВ, на "Время", или другое) 56	ведущие газетные журналис 49

В этой структуре ранг электронных СМИ равен рангу премьерских уровня и форм деятельности. В неэкстремальных ситуациях ранг электронных СМИ существенно ниже и, соответственно, веса функционеров СМИ меньше.

Рисунок 39 Распределение административных весов в "четвертой" власти в "спокойное" время.

формы деятельности уров деятельности	президент-ская 10	аппаратно-президентская 9	премьерская 8	электрон журналис	бумажна журналис
президентский 10	президент 100	начальник СБП 90	помощники 80		
аппаратно-президе 9	руководитель службы помощников 90	глава администрации 81	секретарь Совета безопасност 72		
премьерский 8	министры обороны, иностранных дел, директор погран-службы 80	силовые министры 72	премьер-ми 64		
уровень электронных СМК 7	пропрези-дентски ориентиро- ванные руководители ТВ и радио 70	аппаратно-ориентиро-ва руководители ТВ и радио 63	Проправител о ориентирова ведущие телепрогра 56	независим ведущие телепрог 49	
уровень бумажных СМИ 6	пропрезиде-нтски ориентиро- ванные главные редактора газет и журналов 60	аппаратно ориентиро-ва редактора 54	проправител ственно ориентирова редакторы 48	электрон ориентиро главные редактора (на НТВ, на "Время другое) 42	ведущие газетные журналис 36

Отношения между ветвями власти и сравнение административных весов (игра в "кто главнее")

Сравнение административных весов (административная торговля) разворачивается одновременно в пространствах исполнительной, представительской, судебной и

“четвертой” иерархий власти. При этом действия групп функционеров с фиксированным административным весом из разных ветвей власти могут быть скоординированы. Назовем **союзами** согласованные действия групп, принадлежащих к разным ветвям власти. Предположим теперь, что административные веса групп в иерархиях власти суммируются непосредственно. Союз групп “Глава администрации-председатель Совета Федерации-спикер госдумы” (70.25) и “премьер-министр- вице-премьеры” обладает административным весом 130.25. Распределение административных весов внутри союзов, возможно, пропорционально исходному весу групп, а распределение относительных весов членов групп внутри союзов пропорциональны исходному весу членов групп. Эта простейшая математика дает возможность количественно оценить степень влияния различных союзов и групп на административный процесс (но не более).

Некоторые возможные действия на рынке административных весов.

Можно предположить, что два смежных уровня иерархий и соответствующие формы деятельности (премьерская и аппаратно-президентская, например) - по положению - находятся в перманентном конфликте. В то же время, два разделенных одним уровнем уровня деятельности (и соответствующие формы) являются потенциальными союзниками (премьерский и аппаратно-премьерский, например). Союзы и конфликты между уровнями сопровождаются (и проявляются) изменением рангов уровней. Так в ходе чеченской кампании премьерский уровень стал старше рангом, чем аппаратно-президентский.

Наделение функционера административным весом (**назначение на должность**) и лишение функционера административного веса (**освобождение от обязанностей**) можно рассматривать как один из видов действий в пространстве, образованном отношениями между ветвями власти. Как правило, назначение и освобождение от должности является видимым административным следствием образования группы или союза между группами из разных ветвей власти. Так например, назначения Назарчука (лидера аграрной партии) на должность министра сельского хозяйства для него самого является понижением номинального административного веса, сопровождаемое, однако, повышением административного веса группы, объединяющей функционеров из аппаратно-президентской вертикали и соответствующей парламентской фракции.

К этому же виду действий относится **создание новых функциональных статусов** (разделение власти), относящихся к уже имеющейся “клетке” с фиксированным административным весом. Таково создание новых ведомств с отчуждением функций у старых (например, создание налоговой полиции и пограничной службы с наделением руководителей таким же административным весом, что и у руководителей “старых” ведомств - минобороны, ФСБ). Однако для разделения власти характерна “обратимость” - ввиду конфликтов между “старыми” и “новыми” ведомствами (при конкуренции между функционерами с одинаковым административным весом), в ходе которых становится возможным дальнейшее разукрупнение ведомств со специализацией функций, или их объединение под новым руководством.

В рамках разделения власти можно рассматривать и конфликты относительно субординации должностных лиц, модельным примером которых могут быть статусно определенные конкурирующие отношения между руководителем администрации президента и начальником его службы безопасности по поводу подчиненности в рамках аппаратно-президентской формы деятельности - по одноименному столбцу матриц рис.1 и 2. Глава администрации президента и руководитель службы безопасности президента по своему положению в системе административных весов имеют общее, но не разделенное право контроля за силовыми министрами и другими функционерами, действующими в рамках аппаратно-президентской формы деятельности. Та же самая логика применима к

статусно определенному конфликту между премьер-министром, секретарем Совета безопасности и помощниками и советниками президента.

Второй возможный вид действие - **изменение правил игры**, продемонстрированное президентом в ходе октябрьских событий 1993 года. Это ликвидация или создание новых уровней и форм деятельности или трансформация форм в одноименные уровни деятельности. В частности, возможны:

-трансформация премьерской формы деятельности в премьерский уровень деятельности, что означало бы переход к прямому президентскому правлению. Если рассматривать этот вариант изменения структуры власти, то персональное наполнение новой административной структуры, могущей возникнуть при переходе наддиагональных функционеров к соответствующему уровню деятельности, может быть примерно таким:

Рисунок 40 Структура административных весов при варианте прямого президентского правления.

формы деятельности уровни деятельности	президентская 10	аппаратно-президентская 9	премьерская 8	вице-премьерская 7	аппаратно-премьерская 6
президентский 10	Президент 100	консультанты и помощники			
аппаратно-президентский 9	руководитель аппарата президента 90	Глава администрации 81			
премьерский 8	министры обороны и иностранных дел 80	силовые министры 72	новый премьер 64		
вице-премьерский 7	министр финансов 70	министр юстиции 63	экономический вице-премьер 56	другие вице-премьеры 49	
аппаратно-премьерский 6	руководители управлений администрации 60	руководители отделов администрации президента 54	руководитель аппарата правительства 48	руководители аппаратов вице-премьеров 42	руководители отделов аппаратов правительства 36

При этом варианте перестройки системы управления наддиагональные функционеры (собственно президентское окружение) займут функциональные места на симметричных относительно диагонали клетках. “Президентский” вице-премьер становится собственно премьером, место руководителя администрации занимает руководитель СБП. Такие функционеры, как глава администрации президента и секретарь Совета безопасности начали бы функционировать на премьерском уровне, курируя соответствующие направления работы администрации президента. Министры финансов и юстиции могут перейти на уровень выше и начать курировать работу отделов и управлений аппарата администрации. Министры иностранных дел и обороны могли бы быть заменены сотрудниками администрации Президента, занимавшими симметричные относительно диагонали функциональные места помощников и советников.

Функции министерств при такой административной динамике становятся неясными. Вполне возможным становится “сокращение аппарата управления” за счет ликвидации министерств и официальной передачи их функций в администрацию президента.

Сравнение существующих административных весов названных функционеров с весами, которые они могут приобрести при переходе к прямому президентскому правлению, показывает, что возможные веса относительно меньше тех, которые имеют потенциальные функционеры сейчас. Так функциональное место руководителя службы безопасности при его переходе к исполнению обязанностей руководителя администрации может иметь вес (64-81 вместо сегодняшних 80-90), функциональное место

президентского первого вице-премьера при занятии им места премьера весит 64 вместо сегодняшних 60 -70.

Структура власти прямого президентского правления предпочтительна тем, что позволяет снять некоторую эфемерность административных весов наддиагональных функционеров и освободиться от дублирования функций функционерами премьерских и президентских вертикалей за счет ликвидации министерств и ведомств.

При переходе к прямому президентскому правлению представительская иерархия может быть сохранена в роли кадрового резерва для президентских иерархий. Согласно Конституции, представительские органы власти могут быть распущены в законном порядке столько раз, сколько это понадобится для полного укомплектования административных структур.

Место и роль “четвертой власти” в рамках прямого президентского правления неопределенны, как и роль судебной власти.

Логически возможен альтернативный вариант прямому президентскому правлению, а именно **президентская республика**. Для реализации президентской республики необходима элиминация аппаратно-президентского уровня и соответствующей формы деятельности. Персональное наполнение структуры власти и возможные изменения административных весов в этом случае отражены в таблице 42.

Рисунок 41 Административные веса, возможные в структуре исполнительной власти президентской республики.

формы деятельности	президентская 10	премьерская 9	аппаратно-премьерский 8	вице-премьерский 7	министерский 6
уровни деятельности					
президентский 10	президент 100	помощники и консультанты 90			
премьерский 9	руководитель аппарата президента 90	премьер-министр 81	помощники и консультанты 72		
аппаратно-президентский 8	руководитель аппарата президента 80	руководитель аппарата премьера 72	руководитель аппарата правительства 64		
вице-премьерский 7	новые министры обороны и иностранных дел 70	первый вице-премьер 63	руководитель отделов аппарата правительства 56	вице-премьерский 49	
министерский 6	министр финансов 60	министр экономики 54	министр внутренних дел 48	министры 42	министры 36

Такая структура власти предполагает повышение статусов премьера, вице-премьеров и министров при сохранении (и повышении) административных весов отдельных членов президентско-административного окружения. Элиминация аппаратно-президентских уровней и формы деятельности будет сопряжена с повышением ранга премьерского уровня и появлением новых функциональных мест с высоким административным весом.

Эта структура власти предполагает и изменение президентско-представительской иерархии с повышением статусов руководителей палат Федерального собрания, политических деятелей и депутатов.

Рисунок 42 Структура административных весов в представительской иерархии при переходе к президентской республике.

формы деятельности	президентская	руководяще-представительская	руководяще-партийная	руководяще-комитетская	депутатская
--------------------	---------------	------------------------------	----------------------	------------------------	-------------

деятельности	10	9	8	7	6
президентский 10	президент 100	представители президента в Федеральном собрании			
руководяще- представи-тел 9	руководитель аппарата презид 90	Спикер Гд Председатель СФ 81			
руководяще- партийный 8	руководители президентских партий 80	руководители “парламентских” партий 72	Руководители федеральных партий 64		
руководяще- комитетский 7	руководители “президентских комитетов 70	руководители парламентских комитетов 63	руководители “парти комитетов 56	руководители комитетов и комиссий 49	
депутатский 6	про-президентски ориен депутаты 60	депутаты, ориентирован-ны спикера и на главу СФ 54	партийно- ориентиро-ванные депутаты 49	лоббирующие де 42	неангажи-ров депутаты 36

При президентской республике повышается административный вес собственно аппарата президента, а именно той его части, которая представляет президента в Федеральном собрании. Соответственно, резко увеличивается административный вес депутатов Госдумы и членов Совета Федерации.

Прямое президентское правление и президентская республика представляют собой крайние варианты административного устройства федерации. Для сегодняшнего состояния системы управления характерна структура, описываемая рис 31, 32, 33, в которой властные функции дублируются, что сопровождается ростом аппарата управления. Это своеобразная плата за социально-политическую стабильность в период разгосударствливания экономики и приватизации рынков финансов и основных фондов.

В любом варианте преобразований системы управления логически не имеют будущего некоторые функциональные места, занимаемые в сегодняшней системе управления ответственными государственными чиновниками. Инерция сохранения этих функциональных мест, наряду с возможными уменьшениями административных весов при изменении структуры власти, как представляется, есть главное условие некоторой стабильности сегодняшнего состояния власти.

Административные веса в межгосударственных отношениях.

Необходимо учитывать, что административный вес президента определяется не только отношениями между различными группами в представительской, исполнительной, судебной и “четвертой” иерархиях власти, но и отношениями с главами других государств и руководителями международных организаций. Структуру административных весов в этом случае можно представить таблицей 44.

Предполагается, что существуют надгосударственный уровень и форма деятельности с весами, равными 11. При этом руководители государств - членов “большой семерки” обладают весом 110, как и руководители международных организаций. Административный вес президента России в отношениях с членами “большой семерки” и руководителями международных организаций определяется, в частности тем, со сколькими функционерами административного ранга, равного рангу президента России, они готовы иметь дела. Чем больше “президентов независимых государств”, тем меньше относительный административный вес каждого из них в отношениях со значимыми членами международного сообщества. Единственность президента России - как партнера в межгосударственных отношениях -, самоочевидная

до недавнего времени, может быть оспорена президентами других государств, в том числе и СНГ.

Рисунок 43 Административные веса в межгосударственных отношениях.

Формы деятельности у деятельности	Межгосу-дарс 11	президентская 10	премьерская 9	аппаратно-президентская 8
межгосу-дарстве 11		руководители международных организаций 110	представители России в междуна-родных организациях 99	резиденты спецслужб 88
президентский 10	руководител государств “семерки” 110	президент 100	помощники президента 90	начальник СГ 80
премьерский 9	полномочны представитель президента 99	министры обороны, иностранных дел 90	премьер-министр 81	силовые мин 72
аппаратно-президентский 88	послы России 88	руководитель аппарата помощ 80	председатель Совета безопас 72	глава админист 64

Для структуры административных весов в межгосударственных отношениях существенна вполне определенная упорядоченность уровней и форм деятельности. В частности, аппаратно-президентский уровень и форма деятельности - в том случае, если государственная власть настроена на активное участие в межгосударственных отношениях - ниже рангом, чем премьерские уровень и форма деятельности. Партнером в межгосударственных отношениях в условиях активного международного диалога выступают функционеры, занимающие места с премьерской компонентой. В то же время, в периоды “изоляциизма”, когда межгосударственные отношения замораживаются, аппаратно-президентские уровень и форма деятельности старше рангом, чем премьерские.

Отношения между иерархиями власти и другими реальностями государственной жизни.

Процессы, происходящие в государстве (регионализация и конфедерализация, трансформация административного рынка, распад социальной структуры и трансформация мифологического пространства в идеологическое) находят свое отражение в системе государственной власти только в том случае, если они персонифицируются в государственных функционерах с определенным административным весом. Так, трансформации административного рынка и формирование рыночных отношений персонифицируются в министрах финансов, экономики, вице-премьерах и помощниках президента, в то время как регионализация отражается в активности глав администраций областей и президентов республик в составе федерации. Неперсонифицированные процессы не могут стать управляемыми, поскольку у них отсутствует “материальный” носитель во властной среде. С другой стороны, в системе власти могут быть обладатели административных весов, не репрезентирующие никаких социальных процессов и руководствующиеся только личными или групповыми мотивами.

Сравнение административных систем США и России.

Постперестроечная система власти в России во многом имеет прототипом соответствующую систему Соединенных штатов Америки. Именно поэтому представляется целесообразным сравнить структуры административных весов в исполнительной власти США.

На рис приведена модель этой структуры, в которой уровням и формам деятельности присвоены те же ранги, что и в соответствующей схеме исполнительной власти России.

Рисунок 44 Административные веса в системе президентской власти в Соединенных Штатах Америки.

формы деятельности уровни деятельности	президентский	аппаратно-президентский	министерский	товарищей министров
	10	9	8	9
президентский	президент США	вице-президент США		
10	100	90		
аппаратно-президентский	советник президента по национальной безопасности	руководитель аппарата Белого дома		
9	90	81		
министерский	председатель Комитета начальников штабов, министр обороны, руководитель госдепа	Главы ФБР ЦРУ, министр финансов	министры энергетики, сельского хозяйства и др.	
8	80	72	64	
товарищей (помощники) министров	командующие родами войск	начальники специальных служб в министерствах финансов, сельского хозяйства	помощники министров энергетики, сельского хозяйства, и др.	руководители центральных департаментов правительства США
7	70	63	56	49

В отличие от системы административных весов СССР и России, в США, как это видно из приводимой таблицы, отсутствуют следующие уровни и формы административной деятельности:

1. премьер-министра
2. аппаратно-премьерский
3. вице-премьерский.

Система административных весов администрации США однозначна и практически не допускает различий в интерпретации рангов уровней. Следовательно, в ней невозможны административные игры, связанные с повышением или понижением рангов уровней и значений административных весов. Она более компактна и более открыта к управляемой реальности.

Пост вице-президента в ней вполне функционален, в отличие от постов руководителя службы безопасности президента или советников и помощников президента в администрации президента России (при разных рангах уровней и форм деятельности занимающих место, функционально эквивалентное посту вице-президента США).

ИЗМЕНЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ И ЯЗЫКОВ ОСМЫСЛЕНИЯ ЖИЗНИ ПРИ ТРАНСФОРМАЦИИ АДМИНИСТРАТИВНОГО РЫНКА.

Специфика социальной стратификации социалистического общества.

Исходная посылка данной части работы состоит в том, что традиционные категории анализа социальной стратификации (авторитет, собственность и власть) в административно-рыночном обществе не применимы из-за отсутствия и авторитета, и собственности, и власти в обычном социологическом смысле этих понятий. Базовые категории классической социологии, такие как социальная структура, стратификация, социальная динамика при исследовании социалистического государства, как показывает опыт, не поддаются эмпирической интерпретации. Использование таких понятий советского обществоведения как "классы рабочих, крестьян, и служащих" заведомо не адекватно, так как приписанность людей к социально-учетным группам определяет их поведение только с внешней стороны, в то время содержание поведения (мотивы, ценности, привычки, цели) определяется какими-то другими, внешними по отношению к социально-учетной структуре факторами. Можно предположить, что в социалистическом государстве было по меньшей мере две социальных структуры: социально-учетная и собственно социальная, которые если и пересекались между собой, то только в предельных случаях.

В данной главе сделана попытка применить для описания собственно социальной структуры социалистического общества (в рамках его административно-рыночной интерпретации) тривиальные понятия, выработанные в предперестроечной публицистике, но несколько их переопределить и формализовать. Правомочность такого подхода оправдывается тем, что преимущественно публицисты в 60-80 годы занимались первичным описанием реальности, ее классификацией и фиксацией фактов. Естественно, публицистические описания не кодифицированы и большая часть используемых фактов и обобщений не поддается верификации. Однако это знание существует и ценность его гораздо больше, чем выверенные в русле догматов обществоведения тексты докторов философских, экономических, а теперь и политических наук.

У людей, которым выпало жить в СССР, до недавнего времени было очень немного возможностей для самоопределения: они могли жить государственной жизнью, отождествляя себя со своим социально-учетным статусом; могли пребывать в отчужденном от государственного функционирования состоянии и самоопределяться в бытовых отношениях; они могли пытаться не отождествляться со своим функциональным местом в государстве и по возможности отстраняться от социалистического быта.

Группы, выделенные в отношениях отождествления с государством и бытом (в условиях, которые государство диктовало своим гражданам) можно назвать группами функционеров, обывателей и диссидентов и рассматривать как базовые элементы социальной структуры. Граждане социалистического государства вне зависимости от своего социально-учетного статуса были лишены возможности действовать вне рамок социально-учетной структуры. Их самовыражение было ограничено разговорами о государстве, обсуждением его истории, складывающейся экономической ситуации, и т.п.

Пропаганда и мероприятия по созданию социально-учетной структуры (такие как репрессии и чистки) были ориентированы на выработку единого интерпретационного аппарата для всех элементов социально-учетной структуры и на создание самой структуры, составленной из рабочих, крестьян и служащих, распределенных по отраслям народного хозяйства и прикрепленных пропиской к местам жительства. Однако

результатом репрессий и пропаганды стало возникновение страт функционеров, обывателей и диссидентов.

На социалистическом русском языке (канцелярите - по К. Чуковскому) нельзя было выразить какие-либо собственно человеческие отношения. Поэтому каждая из страт собственно социальной структуры (функционеры, обыватели и диссиденты) выработала собственный язык описания реальности и определенные стереотипы для описания реальностей других страт. Еще совсем недавно одной из немногих форм самоопределения была, по определению КГБ, болтовня, т.е. разговоры о том, о чем представителям конкретной страты говорить не полагалось.

Каркас обыденной жизни в СССР можно попытаться описать, рассматривая отношения между стратами функционеров, диссидентов и обывателей, и языками, которые представители страт использовали в разных ситуациях, в том числе и в тех, где пересекались их взаимные интересы. Естественно, такое описание не может претендовать на полноту и самодостаточность, однако позволяет разделить системные свойства граждан социалистического государства (т. е. характеристики людей и отношений между ними, производные от положений в социально-учетной структуре) от собственно человеческих качеств.

Функционеры, диссиденты и обыватели как идеальные типы.

Функционеры, диссиденты и обыватели в социальной структуре социализма существовали не только как фрагменты социалистического пейзажа. Это и идеальные типы, и эмпирические типологические характеристики, которые государство давало своим гражданам в критических для него ситуациях, а граждане в той или иной степени примеривали к себе.

Функционеры определяли себя и других по положению в системе государственных отношений и статусов и противопоставлялись обывателям и диссидентам - как люди, живущие полноценной государственной жизнью, т.е. считающие административный торг и его результаты необходимым, хотя и не вполне естественным состоянием. Функционеры - это не только и столько власть имущие, скорее это люди, которые мыслили себя преимущественно в государственной организации пространства и времени. Функционеры жили временем выполнения государственных планов и проведения торжественных мероприятий в пространстве, ограниченном центрами применения власти и местами проведения свободного времени.

Функционеры внутри своей страты различались положением в государственных территориально-отраслевых иерархиях, и жизнь сельского функционера вряд ли можно сравнивать с жизнью столичного. Однако функционеров всех типов объединило сходное представление о мире и своем месте в нем. Для категоризации описания мне представляется необходимым ввести понятие ЕГОРА ЛИГАЧЕВА - наиболее точное с моей точки зрения и наиболее известное воплощение функциональности, используемое дальше в тексте как термин.

Обыватели определяли себя как "простые люди", и жили простой социалистической жизнью: работали в государственных учреждениях для того, чтобы обеспечить себе некоторые стандарты потребления: качество питания, одежды, бытовые приборы, квартиры и автомашины, а также проведение времени, отпущенного государством на отдых в местах, соответствующих их представлениям о своем социальном положении. Для обозначения типичного обывателя в данном тексте вводится понятие НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧА ИВАНОВА. Для Николай Николаевичей пространство административного торга находилось вне пределов досягаемости и понимания.

Диссиденты, в отличие от обывателей и функционеров, противопоставлялись и функционированию в государстве, и быту его граждан. Диссиденты не могли и не хотели

жить так, как живут обыватели и функционеры, и в своем отрицании государственных и обыденных реалий выработали свой стиль и способы бытия. Для обозначения типичного диссидента в тексте вводится понятие АНДРЕЙ САХАРОВ и соответствующий термин.

Страты функционеров, обывателей и диссидентов были связаны между собой репрессивными и распределяющими механизмами, обеспечивавшими социальную стабильность и управляемость огосударствленным обществом в целом, описанные в первых главах этой работы. Принадлежность каждого человека к страте фиксировалась самим государством в явных и неявных статусах (функционеров в виде номенклатуры, обывателей в виде "простых людей", народа, а диссидентов как диссидентов).

Специфической особенностью социальной структуры социалистического общества было то, что люди, принадлежавшие к разным стратам пересекались друг с другом в социальном бытии только в строго определенных ритуалом ситуациях. Функционеры, диссиденты и обыватели, как только их статусы формализовывались и закосневали, начинали существовать в разных социальных пространствах. Социальным событием становились встречи функционеров с народом, контакты между диссидентами и функционерами, или хождение диссидентов в народ.

Языки общения

Связь между реальной (в смысле самоидентификации граждан государства) социальной структурой (элементами которой были функционеры, обыватели и диссиденты) и социально-учетной (элементами которой были рабочие, крестьяне и служащие - в многочисленных конкретизациях системы социального учета и статистики), обеспечивал особый язык, вернее группа языков, вне которой было невозможно взаимопонимание и взаимодействие между стратами, т.е. само существование государства.

Вовне, особенно для наблюдателя, не принадлежащего ни к одной из страт (в частности для исследователя-иностранца) это общество проявлялось в парадоксальной форме: язык, которым люди, принадлежащие к стратам, описывали самих себя, ни в коей мере не соответствовал внешне наблюдаемым формам поведения и тем интерпретациям, которые давались этим формам людьми-респондентами. Для того, чтобы включить парадокс в теорию социалистического общества, внешним исследователям и наблюдателям пришлось ввести представление об особых языках, на которых разговаривают граждане социалистического общества - деревянном языке, языке истины, и т.п.

С нашей точки зрения, функционеры, диссиденты и обыватели (они же рабочие, крестьяне и служащие) разговаривали на разных диалектах одного социалистического языка, но использование диалекта (функционального, диссидентского, обыденного) определялось ситуациями общения. В разных жизненных ситуациях функционеры, например, общались на диссидентском диалекте, а обыватели - на функциональном.

Граждане социалистического государства в той или иной степени овладевали всеми диалектами социалистического языка: функциональным (деревянном), диссидентским диалектом истины, и бытовым. От овладения диалектами зависела социальная мобильность и возможность карьерного продвижения, т.е. сама жизнь. Многоуровневая иерархия системы партийной учебы, высшего образования, повышения квалификации была необходима для освоения диалектов этого языка. Многодиалектность всех форм социального взаимодействия весьма затрудняла социализацию в обществе и - в особенности - возможности понимания его социальной структуры и механизмов функционирования при наблюдении со стороны.

Социализированные граждане социалистического государства в той или иной степени владели всеми диалектами и, при необходимости, без затруднений переходили с функционального на диссидентский и на бытовой, и наоборот. Положение в системе

управления государством, уровень иерархии, к которому принадлежал конкретный функционер ни в малой степени не определял форм и жанров его высказываний в той мере, в которой эти высказывания были определены ситуацией общения. Высокопоставленные функционеры матерились в быту, сотрудники органов государственной безопасности рассказывали политические анекдоты, а записные диссиденты переходили на язык официоза при попытке описать то светлое будущее, которое неизбежно наступит после крушения социализма.

Взаимопонимание между стратами административно-рыночного государства достигалось тем, что функциональный, диссидентский и бытовой диалекты имели общие элементы. В речах на аппаратных совещаниях при "вскрытии ошибок и разоблачении недостатков" функционеры так или иначе опирались на официозы диссидентов. Речи на аппаратных совещаниях обсуждались на коммунальных кухнях и в семьях интеллигентов, бытовой мат и матерные анекдоты пронизывали любое общение. Всевозможные перетолковывания и переводы официальных высказываний на диссидентский и бытовой диалекты составляли информационное и интеллектуальное содержание обыденной жизни граждан всех социальных положений. В пространстве, заданном типологическими характеристиками, действовали люди - носители свойств всего социального целого. Функционеры диссидентствовали, диссиденты функционировали, а обыватели и диссидентствовали, и функционировали.

Полный и закрытый список ситуаций общения (и типов сообщений) определялся социальной стратификацией социалистического общества. Форма и содержание общения и сообщения не могли выйти за рамки подтверждения существования государства исправным функционированием в его институтах, диссидентского отрицания форм государственности и быта, или редукции функционального и гражданского начала до их витальных компонент (до обыденности).

Список ситуаций общения и типов сообщений, специфичных для социалистического общества может быть задан достаточно формально.

Формальное представление отношений между стратами и диалектами.

Для этого вводятся понятия одноименных уровня организации исследуемой реальности и формы деятельности, соотносимые с друг с другом в квадратной матрице. При этом любое пересечение уровня и формы (строки и столбца) не пусто и отождествлено с предельно идеализированным объектом. В данной работе вводятся функциональный, диссидентский и обыденный уровни реальности и одноименные формы деятельности, т.е. жизни в этой реальности.

На рис. 48 представлен упорядоченный всеерной матрицей список идеальных объектов, которым даны собственные имена.

Рисунок 45 Идеальные объекты социальной структуры социалистического общества.

формы деятель уровни социальной струк	функционирова	диссидентство	бытование
функциональный	Лигачев	Ан. Яковлев	номенклатурные сплетники и интри
диссидентский	Рой Медведев	Сахаров	Дети Арбата
обывательский	стукачи и кляуз	Авторы и исполните политических анекд	Николай Николаевич

На строки матрицы вынесены наименования уровней социальной стратификации, а на столбцы - наименования соответствующих стратам форм деятельности. Строки и столбцы одноименны. Предполагается, что пересечения одноименных уровней организации и наименований форм деятельности (диагональные элементы матрицы)

задают модальные элементы социальной структуры. Так, пересечение функционального уровня и функционирования фиксируется в матрице как ЕГОР ЛИГАЧЕВ, предельно идеализированный тип функционера, в то время как пересечение диссидентского уровня и столбца "диссидентство" фиксируется как АНДРЕЙ САХАРОВ - предельно идеализированный тип диссидента. Пересечение обыденного уровня и столбца "бытование" фиксируется как НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ ИВАНОВ, предельно идеализированный тип обывателя (прототип - герой повести Ю. Алешковского "Николай Николаевич").

Под- и наддиагональные элементы матрицы отождествляются с теми подтипами, для которых характерны сочетания обыденности, функциональности и диссидентства. Так термин РОЙ МЕДВЕДЕВ обозначает тип диссидента, добивавшегося функционального государственного статуса. И поскольку такого места для диссидента не находилось, то его активность направлялась на изменение государственного устройства, причем такое, в котором диссиденту может быть обеспечен искомый статус.

Термин СТУКАЧИ И КЛЯУЗНИКИ обозначает тип обывателей, деятельность которых концентрировалась вокруг системы государственных функциональных мест. СТУКАЧИ - профессиональные искатели справедливости, разоблачители коррупции и воровства, борцы за равенство, считающие себя обиженными и обойденными при дележе государственного пирога и стремящиеся установить справедливость государственными же средствами. Инструментом восстановления справедливости они выбирали донос или жалобу. В эмпирии в самом мягком виде тип был представлен авторами разоблачительных писем в газеты и другие средства партийной пропаганды, в жестком - профессиональными доносчиками-инициативниками.

Термин АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВ обозначает тип государственных людей, для которых были неприемлимы формы организации государственной жизни и которые стремились улучшить государственное устройство для того, чтобы обывателям жилось лучше. В этой своей активности они проявляли явно диссидентские устремления, которые и фиксировались предназначенными на то органами.

Термин ДЕТИ АРБАТА обозначает тип диссидентствующих обывателей, социальная активность которых сводилась к обмену политическими анекдотами и к разговорам о недостатках государственного устройства на кухнях и в других стереотипных местах общения социалистических обывателей.

Термин НОМЕНКЛАТУРНЫЕ СПЛЕТНИКИ И ИНТРИГАНЫ обозначает тип функционеров, жизнь (бытование) которых концентрировалась вокруг карьеры в функциональной государственной структуре. Содержание общения и разговоров у представителей этого типа сводилось к обмену сплетнями о возможных карьерных перемещениях "вверх" и последствиях таких перемещений для собственных карьер. Представители этого типа в быту были заняты интригой, и государственное функционирование было для них прежде всего интригой.

Термин ИСПОЛНИТЕЛИ ПОЛИТИЧЕСКИХ АНЕКДОТОВ обозначает тип диссидентов, основной деятельностью которых был пересказ или сочинение политических анекдотов. Это обыденное воплощение диссидентства, и исполнители политических анекдотов слыли записными диссидентами среди ДЕТЕЙ АРБАТА на московских и провинциальных кухнях.

Типы социальной структуры были связаны функционированием в одной государственной системе. Используя введенные различия, можно сказать, что в этом государстве было три уровня реальности, в каждом из которых существовали вполне определенные типы. Так, в собственно государственной деятельности принимали участие ЕГОР ЛИГАЧЕВ, РОЙ МЕДВЕДЕВ, СТУКАЧИ И КЛЯУЗНИКИ, АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВ И НОМЕНКЛАТУРНЫЕ СПЛЕТНИКИ И ИНТРИГАНЫ. Диссидентствовали в разных формах РОЙ МЕДВЕДЕВ, АНДРЕЙ САХАРОВ, ИСПОЛНИТЕЛИ ПОЛИТИЧЕСКИХ АНЕКДОТОВ, АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВ И ДЕТИ АРБАТА. Жили

обыденной социалистической жизнью **СТУКАЧИ И КЛЯУЗНИКИ, ДЕТИ АРБАТА, НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧИ ИВАНОВЫ, ИСПОЛНИТЕЛИ ПОЛИТИЧЕСКИХ АНЕКДОТОВ, НОМЕНКЛАТУРНЫЕ СПЛЕТНИКИ И ИНТРИГАНЫ**. Функциональный, диссидентский и обыденный уровни пересекались в определенных типах, а существование носителей типологических свойств обеспечивало воспроизводство этого государства и его социальной структуры в целом.

В любой государственной организации (других просто не было) в разных пропорциях присутствовали функционеры, диссиденты и обыватели. В ЦК КПСС, КГБ, на заводах и в исследовательских центрах были свои чинуши, отождествлявшие себя с функциональным местом, были диссиденты (**ИСПОЛНИТЕЛИ ПОЛИТИЧЕСКИХ АНЕКДОТОВ И ДЕТИ АРБАТА**), а основную массу всегда и везде составляли обыватели. В то же время, явные диссиденты- представители типов **АНДРЕЙ САХАРОВ** и **РОЙ МЕДВЕДЕВ** концентрировались в определенных местах, таких как НИИ, ВУЗы и учреждения культуры.

Такая социальная стратификация не соответствовала нормативной, которая должна была бы состоять из рабочих, крестьян и служащих. Государство предпринимало усилия для того, чтобы преобразовать реальную социальную стратификацию в нормативную. Эти усилия принимали форму "борьбы с диссидентами", обличения разных форм бытования ("борьба с мешанством") и критики бюрократизма ("борьба с чиновниками"). Репрессии против диссидентов, бюрократов и обывателей и соответствующие пропагандистские кампании проводились с разной периодичностью и жесткостью.

Одним из результатов репрессий стало практически полная элиминация диссидентов и соответствующего уровня социальной стратификации в малых и средних городах и в селах всех типов. Набор типов социальной структуры в не-столичных городах ограничивался **ЕГОРАМИ ЛИГАЧЕВЫМИ** районного масштаба, **СТУКАЧАМИ И КЛЯУЗНИКАМИ, НОМЕНКЛАТУРНЫМИ СПЛЕТНИКАМИ И ИНТРИГАНАМИ** и **НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧАМИ**. В то же время, в больших городах и особенно в столицах диссидентство было неискоренимым.

Усилия государства по построению нормативной социальной структуры предваряли чисто силовые мероприятия, такие как массовые чистки и репрессии, целью которых был слом до-социалистической социальной организации и достижение той степени пластичности людей, которая бы позволяла производить над ними социально-инженерные манипуляции и включать их в реальность, в которой они вынужденно занимали бы места функционеров, диссидентов и обывателей. Те люди, которые не вписывались в рамки естественной для этого государства типологии ни на одном из фиксированных уровней и не могли при всем желании стать функционерами, диссидентами или обывателями получали внесистемный статус **ВРАГОВ НАРОДА**.

Диалекты социалистического языка.

Каждый тип имел свой жанр, ту языковую форму, которая идентифицировала положения носителя типологических свойств в социальной системе и в то же время позволяла обмениваться содержательными высказываниями и координировать взаимные действия. Список жанров, определенных в однозначных отношениях с идеальными социальными типами, дан в рис. 49

Рисунок 46 Структура диалектов доперестроечного языка, заданная их жанрами.

формы деятедь уровни социальной структу	функционирование	диссидентство	бытование
функциональный	официальные партийно-сове (деревянные) тексты	разоблачительные выступ партийных	сплетни и анекдоты из партийных и прочих

		функционеров	функционеров
диссидентский	обращения в международные организации с разоблачения политическими заявлениями	язык истины - Сам и Тамиздат	легенды и сплетни из истории государства и партии
обывательский	письма в газеты, жалобы инстанции, доносы в КГБ и парткомы	политические анекдоты	бытовой мат и бытовые анекдоты

В матрице задан полный (относительно порождающих отношений) список жанров. Матрица может считываться следующим образом - чистый функциональный (деревянный) диалект представлен в официальных речах и официальных текстах. Это жанр ЕГОРА ЛИГАЧЕВА. Чистый диссидентский диалект представлен в Сам- и Тамиздате. Это жанр АНДРЕЯ САХАРОВА. Чистый бытовой диалект представлен в бытовых анекдотах и бытовом мате. Это жанр НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧА ИВАНОВА.

Функционеры государства в “моменты истины” (на аппаратных совещаниях или на других аналогичных мероприятиях) использовали элементы диссидентского диалекта. Типичным примером такого использования являются речь Хрущева на XX съезде КПСС. Это жанр АЛЕКСАНДРА ЯКОВЛЕВА.

Функционеры государства при общении на бытовом уровне рассказывали друг другу сплетни об отношениях между своими начальниками и руководителями государства, вели доверительные разговоры, в которых пересказывали друг другу слухи об отношениях между руководителями государства и их возможных перемещениях в иерархиях власти. Это жанр НОМЕНКЛАТУРНЫХ СПЛЕТНИКОВ И ИНТРИГАНОВ.

Диссиденты при обращениях к собственному правительству или к мировому сообществу и в других акциях, направленных на официальные инстанции использовали элементы функционального (деревянного) диалекта. Типичным примером одеревянивания языка могут выступать письма в защиту других диссидентов, подвергавшихся карательным санкциям или судебному преследованию, широко распространенные в семидесятые годы. Это жанр РОЯ МЕДВЕДЕВА.

Языковые особенности диссидентского общения на обыденном уровне представлены в в политических анекдотах. Это жанр АВТОРОВ И ИСПОЛНИТЕЛЕЙ ПОЛИТИЧЕСКИХ АНЕКДОТОВ.

Жанр функционирующих обывателей представлен в текстах заявлений в государственные институты и организации, в особенности в доносах на других граждан государства в партийные и профсоюзные организации и в органы безопасности. Это жанр СТУКАЧЕЙ И КЛЯУЗНИКОВ.

Обыденное общение на диссидентском уровне происходило на специфическом языке очереди или разговоров на кухне в интеллигентских семьях. Это жанр ДЕТЕЙ АРБАТА.

Компоненты функционального диалект (элементы деревянного языка)

Язык официального общения не сводится к своим конституирующим компонентам. Функциональный диалект предполагает существование антитезы - диссидентского диалекта, и некий синтез официоза и его отрицания - диалект обыденного общения.

Если исходить из матрицы, то список компонентов функционального диалекта можно задать суммой элементов строки "функциональный уровень" и столбцом "функционеры". Функциональный диалект включал в себя речи на официальных открытых мероприятиях и публикации этих речей в официальных изданиях (известно, что сами речи и их официальные тексты часто сильно отличаются друг от друга), речи и выступления на аппаратных совещаниях с признанием ошибок и разоблачением недостатков, сплетни о руководителях государства и высокопоставленных функционерах, письма и обращения к мировому сообществу с разоблачением

тоталитарного режима, заявления в официальные инстанции и доносы в компетентные органы и партийные организации.

Элементы официального диалекта, расположенные симметрично относительно диагонали матрицы в значительной степени дополняли друг друга. Так, речи на аппаратных совещаниях с признанием ошибок и разоблачением недостатков были дополнительны к жанру обращений к мировому сообществу или правительству страны и в какой то степени им эквивалентны. Сплетни и доносы также взаимодополнительны: сплетни служили основанием для доносов на тех, кто их рассказывает и слушает, а ситуация доноса была типичным сюжетом сплетни.

Элементы диссидентского диалекта (компоненты языка истины)

"Язык истины" не сводился к своему чистому виду - Сам- и Тамиздату, но включал в себя и элементы, общие с официозом и бытовым диалектом. Список компонентов диссидентского диалекта можно задать суммой элементов столбца "диссиденты" и строки "диссидентский уровень". "Язык истины" включал в себя письма и обращения к мировому сообществу, речи на аппаратных совещаниях с признанием ошибок и разоблачением недостатков, разговоры в очередях, коммунальных квартирах и на кухнях в интеллигентских семьях, а также политические анекдоты.

Внутренняя структура диссидентского диалекта очень сложна и противоречива. Так, язык коммуналок и интеллигентских кухонь был дополнителен к языку речей на аппаратных совещаниях и часто служил источником тем для разоблачительных выступлений функционеров. В то же время, язык писем и обращений в высокие инстанции был несовместим с диссидентским языком обыденного уровня. Темы и авторы диссидентско-официозных текстов снижались в политических анекдотах.

Компоненты обыденного диалекта.

Структура бытового диалекта может быть представлена совокупностью элементов, принадлежащих к столбцу "обыватели" и строке "бытовой уровень". Обыденный диалект состоял из политических анекдотов и сплетен о жизни функционеров государства, из заявлений в официальные инстанции и доносов, из разговоров в очередях и на кухнях в интеллигентских семьях. Интегрирующим элементом обыденного диалекта выступает бытовой мат и бытовые анекдоты.

Для социальной и географической провинции в СССР была (и остается) характерной уплощенная структура языкового пространства. В ней отсутствовал диссидентский уровень организации и соответствующий диалект. Структура провинциального варианта языкового пространства образована всего четырьмя жанрами - официальными речами и текстами, сплетнями об отношениях между функционерами государства, заявлениями и доносами обывателей, и бытовым матом как языком обыденного общения. Провинциализм выступал гарантом идеологической надежности для претендентов на функциональные места в системе управления государством именно из-за несоциализированности провинциалов в диссидентской онтологии и идеологии.

Люди в языковой среде перестройки.

Доперестроечное обыденно-государственное сознание было устроено весьма своеобразно. В средствах массовой информации безраздельно господствовала государственная мифологема, выраженная в словах функционального диалекта. В общественном сознании доминировали отрицания государственных представлений о мире и человеке в форме слухов, сплетен, легенд и мифов. Государственная мифологема и ее общественные отрицания (диссидентство) были неотделимы друг от друга: всякому позитивному утверждению функционеров диссиденты противопоставляли

развенчивающие его тексты, сплетни и слухи, и наоборот. Эти отношения между государственной мифологией и негативистским общественным сознанием устанавливались несколько десятилетий, за которые накопилось несметное, казалось бы, количество самой разной по природе "чернухи".

Роль государственной мифологемы была огромной, и функционеры, диссиденты и обыватели начинали день с чтения газет, а кончали просмотром программы "Время". Содержание этих изданий и передач служило основанием для сплетен и слухов, политических анекдотов и обращений к мировому сообществу, и только сочетание официоза и его отрицания давало основание для выработки линии поведения.

Гласностью стало называться такое изменение отношений между государством и обществом, при котором сплетни, слухи и мифы о государственных реалиях (т.е. диссидентский диалект) стали содержанием государственных же средств массовой информации. Саму перестройку имеет смысл в первую очередь рассматривать как государственную институализацию типов диссидентов (АЛЕКСАНДРА ЯКОВЛЕВА, РОЯ МЕДВЕДЕВА, АНДРЕЯ САХАРОВА, ДЕТЕЙ АРБАТА И ИСПОЛНИТЕЛЕЙ ПОЛИТИЧЕСКИХ АНЕКДОТОВ).

Социальное действие в мифологизированном обществе заключается в говорении, и гласность стала первой формой социального действия после того, как ослабили механизмы административного режима. В эпоху гласности мифологизированные убеждения обывателей и диссидентов вышли на страницы перестроечной печати. Гласность при всем своем внешнем отличие от официоза позволяла государственным деятелям и обывателям строить поведение, нухом ориентируясь на то, что можно и нужно делать для того, чтобы сохранить единственное богатство, возможное при социализме - социальный статус.

Поток разоблачений заполнил перестроечные издания и обеспечил им фантастическое увеличение читательской аудитории. Этот же поток создал условия, при которых стала возможной ликвидация КПСС и самого государства победившего социализма. Вместе с государством исчезли и те реалии, которые были ценными в нем, в первую очередь определенность социального статуса и возможность вырабатывать линии поведения, направленные на его сохранение и повышение. Гласность, заменившая было на время официоз, отмерла вместе с ним, и в равной степени ненужными, бессмысленными и смешными стали как старые догмы, так и их отрицания.

Начало перестройки можно связать с процессом, при котором распались формы связи между стратами огосударствленного общества и носители типологических свойств превратились в политических субъектов. Распространение сплетен, политических и бытовых анекдотов из инициативной деятельности отдельных людей стало содержанием политики гласности и оформилось в особые социальные статусы редакторов новых изданий и ведущих программ ТВ. Доносы и кухонные разговоры из интимного жанра стали публичным занятием митингующих и демонстрирующих на улицах крупных городов и столиц. Ранее целостная и в общем-то понятная картина мира за несколько месяцев распалась на относительно самостоятельные функциональный, диссидентский и обыденный фрагменты. И в этом она следовала самому миру, в котором диссидентская реальность приобрела равный статус с функциональной, а обыденная жизнь практически не изменилась, обрел, однако, совершенно новые для себя средства выражения.

Страты социалистического общества на первом же этапе перестройки распались на группы носителей элементарного мифологического сознания. Члены этих групп связаны общим происхождением, весьма неприглядным, что давало и дает им основание для конфликтов и взаимной неприязни и ненависти. Эти осколки государства стали основой для возникновения нового социального и языкового пространства, гораздо менее связного и упорядоченного, но в целом сохраняющего свою предопределенную историей структуру.

На рис. 50 представлены первые результаты деструкции социалистической государственности, когда типы социальной стратификации превратились в политических субъектов, и специфические для типов жанры приобрели относительно самостоятельный статус политических текстов перестройки.

Рисунок 47 Перестроечные персонификации элементов социальной структуры.

формы деятель уровни социальной струк	функциониров	диссидентство	бытование
функциональный	противники перестройки	прогрессивные государственные деятели	авторы интриг перестр
диссидентский	прорабы перестройки	борцы за справедливость	авторы эпохи гласност
обывательский	народные депутаты	участники демократических мити	растерянные обывател

Жанры в ходе перестройки остались неизменными, и говорение сохранило свой статус как форма социального действия в рамках социальной структуры социалистического общества. Собственно перестроечным было то, что на первом ее этапе перестройки за жанрами закрепились их носители. ЕГОР ЛИГАЧЕВ стал ПРОТИВНИКОМ ПЕРЕСТРОЙКИ, АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВ - ПРОГРЕССИВНЫМ ГОСУДАРСТВЕННЫМ ДЕЯТЕЛЕМ, АНДРЕЙ САХАРОВ превратился в БОРЦА ЗА СПРАВЕДЛИВОСТЬ, РОЙ МЕДВЕДЕВ получил статус ПРОРАБА ПЕРЕСТРОЙКИ. ДЕТИ АРБАТА учредили Московскую Трибуну и аналогичные организации, СТУКАЧИ и КЛЯУЗНИКИ легализовали свою активность и в конечном счете стали депутатами Советов различных уровней, ИСПОЛНИТЕЛИ ПОЛИТИЧЕСКИХ АНЕКДОТОВ превратились в ведущих авторов, а потом и РЕДАКТОРОВ изданий эпохи гласности, НОМЕНКЛАТУРНЫЕ СПЛЕТНИКИ и ИНТРИГАНЫ активизировались и вовлекли в круг сплетен и интриг совершенно новые темы, такие как личная жизнь и экономическая активность первых лиц аппарата государственного управления, а НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧИ превратились в РАСТЕРЯННЫХ ОБЫВАТЕЛЕЙ.

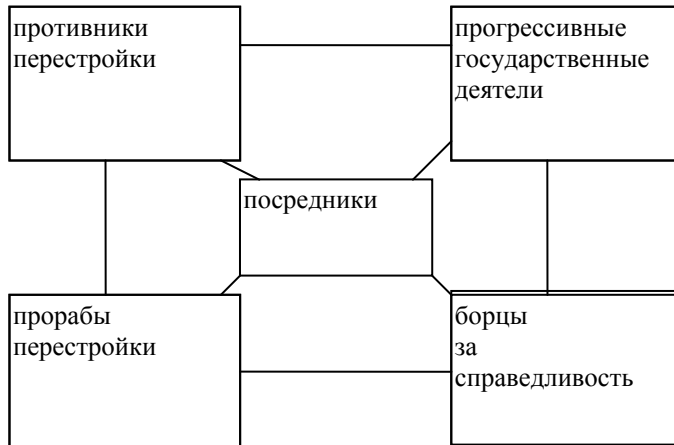
Деструкция социального и лингвистического пространства в ходе перестройки.

Распад социальной структуры постперестроечного общества можно представить в виде набора схем, в которых прослежена логика того, как доперестроечная социальная стратификация сменилась новой, генетически с ней связанной. Описанные выше социальные типы были прямым следствием существования функционального, диссидентского и обыденного уровней реальности, которые воспроизводились государственными усилиями по поддержанию нормативной социальной структуры, составленной из рабочих, крестьян и служащих. В свою очередь, функционеры, диссиденты и обыватели, живя своей жизнью, воспроизводили социалистическое государство и его нормативную социальную структуру. Легализация диссидентства (собственное содержание перестройки) нарушила отношения между стратами и в конечном счете привела к распаду государства.

Если исходить из схемы предыдущего рисунка, то логику трансформация социальной структуры можно представить следующим образом: прорабы перестройки

вместе с прогрессивными государственными деятелями, опираясь на авторитет борцов за справедливость, начали борьбу с противниками перестройки. Эта борьба выражалась в том, что деревянные тексты (речи) противников перестройки подвергались критике в диссидентских выступлениях прогрессивных государственных деятелей, в письмах и обращениях прорабов перестройки, в эпохальных высказываниях борцов за справедливость.

Рисунок 48 Функционально-диссидентское измерение социальной структуры.

Итерации отношений между участниками этой словесной баталии привели к формированию достаточно устойчивого лингвистического пространства на уровне средств массовой информации, т.е. собственно гласности. Естественным образом возникла группа посредников, таких медиаторов гласности, журналистов новой перестроечной волны.

В то же время, народные депутаты (бывшие стукачи и кляузники), вместе с авторами эпохи гласности (бывшими авторами и исполнителями политических анекдотов), опираясь на поддержку борцов за справедливость, искали и находили поддержку среди растерянных обывателей в своей словесной борьбе с “тоталитарным режимом”.

Рисунок 49 Диссидентско-обыденное измерение социальной структуры.

При итерациях отношений между участниками этого взаимодействия сформировался слой посредников- политических активистов, составивших действующую массу перестроечных и постперестроечных социально- структурных процессов. В языке

этих посредников смешались разные диалекты: бытовой мат естественно слился с политическим анекдотом и самиздатовскими декларациями.

Третье измерение социальной структуры - функционально-обыденное - возникло в отношениях между противниками перестройки, народными депутатами, авторами сплетен и интриг перестройки и растерянными обывателями. В языке посредников, носителей свойств этого измерения, естественно слились бытовой мат, сплетни, доносы и жалобы. И все это отлилось в “деревянные” формы нового официоза.

Рисунок 50 Функционально-обыденное измерение социальной структуры.

Рисунок 51 Постперестроечная социальная стратификация в России.

форма деятельности	обыденное функционирование	обыденное диссидентство	публицистика
уровень деятельности			
функционально-обыденный	новые функционеры	новые диссиденты	официальные публицисты
обыденно-диссидентский	государственные функционеры, не согласные с официальной политикой	брюзжащие обыватели	публицисты оппозиции
публицистический	официальные контактеры (пресс-атташе)	“светящиеся” в СМК представители “оппозиции”	ведущие публицисты

Новые страты весьма неоднородны. Это прежде всего связано с тем, что не сложилось государство, вернее оно представлено несколькими относительно независимыми ветвями власти, интересы которых противоречат друг другу. Так существует три правительства (см. Метод исчисления административных весов в данной книге”), две палаты парламента, три ветви судебной власти, внепарламентская оппозиция, и пр. В каждой из этих институализаций государства существуют свои функционеры, агенты по связи со средствами массовой информации, свои публицисты.

Можно представить две равновозможные иерархические интерпретации социальной стратификации.

Рисунок 52 Иерархическое представление социальной стратификации, при котором высшей стратой являются государственные функционеры.

		новые функционеры		
	государственные функционеры, не согласны официальной политикой	брюзжащие обыватели	новые диссиденты	

пресс-атташе	светящиеся в представители оппозиции	ведущие публицисты	публицисты оппозиции	официальные публицисты
--------------	---	-----------------------	-------------------------	---------------------------

Рисунок 53 Иерархическое представление социальной стратификации, при котором высшей стратой являются ведущие публицисты.

		ведущие публицисты		
	светящиеся в СМК представители оппозиции	брюзжащие обыватели	оппозиционные публицисты	
пресс-атташе	функционеры, не согла с официальной полити	новые функционеры	новые диссиденты	официальные публицисты

В новой реальности, сформированной перестроечными разночинцами, смешались ранее несоотносимые понятия и представления, и разные формы выражения своего социального положения приобрели в принципе равный статус. Это означает, что в новой функциональной реальности (перестраивающемся государстве) в одной плоскости деятельности оказались функционеры, с одной стороны, а с другой диссиденты и обыватели, ставшие государственными людьми.

Каждый функционер (также как и диссидент и обыватель) был еще недавно приписан к определенному классу. Однако эта метка мало что значила для человека, который, если не становился ВРАГОМ НАРОДА, был обречен функционировать, диссидентствовать или просто выживать. Распад государства был связан с легализацией реальной социальной стратификации и социальной дифференциацией общества, при которой дистанция между стратами стала ощутимой.

Легализация стратификации привела к тому, что разделение на классы перестало быть основанием для управления. Классовая структура ранее была идентична государству, вернее управлению им. Функционеры, диссиденты и обыватели могли существовать только в социалистическом государстве, как теневые проекции нормативной классовой структуры общества. После распада государства у людей исчезла жизненная опора, тот каркас, который давал возможность функционировать, обывательствовать и диссидентствовать. Исчезновение каркаса переживается функционерами, диссидентами и обывателями как исчезновение порядка и вызывает стремление к его наведению.

Группы озабоченных носителей мифологического сознания в поисках нового места в социальной структуре обратились к нормативной классовой структуре и начали искать себе опору в классах рабочих, крестьян и служащих. Руководители предприятий и организаций стали называть себя рабочими, руководители колхозов и совхозов крестьянами, а государственные чиновники разных видов - от офицеров и работников исполкомов местных советов до социалистической творческой интеллигенции - служащими когда-то великого государства. Социалистическая классовая структура сейчас оживает после смерти социалистического государства в массовой активности тех функционеров, диссидентов и обывателей, которые не находят себе места в новой реальности.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ САМООРГАНИЗАЦИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-РЫНОЧНОГО ОБЩЕСТВА.

Политика и политическое мышление в социалистическом и постсоциалистическом обществах.

Трансформация административного рынка сопровождается ростом политической активности бывших советских граждан. Спектр самоназваний стремящихся к власти российских партий и организаций настолько широк, что создается впечатление существования десятков альтернативных политических программ. Однако при изучении программ возникает ощущение, что существует континуум основных понятий, и уже внутри континуума становятся возможны различия и противопоставления конкретных партий и организаций. Почти все партии при внимательном рассмотрении оказываются ягодами с одного социалистического поля.

Аморфность и в то же время высокая интенсивность политической жизни дают основание для предположения о том, что политика сейчас лишь внешнее проявление каких-то других процессов. В данной работе сделана попытка описать политическую активность в постперестроечном обществе как одно из следствий распада мифологии социализма.

Основные послышки данной главы сводятся к следующему:

1. Социалистическое государство формировало нормативную классовую (социально-учетную) структуру общества, состоящую из классов рабочих, крестьян и служащих, но эта деятельность привела к расслоению общества на социальные страты функционеров, диссидентов и обывателей (см. предыдущую главу "Изменение социальной стратификации и языков осмысления жизни").

2. Ни классы (как элементы нормативной социальной структуры), ни страты (как слои естественной стратификации) не имели специфичной для них идеологии. Общественное сознание в огосударствленном обществе было мифологичным по своей природе, причем мифологемы, реализуемые конкретными людьми не были связаны с их социально-учетной и социально-структурной принадлежностью.

3. Собственно перестройка может рассматриваться как распад "общественного сознания" (мифологем) и социально-учетной структуры, на начальных стадиях которого некоторые элементы государственного устройства (такие как социально-учетные группы рабочих, крестьян и служащих и социалистические мифологемы) продолжают свое существование после исчезновения государства, которое их в той или иной форме воспроизводило. Большую часть политической активности в постперестроечном государстве можно рассматривать как своеобразную инерцию существования его мифологических компонентов. Благодаря ей распад "общественного сознания" не столь быстр, как этого можно было ожидать.

4. Трансформации административного рынка практически не находят отражения в политической структуре общества и в обыденном политическом сознании прежде всего потому, что отсутствует язык описания реальности.

Чем была политика в социалистическом обществе? До перестройки политикой считалось, по первым, нечто официально-государственное и потому чуждое обыденности. Другое доперестроечное значение термина политика - активность, направленная против тезисов партийной пропаганды и организационной деятельности КПСС. Политика и политическая деятельность были либо государственной формой, лишенной житейского содержания, либо бытовым содержанием, неоформляемым в действия и сводящимся к разговорам о политике, к политическим анекдотам и сплетням об отношениях между государственными деятелями. Люди вынужденно жили при

социализме и их объединяло неприятие навязанной обыденности и салонно-кухонное противостояние ей. Разногласия в оценках и мнениях относительно того, что было есть и будет до начала перестройки нивелировались негативизмом по отношению к КПСС, к ее внешней и внутренней политике. Сегодняшние политические противники начинали свою общественную жизнь в одних тусовках, читали одни книги и пересказывали одни анекдоты.

Доперестроечный менталитет был несовместим с собственно политической деятельностью и государственным функционированием. Государство в своем всеобъемлющем контроле за обыденной и общественной жизнью не предполагало за своими гражданами ни осмысления процессов, которые в нем происходили, ни осмысленных действий. Оно было самодостаточным. Жизнь людей в нем детерминировалась обстоятельствами и социально-учетным статусом, определявшим возможности гражданина в отношениях отчуждения-распределения. Вынужденность и ситуативность поведения дополнялись вынужденностью осмысления своего положения в системе власти.

Направления осмысления социалистической действительности, как и возможности социального действия были ограничены. Можно было быть апологетом социалистического государства, можно было его критиковать, строя спекулятивные модели лучшего государственного устройства, а можно было отказаться от попыток понять, что было, есть и будет, или уйти в запой, в тайгу или в социалистический быт. Умственные усилия диссидентствующих граждан были направлены на абстрагирование от конкретики государственной и обыденной жизни и на последующую интерпретацию абстракций в терминах базовых для административно-рыночного государства марксистских моделей.

Мифологемы и идеологемы.

Для описания феномена политической активности в социалистическом обществе необходимо ввести различия мифологемы и идеологемы. Мифологема представляет собой устойчивое состояние общественного сознания, общественной психологии (и даже индивидуальной психофизиологии), в котором зафиксированы каноны описания существующего порядка вещей и сами описания того, что существует и имеет право на существование. В мифологеме заданы основные отношения между тем, что признается в мифологизированном обществе существующим, т. е. законы данного общества, в том числе и законы природы, которая в мифологемах производна от общества и его институтов.

Основную часть мифологемы составляет объяснение того, почему существует то, что существует, и почему оно функционирует именно так, а не иначе. Мифологемы фиксируют порядок вещей и служат концептуальным обоснованием поведения в данном обществе. Для мифологем характерен особый язык и связи между основными понятиями (такие как "происходить от..." и "состоять из..."). Мифологемы, сконструированные пять тысячелетий назад и в последние десятилетия XX века, практически не отличаются друг от друга по внутренней логике.

Люди, реализующие мифологему и в ней живущие нечувствительны к реальности, для них окружающая жизнь лишь набор примеров для интерпретаций в терминах мифологической логики и онтологии. Несоответствие мифологической и обыденной картин мира они приписывают действию разного рода таинственных и трудно идентифицируемых сил: внешних и внутренних врагов, магии и колдовства. В воображении мифомана и его повседневной практике постоянно находится образ прекрасного будущего, которое не реализуется только потому, что этому кто-то препятствует.

Идеологемы, в отличие от мифологем, сугубо частичны и не претендуют на всеобъемлющее описание и объяснение порядка вещей. Идеологемы представляют собой сконцентрированные (иногда до уровня лозунгов) представления о том, что данную политическую группу или партию не устраивает в данном обществе и что эта партия намеревается делать для того, чтобы перейти к идеальному состоянию общественного устройства. В идеологеме, как правило, зафиксирована оценка политической партией исторического прошлого и описано (в терминах политических целей) желаемое будущее. Более того, в организационной структуре партии, реализующей идеологию, зафиксировано представление о настоящем, о том, как и каким образом структурирована окружающая действительность.

Для идеологем характерна жесткая соотнесенность с выделенными в данном обществе социальными группами. Идеологема представляет собой основание для политической активности, это понятийная структура, которой придерживаются члены партии и которая дает им силу действовать и противостоять другим политическим группировкам. Можно сказать, что политические партии представляют собой объективации идеологем.

Социалистические мифологемы.

В социалистическом государстве были созданы почти тепличные условия для понятийных спекуляций и для формирования мифологических представлений, свободных от необходимости какого-либо соотнесения с окружающей жизнью. Логика и социальная техника таких форм ухода от действительности описана Мерабом Мамардашвили в его воспоминаниях, где показано как сформировалась спекулятивная диссидентская философия, связанная с его собственным именем и с именем Георгия Щедровицкого (последний даже ввел термин "мыследеятельность" для обозначения чисто советского типа деятельности, тождественного мышлению о ней. Советские люди, профессионально или любительски "интересующиеся философией", осмысливали фундаментальные категории, формально ключевые для государственной мифологии (такие как бытие и сознание, деятельность, структура и функции, классы и классовая борьба, и многие другие), однако давали им неортодоксальные интерпретации. Особую важность для социалистических мифоманов приобрели попытки спекулятивно постичь природу времени, осмыслить суть и смысл прошлого, настоящего и будущего в применении к истории России и мира. Три поколения людей, живших в условиях, при которых другие формы социального бытия представлялись зеркальной противоположностью их собственной реальности и для которых действие было эквивалентно осмыслению действия, выработали логически чистые и непротиворечивые представления об устройстве мира, о том, что в этом мире существует, как существующее функционирует и почему так происходит.

Эти представления - усилиями советских обществоведов-марксистов-оформились в идеологемы "настоящего коммунизма", прогрессизма, фундаментализма. Эти идеологемы можно рассматривать как архетипические представления о структуре исторического времени. Прошлое, настоящее и будущее в них имели сакральный смысл, отчужденный от человеческой деятельности и внешним образом определяющий ее цели. Историческое время в представлениях людей, пытавшихся осмыслить свое бытие в социалистическом мире, приобретало особую (циклическую или линейную) структуру, в которой исторические события наделялись позитивным или негативным смыслом в зависимости от того, что они значат для будущего или какие события прошлого они воспроизводят.

Для коммунистов (под которыми в данном тексте понимаются люди, разделяющие коммунистические убеждения "нутром" и не представляющими себе иных

форм организации социальных отношений) прошлое структурировалось сообразно коммунистической интерпретации истории. Предвидимое светлое будущее было для них воспроизведением "хорошего" исторически оправданного прошлого, а именно - периода Октябрьской революции и короткого отрезка времени от революции до смерти Ленина или до начала индустриализации и коллективизации. Коммунисты считали, что в процессе строительства социализма были допущены серьезные ошибки, и если их исправить, то вполне возможен возврат к идеальной модели, разработанной классиками марксизма-ленинизма и искаженной Сталиным, Хрущевым или Брежневым. Коммунистическая мифологема воспроизводилась многочисленными преподавателями марксизма, неудовлетворенными тем, что повседневная реальность не соответствует модели, которую многие из них, таясь от кураторов из парткомов, внедряли в головы своих учеников.

В отличие от коммунистической, фундаменталистская мифологема основана на предположении, что ошибки, приведшие к тому, что в настоящем нельзя жить, были сделаны в феврале или октябре 1917 года, либо еще раньше, когда языческая Русь приняла православие. Будущее фундаменталистов - это воспроизведение (возврат к) хорошего прошлого - Российской империи или дохристианской социальной структуры и мифологии. Фундаменталистские ориентации были характерны для творческой интеллигенции, для писателей и литературоведов.

Отметим, что для фундаменталистов и коммунистов специфично циклическое представление исторического времени, в котором будущее справедливое общество в своих основных чертах должно воспроизводить патриархальную структуру отношений, и построение которого означало бы некое возвращение к первоистокам и к не испорченной культурой и цивилизацией природе человека (национальной или коммунистической).

Для третьего направления социалистической мифомании - прогрессистского - существенно линейное представление исторического времени, при котором прошлое и настоящее, в равной степени бессмысленные и жестокие, служат лишь пролегоменами к светлому будущему, строящемуся руками и умами технической и научной интеллигенции. Для прогрессистов характерна уверенность в эквифинальности исторического развития и в том, что какие бы неожиданные повороты и завихрения не испытывала история, в любом случае ее цель - построение технической цивилизации, конвергенция двух или более социальных систем в некое единое человечество с судьбой, определенной техникой и технологиями. Для прогрессистов настоящее представляется только материалом для построения будущего. Прошлое и ограничения, которые прошлое и настоящее накладывают на будущее несущественны для этого типа социалистических мифоманов. Прогрессистскую мифологему исповедовывала техническая и научная интеллигенция и близкие к ней адепты культурного авангарда.

Необходимо отметить, что для людей, пытавшихся осмыслить свое место в истории, тот исторический момент, в котором они находились (настоящее), был лишен особого исторического смысла. Он было лишь переходным этапом от "плохого" или "хорошего" прошлого к будущему, которое для одних должно было стать воспроизведением "хорошего" и "исторически полноценного" прошлого, а для других - чем-то принципиально новым, где "плохому" настоящему не будет места.

Для прогрессистов, фундаменталистов и коммунистов общим являлось пренебрежение настоящим и тем что его воплощает: государством и его чиновниками. Социалистическое государство, с точки зрения носителей мифологем, было абсолютно неприемлимым, но по разным основаниям. Для коммунистов социалистическое государство представлялось неадекватным воплощением заветов классиков марксизма-ленинизма. Для фундаменталистов был неприемлимым социалистический интернационализм и те конкретные формы, которые имела в социалистическом государстве национальная политика и отношения с конфессиями. Для прогрессистов

социалистическое государство представилось монстром, тормозящим научно-технический прогресс и сопротивляющимся новым социальным технологиям.

Но были среди мифоманов люди, которым в принципе чужды попытки понять и прошлое, и будущее. Эти “государственные” люди (аппаратчики по мировоззрению), в отличие от других мифоманов, жили только настоящим, для них прошлое существовало только в той степени, в которой было необходимо для обоснования настоящего. Будущее же было просто воспроизведением настоящего в его ключевых - для аппаратчиков - моментах - съездах партии, заседаниях Политбюро, перевыполнениях государственных планов. История переписывалась государственными людьми в зависимости от требований момента, а будущее определялось государственными планами социально-экономического развития и научно-технического прогресса. Аппаратчики были носителями четвертой мифологемы, они жили моментно, вне прошлого и будущего, от съезда к съезду, от пленума к пленуму, и от одного заседания Политбюро до другого.

Аппаратчик - это особое состояние души советского человека, не совпадающее с социально-учетным статусом. Управленцы - как социальная страта - вовсе не обязательно были аппаратчиками по своему восприятию исторического времени. Среди них были коммунисты, прогрессисты и фундаменталисты, и среди управляемых аппаратное мировоззрение было не менее распространенным, чем среди управляющих.

Воспроизведение мифологем коммунизма, фундаментализма, прогрессизма обеспечивалось аппаратом управления государством, естественно не прямым образом. Аппаратная мифологема официально транслировалась в системе образования, политического просвещения и средств массовой информации, но при восприятии ее гражданами государства ее “понятия” переинтерпретировались в обыденных теориях, объясняющих расхождение между обыденной реальностью и государственными представлением о ней, т. е. в мифологемах коммунизма, фундаментализма и прогрессизма.

Формальное представление структуры мифологем.

Известно (Леви-Стросс), что мифологемы (сказки) имеют жесткую внутреннюю организацию, для описания которой был разработан специальный аппарат структурализма. Инвариантность строения мифологем позволяет анализировать их, используя методы, в принципе неприменимые для описания собственно идеологических и политических структур.

Необходимо отметить, что понятия и конкретизации коммунистической, фундаменталистской, прогрессистской и аппаратной мифологем - абстракции слишком высокого уровня, их лишь номинально можно использовать для описания общественного сознания социалистического общества. Для более детального анализа предположим, что понятие мифологемы можно развести на понятие мифологизированного мировоззрения и понятие типа ментальности, описывающего способ осмысления реальности. Предположим, что названные понятия характеризуют особым образом устроенное мифологическое пространство, образованное отношениями между уровнями мифологического мировоззрения и типами ментальности. На рис.57 представлена схема такого мифологического пространства, где на столбцы матрицы вынесены наименования мифологем-мировоззрений (коммунистического, прогрессистского, фундаменталистского и аппаратного), а на строки наименования типов ментальности (коммунистического, прогрессистского, фундаменталистского и аппаратного).

В понятие типа ментальности входит характеристика способа осмысления реальности и ее структурирования. Так аппаратчик, например, структурирует обыденность в терминах аппаратной интриги, а коммунист рассматривает значимые для

него персонажи как продолжателей дела Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина и фиксирует несоответствие между идеалом и сегодняшней нормой.

В понятие мировоззрения входит способ аргументации установок, который ограничивает область применяемых примеров (аргументация примерами и мышление аналогиями вообще можно рассматривать как специфическую черту мифологического мышления, используемых для обоснования конкретных действий). Так например, для прогрессистского мировоззрения характерно использование для обоснования содержательных высказываний "положительных" примеров, взятых из новейшей истории "развитых стран", и "отрицательных" - из истории развивающихся стран. В то же время для фундаменталистского мировоззрения характерно использование "положительных" примеров из исторического прошлого, а "отрицательных" - из новой и новейшей истории развитых стран и газетной хроники.

Совпадение (одноименность) мировоззрения и типа ментальности рассматривается в данной работе как частный случай мифологемы, в то время как в общем случае способ осмысления реальности (тип ментальности) и способ аргументации примерами (мировоззрение) не совпадают.

Каждое сопряжение уровня мировоззрения и типа ментальности (столбца и строки матрицы рис. 1) отождествляется с чистым (идеальным) типом. Под идеальными типами в данной работе понимаются теоретические конструкты (понятия), объем и содержание которых целиком и полностью определяются формальными теоретическими отношениями. Эти понятия освобождены от атрибутивного эмпирического содержания и имеют смысл только в совокупности, в упорядоченных формальных отношениях между собой.

Идеальным типам присваиваются собственные имена, т.е. они отождествляются с именами реальных действующих лиц перестройки или постперестроечного общества. Естественно, такое отождествление характеризует не реальное действующее лицо, а предельно идеализированное (теоретическое) представление о носителях социалистического менталитета.

Рисунок 54 Формальное представление структуры доперестроечного идеологического (мифологического) пространства.

тип менталь	коммунист	фундамен-тали	прогресс	аппаратчики
тип мировоззр				
коммунистиче	Нина Андр	Зюганов	Владими	Лигачев
фундаменталистск	Василий Белов	Дмитрий Васильев	Прохано	Жирновский
прогрессистск	Заславская	Алкснис	Андрей	Гавриил
аппаратный	Гиренко	Крючков	Горбачев	Николай Рыжков

Идеальным типом коммуниста-исповедника коммунистического мировоззрения (пересечение коммунистического уровня мировоззрения и типа "коммунист") в данном случае

считается НИНА АНДРЕЕВА, в то время как идеальным фундаменталистом считается ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВ, идеальным прогрессистом - АНДРЕЙ САХАРОВ, идеальным аппаратчиком - НИКОЛАЙ РЫЖКОВ.

Другие пересечения типов мирооозрения и типов ментальности не пусты и могут быть (с точностью до модельных представлений) отождествлены с одним из политических деятелей перестройки, заявившим свое специфическое восприятие исторического времени. Содержательно это означает, что некто, например писатель Василий Белов, может рассматриваться как носитель фундаменталистского мировоззрения, для которого "светлое" будущее является воспроизведением "хорошего"

прошлого, т.е. не испорченного никакими западными влияниями русского национального начала. Однако "хорошее прошлое" Белов осмысляет как коммунист, выделяя в нем из всего многообразия известных реалий коммунистическую и почти что первобытную по своей чистоте общину (см. "Лад" Василия Белова или "Русофобию" Игоря Шафаревича).

Рассмотрим теперь наполнение матрицы. **ВАСИЛИЙ БЕЛОВ** - так обозначается специфическое сочетание фундаменталистского мировоззрения с коммунистическим типом ментальности.

Своеобразной альтернативой БЕЛОВУ (в мифологическом пространстве, описываемым использованным аппаратом) выступает "ЗЮГАНОВ" (прототип - секретарь ЦК РКП Геннадий Зюганов. Для ЗЮГАНОВА характерно коммунистическое мировоззрение (будущее - воспроизведение хорошего в коммунистическом смысле прошлого, т.е. ленинских норм и принципов), но это прошлое осмысляется этим идеальным типом с фундаменталистских (прорусских) позиций.

Сочетание прогрессистского мировоззрения и коммунистического типа ментальности отождествлено с **ТАТЬЯНОЙ ЗАСЛАВСКОЙ**. Для прототипа (академика-социолога) историческое прошлое страны не более чем материал для строительства светлого будущего, в котором, однако, должны торжествовать отношения справедливого (коммунистического) распределения - от каждого по способности, каждому - по труду или потребности. Естественно, что способности, и потребности этот тип определяет как некие социально-учетные характеристики: так человек, имеющий высшее образование и специальность, имеет способность работать по этой специальности, а его потребности должны быть представлены как потребности по полу, возрасту, образованию, месту жительства и так далее, и тому подобное.

Тип мифоманов **ЛЫСЕНКО** (прототип народный депутат России и организатор марксистской платформы в КПСС Владимир Лысенко) определяется сочетанием прогрессистского типа ментальности (ориентация на построение прекрасного будущего независимо от исторических ограничений) и коммунистического мировоззрения (возврат к ленинским нормам партийной жизни).

Тип **ГОРБАЧЕВ** (прототип - генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Горбачев) определяется сочетанием аппаратного типа ментальности (действия и осмысления действия в реальном аппаратном времени) с прогрессистским мировоззрением.

Альтернативой ГОРБАЧЕВУ в мифологическом пространстве выступает **ПОПОВ** (прототип- автор концепции административно-командной системы Гавриил Попов) - прогрессист по типу ментальности, но с аппаратным мировоззрением.

Тип **ПРОХАНОВ** (прототип - нынешний редактор газеты "Завтра(День)" Анатолий Проханов) - определяется сочетанием фундаменталистской ментальности с прогрессистским мировоззрением.

Альтернативой ПРОХАНОВУ выступает **АЛКСНИС** (прототип полковник Виктор Алкснис), у которого прогрессистский менталитет сочетается с фундаменталистским мировоззрением.

Тип **КРЮЧКОВ** (прототип - бывший глава КГБ Крючков) определяется как аппаратчик с фундаменталистским мировоззрением, а тип **ЖИРИНОВСКИЙ** (прототип - лидер либерально-демократической партии Жириновский) - как фундаменталист с аппаратным мировоззрением.

Прогрессистов как тип (**САХАРОВ, ПОПОВ, ЛЫСЕНКО, АЛКСНИС**) объединяла устремленность в будущее, хотя это будущее представлялось им разным. Тип **САХАРОВ** жил будущим, для него прошлое и настоящее представлялись только материалом для строительства. Это давало представителям этого типа великую силу морализаторства, но исключало участие в сегодняшних союзах и противостояниях. Тип **ПОПОВ** рассматривал будущее как реализацию принципов управления, очищенных от наследия административно-командной системы. Это тип без прошлого, настоящее для

его представителей непосредственно склеено с будущим. Типы ЛЫСЕНКО и АЛКСНИС не имели настоящего, их представители отрицали государство как его воплощение. Но будущее ЛЫСЕНКО сопрягалось с ленинским прошлым, а будущее АЛКСНИСА - с реалиями, не имеющими отношения к коммунистической интерпретации истории.

Аппаратчиков (типы ГОРБАЧЕВ, РЫЖКОВ, ЛИГАЧЕВ, КРЮЧКОВ) объединяла ситуативность в сомыслении реальности, а разделяло мировоззрение. ГОРБАЧЕВ жил сиюминутной интригой ради построения светлого социалистического будущего, в то время как для РЫЖКОВА будущее было только воспроизведением настоящего в категориях планирования и управления. Для ЛИГАЧЕВА настоящее выступало воспроизведением ленинских норм партийной жизни, и в этом смысле для него будущего не существовало. Для КРЮЧКОВА настоящее было окрашено в фундаменталистские тона, оно должно было стать реализацией хорошего прошлого, в котором не было места диссидентам и врагам народа и в котором каждый гражданин находился бы на своем функциональном месте.

Коммунистов (ЗАСЛАВСКАЯ, ГИРЕНКО, АНДРЕЕВА, ЗЮГАНОВ) объединяло сходство в вере в возможность построения светлого коммунистического будущего, которое было бы воспроизведением "золотого века" коммунистической организации жизни, а разъединяло мировоззрение. Если для ЗАСЛАВСКОЙ представление о будущем было окрашено в прогрессистские тона, то для ЗЮГАНОВА будущее было связано с теми зачатками коммунизма, которые произрастали в русской общине.

Фундаменталисты, прогрессисты и коммунисты до перестройки существовали относительно независимо, и если они как-то взаимодействовали, то только в ситуациях противостояния государству и его чиновникам-аппаратчикам. Существовало трогательное единство "настоящих коммунистов", фундаменталистов и прогрессистов в противопоставлении аппаратчикам, воплощавшим для других мифоманов все то, что не может и не должно существовать. Однако все группы мифоманов оставались в рамках социалистических идей и концепций, в которых государство и производные от него институты доминируют над обществом и личностью.

Перестройка как попытка реализация мифологем.

В годы торжества реального социализма люди жили в двух мирах одновременно- мифологическом и обыденном, и любому событию в одном из них находилось мифологизированное объяснение в другом, причем такое, что поведение представлялось однозначно детерминированным внешними по отношению к человеку обстоятельствами другого мира. Советские люди не несли ответственности за происходящее с ними, все совершалось помимо их воли и под влиянием не зависящих от них сил. Свобода воли проявлялась в самом факте наличия убеждений, не совпадающих с представлениями, которые навязывались государством.

В годы перестройки однозначная детерминированность поведения исчезла, но не появилось личной ответственности. Деятели перестройки несли прогрессивные идеи в массы, они выступали от имени и по поручению пострадавших в годы строительства и торжества социализма, от имени идеи, сама значимость которой оправдывала их поведение. Деятели перестройки отождествляли себя с лидерами, такими как Сахаров или Горбачев, и выступали от их имени и по их поручению. Самоопределение и личная ответственность проявлялись в том, чтобы разделять взгляды харизматических лидеров, поддерживать и пропагандировать их идеи.

Перестройку, особенно в части гласности, имеет смысл рассматривать как вербализацию мифологем и институализацию групп их носителей. Поскольку социальное действие в мифологизированном обществе в первую очередь заключается в говорении,

постольку гласность стала первой формой социального действия, при которой люди начали говорить о чем они думают. В эпоху гласности мифологемы, исповедуемые частными людьми, приобретшими в общественном сознании статус харизматических лидеров (их имена используются в этой работе для обозначения идеальных типов) стали предметом общего социального интереса и вышли на страницы перестроечной печати.

Разрушение общественного сознания социалистического общества - мифологических интерпретаций исторического времени - во многом было обусловлено распадом системы управления государством, как и наоборот: распад системы управления усиливал деструкцию мифологем. Это был своего рода автокаталитический процесс, в котором сиюминутные дисфункции в системе управления государством немедленно получали соответствующую мифологическую (историко-культурную) интерпретацию, а группы, разделяющие конкретную мифологему, своими действиями, ориентированными на изменение настоящего и приведение его к идеальному (заданному мифологемой) виду, ускоряли распад иерархий государственного управления.

Однако первые 2-3 года перестройки продемонстрировали ущербность всех мифологических конструкций - ни одна из них не стала и не могла стать основой для формирования идеологем как основ программ политических партий и организаций. Все они оказались несвоевременными. Именно поэтому началось интенсивное взаимопроникновение мифологем и взаимообогащение теми проекциями исторического времени, которых они были лишены при конструировании. Это взаимопроникновение и означало разрушение мифологем и превращение их в подобию идеологем, где прогрессистское ожидание будущего, например, обогащалось аппаратным представлением о настоящем и фундаменталистским представлением о прошлом. Распад мифологем начался с появления еретиков-ораторов и интеграции их последователей в группы, более политические, чем мировоззренческие.

Гласные возможности первого этапа перестройки показали мифоманам всех направлений и оттенков, что некоторые высшие функционеры государства гораздо ближе им по интересам и убеждениям, чем представлялось до этого. Сама возможность сотрудничать с высшими функционерами государственного аппарата для того, чтобы привести реальность в соответствие с мифологическими представлениями о идеальном общественном устройстве, казалась коммунистам, фундаменталистам и прогрессистам настолько привлекательной, что они вступили в союзы с теми работниками аппарата управления, которые придерживались сходных ориентаций.

Оформление союзов (неявных, скорее по положению, а не по совместным действиям) привело к консолидации мифоманов и к появлению протоорганизаций, таких как "Московская трибуна" (объединение прогрессистов), "Память" (объединение фундаменталистов) и многочисленных коммунистических фракций, пытавшихся вернуть КПСС на путь строительства настоящего коммунизма. Эти направления мифологического творчества имели опору в определенных государственных институтах. В частности, прогрессисты ориентировались на государственные экономические подразделения, такие как Госплан и академические институты, и пользовались персональной поддержкой членов и кандидатов в члены Политбюро с прогрессистскими ориентациями. Фундаменталисты ориентировались на силовые государственные структуры (армию, МВД, КГБ) и пользовались поддержкой части руководителей этих ведомств. Коммунисты ориентировались на идеологические институты КПСС и пользовались поддержкой идеологических лидеров РКП.

В доперестроечные времена различие в мифологических ориентациях между высшими государственными функционерами если и приводило к напряжениям при принятии решений, то оставалось скрытым от наблюдения и недоступным для интерпретации. В первые годы перестройки демонстрация различий в позициях высших руководителей партии и государства привела к тому, что их имена стали обозначением конкретных мифологических позиций. В частности, с именем Егора Лигачева тесно

ассоциировались носители аппаратного мировоззрения, с именами Горбачева и Яковлева - носители прогрессистского мировоззрения, а воплощением фундаменталистского начала стал Крючков, и т.д.

Политические отношения после такой идентификации стали представляться сторонним, но ангажированным наблюдателям - мифоманам личными или почти личными отношениями между их единомышленниками в аппарате управления государством. Борьба между Лигачевым, Горбачевым и Ельциным, в соответствие с нормами мифологического мышления, стала рассматриваться мифоманами как борьба между добром и злом. Аппаратная кухня предстала в публикациях мифоманов битвой очеловеченных богов, в которой боги нуждались в поддержке простых людей, фундаменталистов, прогрессистов или коммунистов по убеждению. Мифоманы-прогрессисты, коммунисты и фундаменталисты дружно выступили против мифоманов-аппаратчиков, ослабив их позиции в системе управления государством и создав тем самым условия для распада его высшего уровня управления.

Формальное представление распада мифологем и формирования частичных идеологем.

Распад мифологем, связанный с переходом от кухонных и салонных разговоров к практическому политическому действию (митингу, демонстрации, организации политической партии и пр.) происходит по вполне определенным законам и может быть описан в терминах формальной схемы. Если обратиться к рис. 2, то начальный этап этого процесса можно представить как некоторое взаимодействие между элементами схемы. Так, носители коммунистической и фундаменталистской мифологем локально взаимодействовали, формируя некоторое относительно замкнутое пространство сначала дискуссий, а потом и организационных действий.

В дальнейшем, по мере организационного оформления, описываемое взаимодействие оформилось в национал- социалистические движения.

Точно также взаимодействовали коммунисты и прогрессисты, формируя собственно социалистическое измерение постперестроечного мифологического пространства.

В результате взаимопроникновения мифологем оформилось постперестроечной квазиполитическое пространства, представленное на рис. 2.

Рисунок 55 Структура постперестроечного мифологического пространства.

тип менталь	социал-демократическая	социалистическая	социально-патриотическая	аппаратно-коммунистическая	почвенно-коммунистическая	национал-социалистическая
уровень мировоззрения						
прогрессивно-коммунистический (Андреев-Заславский-Львов-Савин)	социал-демократический					
аппаратно-прогрессистское (Сахаров-Горбачев-Попов-Рыков)		социалистический				
прогрессивно-фундаменталистский (Васильев-Проханов-Алексеев-Савин)			патриоты государственники			
аппаратно-коммунистический (Гиренко-Лигачев-Андреев-Рыков)				коммунисты		
коммуно-фундаменталистский (Андреев-Зюганов-Белов-Васильев)					коммунисты-почвенники	
аппаратно-фундаменталистский						национал- социалистический

Васильев-Крючков-Жириновский Рыбаков)						листы
--	--	--	--	--	--	-------

Комплексные (сочетающие компоненты разных мифологем) уровни мировоззрения и типы ментальности рассматриваются как элементы постперестроечного мифологического пространства, в котором каждый (кроме диагональных) из производных элементов матрицы является носителем формально полноценного представления об историческом времени. Идеальные типы, представленные пересечением строк и столбцов должны иметь некоторое осмысленное представление о прошлом (интерпретацию истории), развернутую конструкцию желаемого будущего (программу партии) и реализованное в какой-либо организационной структуре представление о настоящем. Однако не-диагональные элементы матрицы сейчас не представляется возможным идентифицировать из-за неструктурированности политической жизни.

Поэтому рассмотрим диагональные элементы матрицы рис. 2., в которых представлены еще вполне мифологические компоненты российского политического пространства. Для социал-демократов характерна устремленность в будущее (от прогрессистов) и ориентированность на “хорошее коммунистическое прошлое” (от коммунистов). Настоящее для социал-демократов неприемлемо и воспринимается ими как некое “искривление” истории, нуждающееся в исправлении. Строительству будущего, в котором воспроизведутся элементы коммунистического прошлого, мешает только настоящее с его неадекватными структурами власти- т.е. в представлениях российских социал-демократов нет места настоящему как самодовлеющей реальности. Отсутствие настоящего как онтологической категории проявляется, в частности, в том, что у социал-демократов практически отсутствует организационная структура- воплощение представлений о настоящем в партстроительстве.

Для социалистов, в отличие от социал-демократов, характерна устремленность в прогрессистское будущее, опирающаяся на вполне оформленные представления о настоящем, воплощенное в организационной структуре социалистических партий. Республиканская партия и профсоюзные движения (типичные социалисты) имеют вполне четкую организационную структуру, в отличие от социал-демократов Вольского или Александра Яковлева.

Для патриотов-государственников характерно пренебрежение настоящим (как государством, которое не приемлется, так и внутренней структурой собственных движений и партий), и устремленность в светлое докоммунистическое российское прошлое. Поэтому патриоты-государственники не имеют какой-либо четкой и однозначной организационной структуры.

Коммунисты нового поколения будущее редуцируют к настоящему, к аппаратным отношениям, воспроизведение которых должно создать условия для построения коммунистического государства. Поэтому партийная структура у коммунистов хорошо отлажена, что и демонстрирует выборная активность многочисленных коммунистических партий России.

Коммунисты-почвенники (национал-коммунисты) стремятся к воспроизведению коммунистического прошлого, но в принципиально иной - русско-национальной модели. Представления о настоящем и, следовательно, организация у них практически отсутствуют.

Национал-социалисты последовательно и хорошо организовано реализуют фундаменталистские идеи, создавая жесткие военнизированные организационные структуры, примером чему может служить ЛДПР Жириновского и национал-социалисты Лысенко.

Контуры политической системы постперестроечного общества.

Партии и организации, представленные на рисунках идеальными типами, можно рассматривать как своего рода протоорганизации, в основе идеологии которых лежат понятийные структуры, формально удовлетворяющие требованиям к идеологемам. Однако у социалистов всех оттенков (от социал-демократов до национал-социалистов) отсутствует социальная база в общепринятом смысле этого понятия. Дело в том, что политические партии и организации в обычных социальных системах опираются на вполне определенные социальные группы и слои, выражая их интересы и представления об естественных формах организации социальной и экономической жизни. Соответствие между политической и социально-экономической структурами в данном конкретном обществе вырабатывается очень долго (в историческом времени) и, как правило, быстро меняется в зависимости от экономической динамики и конъюнктуры.

Сегодняшние социалистические партии и организации в России соотносятся с социально-учетными группами-классами доперестроечного государства, существовавшими нормативно - с рабочими, крестьянами и служащими. Но нормативное существование вовсе не было реальным политическим существованием. После распада социалистического государства классы социалистического общества "ожили" и стали социальной базой социалистов. В роли рабочих сейчас выступают руководители и функционеры некоммерциализированных государственных предприятий, в роли крестьян - руководители и функционеры колхозов, совхозов и многочисленных надстроек над ними, а в роли служащих - те врачи, учителя, работники репрессивных органов и системы государственного управления, которые в ходе экономической реформы и политических преобразований оказались лишенными государственных льгот и гарантий. Кроме того, к социалистам тяготеют те, кто и в доперестроечные времена был маргиналом, а в годы перестройки стал ее прорабом и проповедником. Эти бывшие диссиденты, которым нет места ни в одной рационально устроенной экономической структуре. В сегодняшней коммерциализирующейся системе они лишились даже тех ситуативных источников существования, которые имели до перестройки и во время нее и стали ведущими авторами "газеты духовной оппозиции" "Завтра".

Политическая активность социалистических партий и организаций структурирована так, как будто классы рабочих, крестьян и совслужащих действительно существуют. Эта политическая активность направлена на воссоздание того государства, в котором классы существовали нормативно, т.е. СССР в том или ином виде. Социалисты направляют свои усилия на воссоздание реально никогда не существовавшей социально-классовой структуры в условиях, когда очень быстро разрушается доперестроечная социальная стратификация, и люди, не мыслящие себя вне государственной организации пространства и времени, оказываются лишенными ориентиров, маргиналами. Последние также ищут опору в жизни, пытаются понять, кто же они. Вольно или невольно им приходится отождествлять себя с рабочими, крестьянами и служащими, так как никаких других социальных страт они просто не знают.

Можно выделить несколько слоев в политической организации постперестроечного общества. Первый слой составляют организации и группы, которые в практически неизменном состоянии перешли из перестраивающегося СССР в постперестроечную Россию. Это последователи Андрея Сахарова (остатки "ДемРоссии" в разных вариантах), Дмитрия Васильева (остатки "Памяти" и аналогичных организаций фундаменталистов), Нины Андреевой (мелкие коммунистические организации и партии). Эти организации практически не оказывают влияния на принятие решений и представлены во властных структурах единичными функционерами далеко не первого ранга.

Второй слой составляют группы и объединения (союзы) социалистического направления, руководимые людьми, политические установки которых в той или иной

степени описываются теоретической схемой данной работы. В частности, это всякого рода “центристы”, проигрывающие одни выборы за другими. Оппонентами “центристов” в пределах того же самого социалистического менталитета выступают разного рода национал-патриотические и коммунистические оппозиции.

Третий, пока что потенциальный, слой политической организации общества составляют группы и союзы людей, имеющих общие экономические интересы и не являющиеся носителями социалистических мифологем. В ближайшее время принципиально новым явлением в политике может стать возникновение буржуазных партий и организаций либерально-демократической направленности, имеющих в качестве социальной базы уже сформировавшиеся частные финансовые группы и объединения предпринимателей.

Общую политическую динамику в ближайшее время, наверное, можно представить как элиминацию первого (чисто мифологического) слоя и исчезновение его из активной политической жизни. Партии и союзы второго слоя (объединяющие людей с социалистическим менталитетом) сейчас находятся на этапе поиска социальной базы. Сейчас и в предвидимом будущем таковой выступают разночинцы, потерявшие свой статус в ходе экономических преобразований. Чем выше будут темпы преобразования социальной структуры и чем больше бывших граждан СССР будут попадать в маргинальные состояния, тем шире будет социальная база коммунистов, фундаменталистов, аппаратчиков и прогрессистов в их всевозможных сочетаниях. Формирующиеся сейчас социально-структурные группы (такие как владельцы мелких предприятий, фермеры, и т.п.) могут при определенных условиях усваивать социалистическую мифологию.

Выборы 17 декабря 1995 года как этап становления структуры нового мифологического пространства.

Политические отношения в России, как показано выше, развивались в мифологическом пространстве, образованном отношениями между аппаратом управления государством, с одной стороны, и носителями социалистических в своем генезисе мифологем: аппаратчиками, прогрессистами, фундаменталистами и коммунистами в их различных модификациях, с другой.

Постперестроечная история - это попытка прорыва мифоманов к государственной власти, вполне (в последнее советское время) рациональной, однако безъязыкой, поскольку действия носителей власти (КПСС в частности) не имели идеологического обоснования: коммунистическая мифологема существовала в аппарате управления СССР на почти нелегальном основании и ее носители преследовались почти также, как фундаменталисты и прогрессисты.

В начале собственно российской государственности прогрессисты оказались приближены к власти, одно время даже стали ею - во времена Гайдара-Бурбулиса. Тогда - в 1992- 1993 годах сложилась следующая структура политического пространства:

Прогрессисты, контролировавшие аппарат управления при частичной поддержке аппаратчиков по мировоззрению, выступали против коммунистов и фундаменталистов, образующих ситуативные союзы, направленные против прогрессистов. Содержательно это противостояние проявлялось в конфликтах между исполнительной и представительной ветвями власти, причем исполнительную власть (собственно аппарат управления) контролировали прогрессисты, в то время как в представительской власти (Верховном совете России) доминировали коммунисты и фундаменталисты.

После путча и выборов 1993 года прогрессисты были вытеснены из аппарата управления, контроль за которым перешел к носителям аппаратной мифологии. К началу 1995 года аппарат управления, поддерживаемый аппаратчиками по мировоззрению, оказался в конфликте со всеми другими носителями постсоциалистической мифологии: коммунистами, фундаменталистами, прогрессистами и неангажированными аппаратчиками, которые разными способами демонстрируют свое неприятие правительства, администрации президента и подконтрольной им части парламента.

Таким образом перед выборами 1995 года аппарат управления государством оказался в ситуации противостояния всем мифологически озабоченным силам, кроме части аппаратчиков, интегрированных в него, и части прогрессистов по происхождению, усвоивших аппаратную логику и мировоззрение.

Еще за три месяца до выборов - в начале осени 1995 года - мифоманы были представлены малыми и очень малыми группами (партиями), различающимися между собой нюансами в интерпретации прошлого, настоящего и будущего. Постперестроечная дифференциация мифологического пространства привела, как уже говорилось, к взаимпроникновению мифологии, и к тому, например, что в концепциях у прогрессистов вынужденно появились представления о прошлом, частично заимствованные у коммунистов и фундаменталистов, а их опыт общения с настоящим обогатился за время, в течении которого они контролировали аппарат управления.

Предвыборное многообразие политических партий и политизированных организаций было связано с дифференциацией политизированных групп из-за частных заимствований из противопоставленных мифологии. Заимствования лозунгов, тезисов, отношения к историческим событиям, как правило, вызывали расколы среди ранее единых групп из-за несогласия с содержанием заимствования - с последующим оформлением расколовшихся групп в самостоятельные политизированные объединения или партии. Так, прогрессиста Бориса Федорова не принимают прогрессисты Григория Явлинского (и обратно) на том основании, что в его концепции существенны заимствования из фундаменталистской мифологии.

Раздробленность мифологически озабоченной и вследствие этого политически активной части населения естественна и - не будь выборов - привела бы к полной атомизации групп носителей мифологии и практическому исчезновению самих концептуальных оснований мифотворчества из-за естественной убыли его субстрата.

Выборы в представительские органы власти "оживили" постсоветское мифологическое пространство и стимулировали активность его составляющих - политических партий и политизированных организаций. Стимул к интеграции разрозненных политических сил заключался в том, что они все в целом и каждая из них в отдельности претендовали на легитимное оформление (в ходе выборов) права контроля за аппаратом управления государством. Вполне естественно, что преодоление раздробленности осуществлялось через инверсию к исходной и достаточно определенной мифологической структуре, описываемой рис 1.

Этот процесс свертывания не может быть завершен по определению, но можно представить его логику - как инверсию векторов, по которым ранее шла дифференциация партий, блоков и групп. Поскольку векторов было несколько, то и итог интеграции по меньшей мере не очевиден. Возникшее в ходе подготовки к выборам мифологическое пространство при внешнем сходстве с исходным-перестроечным, явно отличалось от последнего большей связностью между фигурантами прежде всего потому, что последние имели опыт взаимодействия между собой, приобретенный в основном в ходе конфликтов с аппаратом управления государством.

Рисунок 56 Эскиз структуры предвыборного (1995 год) мифологического пространства.

тип ментальности	коммунисты	фундаменталисты	прогрессисты	аппаратчики
тип мировоззрения				
коммунистический	<u>Зюганов</u>	Тюлькин	Владимир Лысенко	Лапшин
фундаменталистский	Анпилов	<u>Ник. Лысенко</u>	Борис Федоров	Жириновский
прогрессистский	Полеванов	Руцкой	<u>Явлинский</u>	Скоков
аппаратный	Лигачев	Стерлигов	Гайдар	<u>Черномырдин</u>

Можно сказать с определенностью, что были определены диагональные элементы нового пространства - место Нины Андреевой занимал Зюганов, место Дмитрия Васильева - Ник. Лысенко, место Сахарова - Явлинский, место Рыжкова - Черномырдин.

В этом пока еще формирующемся мифологическом пространстве разворачивались предвыборные конфликты, заключались союзы-блоки, направленные на увеличение потенциального электората. Вербализуемым основанием для интеграции, как представляется, служили более-менее четко оформленные представления о желаемом для России типе государственности, которые стали необходимым элементом всех предвыборных платформ.

Представления о типе государственности, декларировавшие участники политического процесса, можно разделить на имперские, государственнические, удельно-княжеские, шовинистские и космополитические.

Империалисты декларировали необходимость имперского устройства России - это империя, где всем этносам есть место (Скоков).

Государственники ориентировались на федеративное государство (вернее - приемлимый с точки зрения мирового сообщества тип российской государственности)- (Черномырдин)

Удельные князья ориентировались на такой тип государственности, который не будет мешать их местническим интересам (Строев).

Шовинисты ориентировались на русской мононациональное государство с доминированием титульного этноса над инородцами и иноверцами (Стерлигов).

Космополиты ориентировались на транснациональные институты власти при подчиненном положении национального государства (Гайдар).

Исповедуемая мифологема и тип желаемой государственности послужили основанием для структуризации фигурантов выборов в парламент 1995 года. Вынесем типобразующие различия (тип исповедуемой мифологемы и тип желаемой государственности) на строки и столбцы матрицы рисунка 59 и определим политиков, действовавших на выборах, как отношения между типобразующими элементами.

Избиратели голосовали за вполне определенные блоки и партии, в том числе и те, которые персонифицировались политиками, внесенными в матрицу. Так, коммунисты и аграрии (пересечение столбца “коммунисты” со строкой “государственники”) вместе получили примерно 22 процента голосов, в то время как НДР вместе с объединением Рыбкина (партия власти-”государственники-аппаратчики”) получило 13 процентов голосов. Партия Гайдара (космополиты-прогрессисты) получила 5 процентов голосов, в то время как партия Жириновского (шовинисты-прогрессисты) получила 10 процентов. Если предположить, что сумма голосов по каждой строке и столбцу матрицы равна 100 процентам, то отдельные реальные (по данным Центризбиркома) цифры позволяют построить распределение голосов избирателей, готовых проголосовать за отдельные, вполне конкретные и персонифицируемые группы мифоманов.

Результат такого расчета представлен таблицей рис. 4 -цифрами под фамилиями принимавших и не принимавших участия в выборах 1995 года политиков

Рисунок 57 Идеализированное расчетное распределение электората по результатам парламентских выборов 17 декабря 1995 года

тип мифологемы	аппаратчики	коммунисты	фундаменталисты	прогрессисты	100
тип желаемой государственности	31	31	6	32	
государственники сумма	Черномырдин+ Рыбкин	Зюганов+ аграрии	Руцкой	Явлинский + Ст. Федоров	
48	13	22	2	11	48
удельные князья сумма	Лужков	Строев	Шаймиев	Немцов	
12	6	2	1	3	12
империалисты	Скоков	Анпилов+	Стерлигов+	Борис Федоров +	
11	4.5	2.5	1	3	11
шовинисты	Полеванов	Тюлькин	Ник. Лысенко	Жириновский	
17	3.5	2,5	1	10	17
космополиты	Чубайс	социал- демократы	монархисты	Гайдар	
12	4	2	1	5	12
итого 100	31	31	6	32	100

Полученное расчетное распределение - границы ниш носителей определенных мифологем в политическом пространстве России. Реальный политик мог на выборах несколько превысить квоту в случае хорошего паблик релейшн, но мог и недобрать ее - в первую очередь потому, что нишу занимал не он один. В каждой клетке находятся (могут находиться) несколько персонифицированных политических сил. Так Явлинскому пришлось делить нишу в 10 процентов со Щербаковым, Шаталиным и Шмаковым, а блок Рыбкина делил свою нишу с НДР.

Избирательные блоки, понимаемые как объединения типов в единую избирательную структуру, могли строиться по столбцам, по строкам, или по строкам и столбцам одновременно. Так идею блока НДР можно представить как союз аппаратчиков (по столбцу) и удельных князей и государственников ("Черномырдин (Рыбкин)-Лужков-Строев-Шаймиев-Немцов". В этом случае НДР мог бы рассчитывать на 25 процентов голосов - в том случае, если бы "удельные князья" единолично занимали свои ниши. Однако оппозиционеры в областях и республиках занимали те же ниши, что и первые лица, которые, к тому же, вынуждены были участвовать в выборах губернаторов. Поэтому "партия власти" набрала в сумме 13 процентов (10 НДР + 3 Рыбкин). Союз с удельными князьями не дал ощутимого прироста электората. В случае формирования партии власти за счет союза с космополитами (Чубайс-социал-демократы- монархисты-Гайдар), НДР мог бы набрать те же потенциальные 25 процентов голосов. Однако наибольшее количество электората мобилизовалось бы при формировании НДР как

союза аппаратчиков и шовинистов (Полеванов-Тюлькин-Николай Лысенко-Жириновский)- от 30 до 36 процентов голосов.

Таким образом, мифологическое пространство, возникшее в ходе строительства социализма в СССР, не только воспроизводится в России, но и оказывает по -видимому- весьма существенное влияние на становление российской государственности, по меньшей мере не добавляя ей стабильности и способности к рациональному использованию человеческих и других ресурсов.

Прогноз результатов выборов президента России.

В ходе подготовки к первому туру президентских выборов происходит дальнейшее свертывание мифологического пространства за счет объединения аппаратчиков с прогрессистами - против коммунистов и фундаменталистов (рис 5), сопровождающееся суммированием баллов по соответствующим столбцам.

Рисунок 58 Объединение аппаратчиков с прогрессистами против коммунистов с фундаменталистами в ходе подготовки к президентским выборам.

тип мифологический	аппаратчики+ прогрессисты	коммунисты+ фундаменталисты
тип желаемой государственности	63	37
государственники	Черномырдин+ Рыбкин =Ельцин 13	Зюганов+ аграрии + Руцкой + =Зюганов+ Тулеев
48	Явлинский-8	
	Ст. Федоров - 3	24
удельные князья	Лужков+ Немцов= Ельцин 9	Строев+ Шаймиев= Ельцин 3
империалисты	Скоков+ 7.5 Б.Федоров=Лебедь	Анпилов+ Стерлигов= Зюганов 3.5
11	7.5	
шовинисты	Полеванов= Брынцалов и Шаккум -3.5 Жириновский -10	Тюлькин+ Ник. Лысенко= Власов 3.5
17		
космополиты	Чубайс+ Гайдар= Ельцин	социал-демократы+ монархисты= Горбачев 3
12	9	

Свертывание мифологического пространства приводит к уменьшению числа возможных ниш и, соответственно, к уменьшению числа кандидатов на выборную должность с заменой недостаточно “сильных” личностей на более “сильных”, обладающих хоть какой-то харизмой. Так в Ельцине как персонификации возможного президента России объединяются силы, представленные Гайдаром (прогрессисты-космополиты), Чубайсом (прогрессисты-государственники), Лужковым (удельный князь-государственник) и Немцовым (удельный князь-прогрессист), Строевым (удельный князь-коммунист), Шаймиевым (удельный князь-шовинист), не говоря уже о государственных-аппаратчиках, представленных Черномырдиным и Рыбкиным.

В то же время, Жириновский (шовинист-прогрессист) представляет в избирательном процессе только самого себя, а Шаккум и Брынцалов делят электорат шовиниста-государственника Полеванова.

Если предположить, что исходное мифологическое пространство в своих основных особенностях сохранится и перед первым, и перед вторым турами выборов президента России, то можно ожидать в первом туре следующие результаты.

Рисунок 59 Гипотетические итоги первого тура президентских выборов - как результат суммирования по столбцам матрицы рис 60

	рассчетные
Ельцин	34
Зюганов+ Тулеев	27.5
Жириновский	10
Явлинский	8
Лебедь	7.5
Власов	3,5
Шаккум Брынцалов +	3.5
Федоров	3
Горбачев	3
Итого	100 процентов

Второй тур президентских выборов можно представить как суммирование распределения рис. 6 по строкам в пользу победителей первого тура - либо Ельцина, либо Зюганова.

Расчет итогов в модельном примере сделан из предположения, что электораты Явлинского, Жириновского, Лебеда и Горбачева после первого тура раскалываются - половина уходит к Ельцину, половина - к Зюганову. В то же время, электораты Бранцалова и Шаккума, Власова голосуют за Зюганова- Рис. 7.

Возможны и иные варианты расчетов- например треть электоратов Жириновского, Явлинского, Лебеда, Федорова уходит к Ельцину, треть к Зюганову, треть отказывается от участия во втором туре или голосует против всех. Электорат Власова поддерживает Зюганова, а электорат Брынцалова+Шаккума - Ельцина. Электорат Горбачева отказывается от голосования или голосует “против всех”.

Рисунок 60 Возможный итог второго тура президентских выборов.

Ельцин	Зюганов+ Тулеев	электораты выбывших претендентов
34	27.5	
5	5	Жириновский
4	4	Явлинский
4	3.5	Лебедь
-	3.5	Власов
	3.5	Брынцалов+ Шаккум
1.5	1.5	Федоров
1.5	1.5	Горбачев
50	50	

Рисунок 61 Вариант возможного итога второго тура президентских выборов-электораты распадаются пополам.

Ельцин	Зюганов+ Тулеев	электораты выбывших претендентов
34	27.5	
3.3	3.3	Жириновский
2.7	2.7	Явлинский
2.3	2.3	Лебедь
-	3.5	Власов
3.5	-	Брынцалов+ Шаккум
1	1	Федоров
-	-	Горбачев
46.8	40.2	

ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ КАК АДМИНИСТРАТИВНО-РЫНОЧНЫЙ ТОВАР.

Генезис интеллигенции.

Социальная интеграция в административно-рыночных государствах, таких как СССР и Россия, обеспечивается описанными выше институтами административного режима, отчуждения\распределения и нормативной социальной стратификации. Однако эти механизмы неэффективны в том случае, если государство ставит перед собой выходящие за пределы самосохранения цели и претендует на некую степень участия в мировом политическом, технологическом и экономическом процессе. Для того, чтобы обеспечить свои позиции в мировом сообществе необходимы не функционеры и не чиновники, а специалисты - экономисты, политики, ученые, технологи, врачи и учителя. Государство, если хочет, чтобы с ним считались, вынуждено давать образование своим гражданам, ведь неспециалисты, как показал опыт, не могут обслуживать даже краденые технологии. Специализация, однако, нарушает гармонию предустановленной социальной однородности и требует дополнительных государственных усилий по преодолению неоднородности.

Административно-рыночное государство сначала дает образование своим гражданам, а потом канализирует активность образованных людей в продвижение в системе рангов и почетных званий, каждому из которых соответствует определенная льгота и привелегия. Государство создает для этого организации с жесткой иерархической структурой, социально однородные внутри себя (академии наук, творческие союзы), внутри которых между интеллигентами идет административный торг по поводу статусного распределения предоставленных государством благ. Интеллигенция формирует локальные административные рынки, на которых интеллигентность пользуется спросом и иерархии на которых строятся по признаку "интеллигентность".

Проблемы с образованными людьми возникают у государства когда специалисты, получив образование, используют приобретенный опыт работы с понятиями и терминами не только для того, чтобы "отдав долг" государству и получив соответствующий статус и звание, иметь административно-рыночный доход со своей интеллигентности, но и для рефлексии своего положения, что неизбежно приводит к поведенческому дрейфу и к активности, не канализируемой имеющимися у государства институтами.

Интеллигентные граждане государства, рефлектируя свое положение, неизбежно выходят в общее пространство административного торга, не обладая для этого соответствующими статусами и возможностями. Они не имеют ни административного веса, ни места в разных формах дележа ресурсов. Интеллигентность вне иерархий творческих союзов не является административно-рыночным товаром.

Административно-рыночное государство вынужденно ("не для того учили") смиряется с побочной активностью профессионалов и всеми силами старается локализовать ее в формах, соответствующих принципам своего устройства и относительно безопасных для себя. До перестройки это были творческие союзы, общественные организации, клубы по интересам. После перестройки активность интеллигенции канализируется в политических партиях и движениях. Именно активность образованных людей, преобразованная административно-рыночным государством в приемлимые для него формы в данной работе называется интеллигентностью, а активисты - интеллигентами.

Далеко не все интеллигенты находят себе место в предоставляемых государством нишах, и тогда оно вынуждено применять санкции, объявляя их отщепенцами, диссидентами, врагами народа, евреями и психически больными, которым нет места ни в

локальных интеллигентских административных рынках, ни в государстве в целом. Мерой пресечения антигосударственной деятельности интеллигентов, следующей по жесткости за высылкой из страны, было исключение из творческих союзов.

Как уже подчеркивалось выше, в административно-рыночных государствах общество производно от государства и его властных интенций. Интеллигенция это не совсем желательный элемент общественного устройства, существующий согласно осознанной государством необходимости в военном-техническом прогрессе и идеологической экспансии. Интеллигенция не может существовать вне административно-рыночного государства, поскольку производна от него. Отсюда двойственность положения интеллигенции на административном рынке: она стремится к рынку, к настоящим деньгам, к демократизации государства, к добру, праву, справедливости, но в то же время на обычном рынке ей нечего продать. И более того, в правовом государстве вообще исчезает интеллигентское пространство, существование которого всегда поддерживается административно-рыночными механизмами.

Во времена стабильного административного рынка интеллигенция обслуживает государство, когда у него возникают частные задачи (такие как научно-технический прогресс), не решаемые обычными методами мобилизации государственных ресурсов (такими как всеобщее образование и принудительный труд образованных людей, массовые репрессии и сопряженное с ними географическое освоение новых территорий). Интеллигенция также государственно необходима и при ревизии основных принципов социальной однородности и для поиска новых основ для организации справедливого распределения.

Интеллигенция обычно противостоит создавшему ее государству, обсуждая и осуждая методы построения институтов справедливого иерархического распределения, его принципы и результаты. При перестройках (либерализациях), когда собственно рыночные начала начинают вытеснять административно-рыночные институты, интеллигентное общество начинает доминировать над ослабевшим государством. Общественные интенции тогда направляются на поиск путей возрождения сильного государства- т.е. воссоздание тех условий, при которых возможна административная торговля. Это, по мнению интеллигентов, необходимо прежде всего потому, что с ослабевшим государством перестают считаться значимые геополитические противники.

В такие периоды интеллигенты, которые собственно и составляют осознающее себя общество, сначала становятся влиятельными властными фигурами, а в дальнейшем, обнаружив сопротивление своим властным амбициям, пытаются вернуть жизнь в predetermined интеллигентской интерпретацией истории русло. Для этого интеллигенция конструирует образы внешнего и внутреннего врагов и предпринимает усилия по консолидации общества и государства для борьбы с ними.

Интеллигенция при либерализациях административно-рыночных государств становится социальной стратой, обеспечивающей преемственность идеологии административного рынка и социально-однородного общества и продуцирующей авторитарных лидеров, стремящихся к созданию сильного и жесткого (но "прогрессивного") государства, где и у интеллигенции есть свое место. Можно сказать, что существует закон сохранения интеллигентности. В начальные условия этого закона входит существование административно-рыночного государства, противостоящего интеллигентному обществу, но воспроизводящего интеллигенцию как необходимый элемент своего устройства.

В социально неоднородных государствах, где нет развитого административного рынка, в отличие от социально однородных, образованные люди формируют сеть профессиональных и прочих объединений, которая не находится (в целом) в конфликтных отношениях с государством, и более того, обладает повседневным влиянием на него, поскольку профессионалы принимают участие в формулирование государственных целей и подборе средств для их достижения. Образованные люди в

таких государствах, как правило, занимаются хорошо оплачиваемой профессиональной деятельностью "согласно полученному образованию" и не испытывают потребности в особой рефлексии своего отношения к государству, и без рефлексии достаточно ясному и определенному. Собственно общество в такого рода государствах первично, оно порождает государство и ограничивает его властные интенции. Образованные люди, профессионалы представляют значимый элемент общества и тем самым контролируют государство.

Структура интеллигенции.

Число интеллигентов в социально однородном государстве зависит, в конечном счете, от структуры его информационного пространства. В до-технологическом государстве количество интеллигентов тождественно равно аудиториям читателей журналов, зрителям театров и посетителям концертов. С появлением средств массовой информации и всеобщего образования количество интеллигентов резко возрастает и возникает "образованщина" - по Солженицину.

Интеллигентными могут быть (или не быть) представители всех социально-учетных групп - общественных классов, этносов и национальностей. Интеллигентность создается политикой государства в области образования, науки, культуры, здравоохранения. Так, целенаправленные усилия КПСС по созданию "национальных школ" и развитию "национальных культур" привели к появлению национальных интеллигенций, а такие же по логике усилия по развитию физики, математики и точных областей знания привели к появлению "технической и научной интеллигенции".

Однако самое себя интеллигенция определяет по общему кругу чтения журналов и книг, смотрению фильмов и спектаклей и участию в творческой самодеятельности, а также по обостренному интересу к истории государства и ее интерпретациям в искусстве. Именно в этой области несущественны различия между разными социально-учетными и профессиональными группами интеллигентов. Интеллигентность можно определить как особое социальное пространство в социально однородных государствах, сформированное активностью образованных людей в области художественной и квазихудожественной интерпретации истории государства и роли в ней власти, народа и самой интеллигенции.

Необходимым компонентом структуры российского интеллигентского пространства были и продолжают быть евреи. Совпадение интенций интеллигенции и представителей еврейской диспоры в России характерно для времен, когда интеллигенция противостоит государству. При этом интеллигенты стремятся реализовать вечные интеллигентские ценности и преобразовать государство в идеальную иерархию-утопию, а евреи пытаются сохранить свою, также утопическую, культурную самобытность, выторговывая свой особый статус на локальных административных рынках науки, образования, здравоохранения и торговли. Евреи, потерявшие связи с диаспорой и получившие общее и профессиональное образование, становятся типичными интеллигентами, озабоченными проблемами соотношений российского государства и общества, несправедливого распределения, но конечно в их еврейском контексте.

На первых этапах перестройки российские интеллигенты и интеллигентные евреи в своих стремлениях к утопии оказываются в одной социальной нише. И интеллигенты, и евреи стремятся к тому, чтобы сделать государство удобным для той жизни, которая представляется им естественной. В начале XX века это был социализм, в конце века - капитализм. В итоге очередной либерализации их пути расходятся. Российская национальная интеллигенция стремится при этом переложить вину за очередную неудачу на своих бывших союзников-интеллигентных евреев. Возникает (возобновляется) интеллигентский антисемитизм.

В сознании обычных (неинтеллигентных) россиян образы еврея и интеллигента почти идентичны. Недовольство нарушением привычного порядка вещей, связанное с

перестройкой (либерализацией) проецируется неинтеллигентным народом на интеллигентов. В том случае, когда интеллигентский антисемитизм и народное неприятие интеллигентности сливаются в одно движение, оформляется черносотенная утопия - как альтернатива интеллигентской утопии. Особенно пикантной становится ситуация, когда во главе "черной сотни" оказываются новые русские патриоты, интеллигентные еврей-антисемиты.

Интеллигентские административные рынки.

Отношения между читателем (зрителем), писателем (автором) и критиком составляли и составляют содержание интеллигентской жизни. Эти отношения, с моей точки зрения, составляют внутреннюю структуру интеллигентности, и только включенных в эту систему людей можно считать интеллигентными. Частичная рефлексия внутренних отношений интеллигентности в принятых различениях была осуществлена В. Лакшиным в пору "твардовского" "Нового мира".

Сформированное административно-рыночным государством пространство интеллигентности может быть описано формальной структурой, задаваемой отношениями между авторским, критическим и потребительским уровнями деятельности, с одной стороны, и одноименными формами деятельности, с другой. Одни интеллигенты пишут (ставят, снимают, исследуют), другие читают-смотрят (потребляют, воспроизводят результаты), третьи критикуют (критически осмысляют) написанное первыми, рассчитывая на то, что будут поняты вторыми. Интеллигентный читатель (зритель, слушатель, исследователь) включен в непосредственное восприятие книги (постановки, фильма, научной публикации), и в критическое их осмысление, и не воспринимает текст (в широком смысле этого понятия) вне его критической интерпретации. Историческая ангажированность является обязательным атрибутом интеллигентского творчества и может вноситься в него как автором, так и критиком, естественно в форме, доступной для восприятия рядовыми интеллигентами - потребителями.

Отношения между авторским, критическим и потребительским уровнями и одноименными формами деятельности могут быть представлены формальной структурой (веерной матрицей рис.65), в которой на строки вынесены виды интеллигентской деятельности, а на столбцы - одноименные видам формы деятельности. Пересечение одноименных строк и столбцов отождествлено с АВТОРАМИ, КРИТИКАМИ и ПОТРЕБИТЕЛЯМИ - идеальными типами, задающими базисную структуру пространства интеллигентности. Пересечения разноименных строк и столбцов отождествляются с другими типами интеллигентов.

Полный (относительно порождающих отношений матрицы) список типов интеллигентов задается рис.65

Рисунок 62. Структура пространства интеллигентности.

формы деятельности уровни деятельности	творческая	критическая	потребительская
творческий	АВТОРЫ	рефлектирующие авторы	самодостаточные авторы
критический	публицисты	КРИТИКИ	профессиональные критики
потребительский	активисты творческой самостоятельности	элитарные читатели, зрители	ПОТРЕБИТЕЛИ (читатели, зрители)

Под АВТОРАМИ в контексте данной работы понимаются те интеллигенты, произведения которых становятся предметом интереса критиков и интерпретаторов, также принадлежащих к пространству интеллигентности. Авторы, как правило, имеют почетные звания и должности. Это народные и заслуженные артисты, писатели, профессора, академики и пр. Авторы, не ставшие предметом интереса интерпретаторов (критиков), остаются вне описываемого пространства (так называемые "забытые авторы", предмет особого интереса интеллигентных интерпретаторов истории), как и те официальные критики, которые интерпретируют "неинтеллигентных" авторов. Для того, чтобы стать АВТОРАМИ, необходимо хоть в чем-то противопоставиться государству, пострадать от него, стать предметом обсуждения и осуждения, и в то же время представить (или дать возможность представления) результаты авторской рефлексии отношений с государством в художественной форме. При этом вовсе не обязательно, чтобы результаты творчества (ими может представлять и сама жизнь АВТОРА) имели какую-то художественную или научную ценность. Они только должны выглядеть так, чтобы их можно было интерпретировать (критически представлять) как новое для государственной парадигмы представление отношений между государством и обществом, как нарушение канонов и преодоление государственной цензуры. И Солженицын, и Бондарев (в начале своей карьеры) в этом смысле являются АВТОРАМИ, однако в АВТОРЫ не попадают ввиду своей неинтеллигентности Г. Марков и П. Проскурин.

Под КРИТИКАМИ понимаются интеллигенты-интерпретаторы, специализирующиеся на представлении АВТОРОВ как оппозиционеров и потому вводящие в пространство интеллигентности новые идеи и темы относительно отношений между государством и обществом и роли самой интеллигенции в этих отношениях. При этом существенно то, что объектами художественной интерпретации могут стать любые реалии: научные, культурные, технологические, экономические. Это и жизнь Тимофеева-Рессовского, и судьба "Ивана Денисовича", и изобретатели "бригадного подряда", и технологии синтеза синтетического каучука.

Страта критиков не включает в себя официальных государственных критиков, специализирующихся на интерпретации официальных фактов, статусов и отношений, а также на оформлении государственных запретов и на цензуре. Последние считаются неинтеллигентными.

Под ПОТРЕБИТЕЛЯМИ понимаются те интеллигенты, которые пассивно воспринимают результаты труда АВТОРОВ и их критические интерпретации. Это читатели научных, популярных и "толстых" журналов, театральные завсегдатаи, кинолюбители, и т.п.

Наиболее значимыми элементами структуры этого пространства являются классические АВТОРЫ, их КРИТИКИ - интерпретаторы и их ПОТРЕБИТЕЛИ, читатели - зрители. Знакомство с "классикой" обязательно для причисления к интеллигенции, а критическая интерпретация и переинтерпретация творчества классических АВТОРОВ применительно к современности была и остается содержанием творчества интеллигентных АВТОРОВ. Нет, как представляется, писателя, драматурга или режиссера, не оскорбившегося собственным парафразом Островского, Чехова, Гоголя или какого-то другого классика. Классика - вечно живые произведения избранных авторов - в понимании интеллигенции является живой историей и именно благодаря классике осуществляется связь между прошлым и настоящим.

Рассмотрим теперь не диагональные элементы рис.65. Отношение между творческим уровнем деятельности и критической формой деятельности отождествляется с "рефлектирующими авторами", т.е. теми интеллигентами-авторами, которые считают своим долгом разъяснить читающей (смотрящей) публике свои позиции относительно героев своих произведений. Тем самым авторы выступают в роли критиков собственного творчества. Читатели "Литературной газеты", например, не реже раза в неделю имеют

возможность ознакомиться с авторской интерпретацией собственного текста одним из представителей этого типа.

Отношение между творческим уровнем деятельности и потребительской формой деятельности отождествляется с типом "самодостаточных авторов", т.е. теми интеллигентами-авторами, которые считают свои произведения "высшей и последней" стадией художественного творчества, а факт своего существования - историческим событием. Рестораны Домов творчества заполнены этими непризнанными гениями, утверждающими в застолье свою исключительность.

Отношение между критическим уровнем деятельности и творческой формой деятельности интерпретируется как тип "публицисты", т.е. такие критики, продукция которых становится авторскими произведениями. Такие публицисты как В. Лакшин, А. Стреляный или А. Лебедев известны всем интеллигентам.

Отношения между критическим уровнем деятельности и потребительской формой деятельности интерпретируется как тип "профессиональные критики", под которыми понимаются критики, сделавшие себе имя текущей журнальной публицистикой и рефлексией относительно того, что должны читать рядовые интеллигенты-потребители. Модельный современный пример - Наталья Иванова, профессиональный популяризатор своих любимых и нелюбимых авторов.

Отношения между потребительским уровнем деятельности и творческой формой деятельности интерпретируются как тип "активисты творческой самодеятельности", т.е. потребители, выступающие в роли самодеятельных авторов. Б. Окуджава и Ю. Ким в начале своей карьеры достаточно в этом смысле типичны. Творческая самодеятельность является обязательным атрибутом этого типа интеллигентности.

Отношения между потребительским уровнем деятельности и критической формой деятельности интерпретируется как тип "элитарные потребители", т.е. такие читатели и зрители, которые находятся в критической коммуникации с авторами и критиками или ищут пути для такой коммуникации, публично высказывая критические оценки авторских произведений. Почта толстых журналов в свое время была переполнена письмами элитарных потребителей..

В целом пространство интеллигенции делится диагональными элементами (АВТОРАМИ, КРИТИКАМИ, ПОТРЕБИТЕЛЯМИ) на две функционально различные части - наддиагональную и поддиагональную. Наддиагональная часть может быть названа творчески - союзной, поскольку отношения между составляющими ее элементами (авторами, критиками, потребителями, рефлектирующими авторами, самодостаточными авторами и профессиональными критиками) развиваются в основном в рамках Союзов писателей, кинематографистов, театральных деятелей, и пр. Поддиагональная часть, представленная отношениями между авторами, критиками, потребителями, публицистами, самодеятельными авторами и элитарными потребителями может быть названа артистическо-диссидентской, так как противостоит тому, что происходит в государственных творческих союзах.

Торг на интеллигентском административном рынке.

Интеллигенция торгуется с административно-рыночным государством по поводу разрешений или запретов на художественно-публицистическую экспликацию тех или иных моментов российской истории. Собственно этот торг поддерживает и восстанавливает интеллигентское пространство. Но существуют торги внутри интеллигенции. Эти административные торги разноплановы и разноуровневые, однако определяются общей структурой интеллигентского пространства и могут быть описаны в терминах схемы рис.65.

В частности, может быть выделен общий торг между творчески-союзной и артистическо-диссидентской частями интеллигенции (т.е. между поддиагональными и

наддиагональными типами). При этом предметом торга выступают блага, распределяемые среди членов творческих союзов и разного рода академий, которые в разных формах обмениваются на продукцию артистическо-диссидентской части интеллигенции. “Босота и богема” получает “нелегальный” доступ к пайкам, санаториям, медобслуживанию, домам творчества, в то время как обладатели официальных статусов и званий получают новые формы для выражения своей интеллигентской сущности.

Рефлектирующие авторы, самодостаточные авторы и профессиональные критики стремятся занять места на диагонали, стать классиками - АВТОРАМИ и КРИТИКАМИ и тем самым войти в историю. Публицисты и рефлектирующие авторы обычно противостоят основной массе интеллигентов-потребителей. Последние апеллируют к АВТОРАМ и КРИТИКАМ - классикам (живым и мертвым), утверждая их приоритет в искусной историзации жизни. Публицисты и рефлектирующие авторы, напротив, считают свои интерпретации истории и современности по меньшей мере столь же адекватными, как и классические.

Внутренняя динамика этих конфликтов в спокойные времена приводит к воспроизведению интеллигенции как среды обитания интеллигентов: “босота и богема” социализируется, ее принимают в творческие союзы, члены творческих союзов становятся при жизни КЛАССИКАМИ, а многочисленные потребители привыкают к тем реалиями, которые трудами рефлектирующих авторов и публицистов вводятся в интеллигентскую онтологию. Поддиагональные типы плавно перетекают в наддиагональные, освобождая функциональные места для нового поколения интеллигентов, которое к концу жизни ждет та же судьба.

В тоже время есть и частные интеллигентские торги, выражающиеся в относительно замкнутых отношениях между типами, упорядоченными рис . Таковы, в частности, отношения между авторами, критиками, публицистами и рефлектирующими авторами, логика которых представлена на рис .

В рамках этих отношений авторы, имеющие почетные звания и должности, претендуют на монопольное положение в курируемой ими области творчества, будь то техническое изобретение или жанр прозы. Монопольное положение авторов либо поддерживается неинтеллигентными критиками, либо подвергается сомнению интеллигентными интерпретаторами. Рефлектирующие авторы и публицисты в разной степени и формах претендуют на монополию авторов, которые защищаются от попыток оспорить их положение специфическими для административного рынка методами, такими как ограничения на публикации и на деятельность.

Рисунок 63 Структура авторско-критического торга

Естественно, в творческой среде возникают посредники в торге, которые составляют высший слой богемы, научной или художественной.

Другой тип торга образован отношениями между авторами, потребителями, самодостаточными авторами и активистами художественной (научной, технической) самодеятельности. В рамках этих отношений авторы борются с активистами творческой самодеятельности и самодостаточными авторами за доминирование над потребителями, в

то время как потребители выражают свое приятие или неприятие как авторам, так и другим действующим лицам торго, принимая (покупая, читая, смотря) их продукцию или не покупая. В этих отношениях формируются посредники- слой художественной (научной, технической) богемы, через которых действующие лица пытаются достичь свои цели.

Рисунок 64 Структура авторско-потребительского торго

Третий вид торго, специфической для интеллигентского пространства, определяется отношениями между критиками, потребителями, профессиональными критиками и элитарными потребителями.

Рисунок 65 Структура потребительско-критического торго

В рамках этого вида торго критики навязывают потребителям свои интерпретации состояния интеллигентского административного рынка (кто на нем главнее, а кто художественнее или научнее), в то время как потребители принимают их оценки, или не принимают, что выражается в переписке между редакциями журналов и их читателями. Разделы “переписка с читателями” представляют внешнее выражение этого торго. Естественным образом при этом возникают посредники - третий слой богемы, которые принимают участие в торге, способствуя или противодействуя публикациям тех или иных писем и организуя их обсуждение.

При либерализациях и перестройках изменяется структура пространства интеллигентности. Это в первую очередь проявляется в потере своего значения структурообразующей диагональю. Классика, ее интерпретаторы и почитатели уходят в социальное небытие, на периферию интеллигентского пространства и ранее единое пространство интеллигентских смыслов распадается на совокупность мало связанных между собой подпространств - сект*, формально подобных изначальному. При этом

* Сектантские структуры в принципе характерны для пространства интеллигентности. Так еще в шестидесятые годы возникла секта "теоретиков деятельности" со своими классиками Щедровицким,

локальные административные рынки, описанные выше (авторско-потребительский, авторско-критический, потребительно-критический) становятся размерностями (порождающими отношениями) нового интеллигентского пространства.

Это можно отобразить в виде схемы.

Рисунок 66 Структура пространства интеллигентов-сектантов.

формы деятельности	авторско-критическая	критико-потребительская	авторско-потребительская
уровни деятельности			
авторско-критический	НОВЫЕ АВТОРЫ		
критико-потребительский		НОВЫЕ КРИТИКИ	
авторско-потребительский			НОВЫЕ ПОТРЕБИТЕЛИ

При формировании сектантского пространства общие интеллигентские конфликты если не исчезают, то теряют свое значение прежде всего потому уменьшается роль административного рынка в целом (должности и звания теряют свое значение). Локальные интеллигентские рынки сначала обособляются, а потом агрегируют друг с другом, или интерферируют внутри себя так, что воспроизводится общая структура пространства интеллигентского административного рынка в целом. Пересечение одноименных форм и уровней деятельности на новом рынке дает типы "НОВЫЕ АВТОРЫ", "НОВЫЕ КРИТИКИ" и "НОВЫЕ ПОТРЕБИТЕЛИ", выполняющие роль структурообразующей диагонали сектантского пространства, новой классики.

В отличие от основного и единого интеллигентского пространства (рис.), недиагональная структура сектантских пространств (рис.) пуста, в ней нет типов, представляющих "широкую публику". Но зато сект очень много. В качестве примеров сект можно привести "Митьков" как АВТОРОВ, их немногочисленных КРИТИКОВ и столь же немногочисленных почитателей, или "концептуалистов -приговцев", у коих три-четыре классика-АВТОРА, десяток критиков и несколько сотен читателей-ПОТРЕБИТЕЛЕЙ.

После окончания очередной перестройки структура интеллигентского пространства восстанавливается, а ряды классиков пополняются за счет включения в их число НОВЫХ АВТОРОВ и НОВЫХ КРИТИКОВ из разных сект. Так в тридцатые годы XX века в число классиков попали Маяковский, Есенин и Шкловский.

В ходе перестройки 80 годов в очередной раз распалось основное интеллигентское пространство, исчезли государственные творческие союзы. Их место заняли многочисленные секты - объединения (писательские, кинематографистов, художников), члены которых интегрируются согласно общей для них художественной интерпретации истории. "Поддиагональные" авторы, критики и потребители вошли в состав новых творческих объединений. Толстые журналы, задававшие основные модальности и темы интеллигентской рефлексии, практически прекратили свое существование, а их бывшие читатели и почитатели занялись бизнесом или политикой. Однако тоска по единому "Союзу писателей" (и по СССР), который бы мог стать новым камертоном, задающим основные темы интеллигентской рефлексии, свойственна большинству НОВЫХ АВТОРОВ - лидеров сект, претендентов на аренду дач в Переделкино, а пока награждающих самих себя почетными званиями и должностями.

Ильенковым и пр, критиками и почитателями, в которую входило несколько тысяч человек. В отличие от современных сект, "теоретики деятельности" создали почти точную имитацию интеллигентского пространства в целом. Однако ни в шестидесятые, ни в семидесятые годы сектанты не определяли модус интеллигентских отношений.

Интеллигентская эстетика.

Судьба России в ее интеллигентском представлении - судьба ее интеллигенции, а история России - история интеллигенции. Но история России не сводится к истории образованной части ее граждан, хотя писалась и пишется скорее интеллигентами, чем историками. Писаная история России политически акцентуирована, смещена в плоскости исторической реальности, значимые для интеллигенции. Это история локальных интеллигентских административных рынков и выходов (как правило, неудачных) товара интеллигентность на общегосударственные рынки. История России, благодаря интеллигенции, никак не может стать собственно историей, по меньшей мере два столетия она остается политически актуальной. Интеллигентная Россия жила и живет придуманным прошлым, проецируемым в будущее - вопреки отвратительному для интеллигенции настоящему.

Политически нейтральной документированной истории России пока нет. Роли исторических документов играют акцентуированные художественно-публицистические реконструкции того, что в стране, по мнению интеллигентов, происходило. Исторические факты конструировались ("охудожествливались") интеллигентами Пушкиным, Ключевским, Солженицыным, Гумилевым, как и автором "Повести временных лет". Плоды творческого воображения интеллигентных авторов - историков переосмысливались другими авторами-интеллигентами и, став художественными образами прозы, стиха и театра, превращались в символы массового интеллигентского сознания, в товары на локальных интеллигентских рынках. Эти образы-символы, отождествленные с известными актерами-интеллигентами, исполнителями соответствующих ролей в кинофильмах, театральных постановках и эстрадных ревью в значительной степени определяли и определяют переживание эпохи ее современниками-интеллигентами и их образ действия в те периоды, когда эпоха становится смутной.

Интеллигентская интерпретация истории персонифицирована в искусственных образах (архетипах), реализованных на сцене или в текстах и замещающих неинтеллигентскую реальность, вытесняющих ее в пограничные и нерелевантные области интеллигентского сознания. * Российские интеллигенты сформировали десятки архетипов восприятия и переживания себя в истории, вошедших - как национальное русское искусство - в мировую культуру и активно востребованных и актуализируемых в тех странах, где разросшийся административный рынок замещает государство и рынок. Интеллигенты всего мира чтят Достоевского, Льва Толстого, Чехова и Набокова, а российским интеллигентам близки Белль-Маркес-Борхес-Гессе.

Введение профанной (неинтеллигентной) жизни в "театральный" контекст составляет историческую задачу интеллигенции и смысл ее существования. Интеллигенция не существует вне историзованного искусства и искусственной истории, которые ею и создаются. Значимость интеллигентской интерпретации истории и историзованного искусства (в широком смысле этих понятий) в российском быте меняется в зависимости от жесткости жизни. Чем сильнее административно-рыночное государство и жестче жизнь, тем значимее историзованное искусство и то, что в нем происходит, и наоборот. Размытие границ между интеллигентской интерпретацией истории, историзованным искусством и жизнью, также как потеря искусством своего значения символизирует начало очередной либерализации и связанное с ней исчезновение исторических ориентиров.

В спокойные (и жесткие в политическом смысле) времена разделение эстетизированной истории, историзованного искусства и обыденной жизни абсолютно. В эти времена историзованное искусство (в широком смысле этого слова) становится

* Раскольников, Иван Денисович, Герасим и Муму, князь Мышкин, "Три сестры", Чапаев, Штирлиц, Платон Каратаев, и т.д. и т.п.

воплощением желаемой свободы, а значит и жизни. В самой же жизни театральность табуируется, жизнь становится по звериному серьезной. В эти времена российское искусство нарушает серьезность жизни, проникая в нее в форме историзированного политического анекдота, аллюзии на исторические темы. А в историзованное искусство жизнь входит в виде нешуточных трагедий между актером (автором) и административной властью. Эти актерские трагедии, в свою очередь, превращаются в несмешные анекдоты, демонстрирующие интеллигентам насколько жизнь серьезна. Поэтому актеры - исполнители анекдотов из собственной жизни (или играющие в это исполнение - в новейшее время Галич, Окуджава, Высоцкий и др.) воплощают для интеллигентных слушателей и зрителей единство жизни, ее неразрывность, связанность всего со всем, в том числе бытия интеллигентного зрителя (слушателя, читателя), весьма как правило неприглядного, с историей. Спрос на интеллигентность в такие времена наивысший, но у самих интеллигентов, а не у тех, кого бы они хотели видеть покупателем. У деятелей административного рынка интеллигентность и ее продукты вызывают нескрываемое отвращение, проявляющееся в соответствующих государственных решениях и постановлениях. В эти "серьезные времена" интеллигенция страдает от невостребованности, так как ее товар не пользуется государственным спросом. Ведь емкость замкнутого интеллигентского административного рынка весьма ограничена, а внешний покупатель брезгливо морщится при лицезрении интеллигентского товара и его производителя.

Театрализация жизни в "серьезные времена" ограничивается государством. Проявления театральности в неподобающем месте и времени карается - как это было с известными диссидентами, вышедшими - как декабристы - на площадь 22 августа 1968 года, или с сотнями студентов, вообразивших себя заговорщиками-народниками и собиравшихся втроем-пятером (группа в понятиях КГБ) для распределения ролей в самодеятельном спектакле "Преображение России".

Смягчение государственных ограничений на театрализацию жизни обычно символизирует наступление очередного "нового времени". Интеллигенция в "новое время" добивается своего - оттепели, либерализации или перестройки, и ранее непреодолимые границы между государством и обществом размываются. Интеллигентность начинает пользоваться государственным спросом. Появляются руководители государства, по необходимости или случаю принимающие одну из интеллигентских интерпретаций истории и, следовательно, ее авторов-интеллигентов (например, Хрущев в начале "оттепели" или Горбачев образца 1987 года). В свою очередь, интеллигенты принимают такого государственного функционера за одного из своих (за интеллигента), включают его в свою иерархию и присваивают ему высший балл интеллигентности, а потом с удовольствием прикармливаются от его стола. Содержанием жизни интеллигентов становятся попытки воплотить те или иные эпизоды своей или чужой истории в политической и экономической практике. В эти времена желаемое содержание (ожидаемая история) кристаллизуется в сценариях на культурно-политические темы и в политической практике - партийном и государственном строительстве, направленном на актуализацию ожидаемой истории. Интеллигентский товар в перестройки и либерализации оказывается самым ходовым.

В "новые времена" жизнь превращается в интеллигентский театр, так как исчезают различия между спектаклем и жизнью. В искусстве, в то же время, возникает кризис жанров, и жанровые различия между романом и повестью, рассказом и пьесой, сценарием и его экранной реализацией сглаживаются. Из обыденной жизни интеллигентов исчезает собственно историзованное искусство, замещаемое театрализованными политическими акциями, происходящими на разных сценах, на каждой из которых доминирует какой-либо режиссер со своей интерпретацией истории. В спокойные времена интеллигенты ходят в любимый театр, а в перестройки - на политизированные собрания. Возникают тусовки - вроде "Московской трибуны", которые

разыгрываются как театральные действия: президиум - сцена, на ней актеры, играющие первые роли, а к микрофону, позволяющему выделиться из массовки и сыграть мизансцену прорываются претенденты на значимые роли. Это в помещениях, а на улице в это время проходят митинги и демонстрации, украшенные сценическими атрибутами (плакатами, знаменами, лозунгами). Возникает своего рода базарное действо, в котором на продажу интеллигенты выставляют все, накопленное ими в "серьезные времена". На излете "демократического" порыва камерные и уличные спектакли превращаются в костюмированные балы. Сценарии этих действий удивительно однообразны. Общественно значимые "спектакли" времен времен декабристов, начала XX века и его конца практически идентичны по темам и ролям, которые разыгрывают их участники.

Конец 80 и начало 90 годов XX века, когда политическую сцену заполнили театрализованные имитации эпизодов "из истории России" в этом смысле не отличается от других исторических периодов. Сегодняшние социал-демократы, кадеты, монархисты, националисты, купцы и дворяне - не более чем попытки воспроизвести моменты отечественной истории, по какой-либо причине выделенные и описанные интеллигентными историками. Интеллигенция делится на конфликтующие между собой группы, придерживающиеся разных авторских описаний одного исторического периода. Одна часть интеллигентов строит жизнь по Ильину, другая по Бердяеву, третья по Солоневичу, и т.д., надеясь на то, что играемые ими роли привлекут богатых покупателей.

В "новые времена", такие как конец 80 - начало 90 годов XX века, на сцене жизни-театра, поскольку сама жизнь становится театром, появляются типажи, спектр которых определен художественной интерпретацией истории страны уже очень давно, часто столетия назад. Персонажи Грибоедова, Островского, Чехова, Гоголя и прочих классиков воплощаются в современных политиках и экономических агентах. Сходство социальных типов переходного времени и актерских образов не раз отмечалось теми критиками, которые рефлектируют свою интеллигентность и не поддаются искушению самим выйти на историческую сцену и проиграть одну из хорошо известных им классических ролей.

Однако политика и экономика вовсе не те области деятельности, в которых значим социальный опыт интеллигентных людей. Их преследуют неудачи, отрежиссированные ими политические спектакли со скандалом срываются, жизнь не желает подчиняться исторически выверенным сценичным образцам. Те государственные деятели, которых интеллигенты принимали за своих и за спасителей отечества, оказываются не интеллигентными, другими. Интеллигенты, не сумевшие предложить на продажу что-то более товарное, чем свою интеллигентность, осознают себя чужаками на празднике реальной политической и экономической жизни, попадают в "бесконечный тупик", теряют смысл своего существования. В массе интеллигентов возникают вопросы о своей исторической роли и месте в историческом процессе. И только немногие из них (Галковский, например) осмеливаются усомниться в праве на существование социальной группы в целом, а значит и государства. Спектакль "свободы и демократии", в который интеллигенты оказываются вовлеченными всей душой, переполненной патриотическими образами, обычно заканчивается трагически для исполнителей первых ролей. Как говорил С.Е. Лец, "отсутствие конца трагедии не освобождает ее участников от необходимости очистить зал". Товар "интеллигентность" перестает пользоваться спросом, как только на рынке появляются настоящие товары и настоящие деньги, или когда интеллигенции покажут ее место в новом варианте административного рынка.

Обобществление ослабевшего государства и деградация административного рынка неизбежно приводит к экономической, социальной и политической деградации, к политической и военной нестабильности, к потере казалось бы вечных ценностей и исчезновению взлелеянной государством среды привычного интеллигентского общения - творческих союзов (которую сами интеллигенты считают уникальной культурой). В среде интеллигентов рождаются (возрождаются) идеи и темы новой государственности,

выражением которых можно считать "Новые Вехи" и аналогичные эпохальные труды. Антиутопии, доминирующие в сознании интеллигентов в начале "нового времени", сменяются новыми утопиями национальной государственности и мирового порядка, справедливого распределения и производства, подчиненного великим идеям социального равенства. Дело случая и ситуации, кто и как будет реализовывать эти идеи - коммунисты, фашисты или какие-то другие практики-интерпретаторы интеллигентских рефлексий истории.

Интеллигентская гносеология

Обычное научное знание и методы познания недоступны российским интеллигентам, поскольку это элементы совсем другой, не интеллигентской культуры. Интеллигенты используют вырванные из контекста научного исследования понятия, факты, эмпирические обобщения и диагностические формулы, включая их в свои театрализованные концепции на правах "научно доказанных" предпосылок деятельности. Использование научной атрибутики в нормальном обществе безвредно, поскольку нейтрализуется сложными механизмами научного сообщества и политической практикой, проверяющей идеологию на адекватность. Но в интеллигентном обществе образы из театрализованной истории неизбежно становятся понятиями объясняющей и утверждающей самое себя идеологии и не поддаются ни верификации, ни фальсификации. Марксизм, фрейдизм, дарвинизм и прочие измы введены в российскую культуру как театрализованные фрагменты чужой истории, а не как результаты теоретической рефлексии опыта изучения различных аспектов жизни. Отсюда и схоластичность интеллигентского научного теоретизирования, могущего, впрочем, давать серьезные результаты в пограничных и вновь формируемых областях знания - как спекулятивные предвосхищения концепций, когда то еще созреющих в другой социальной среде при решении сугубо практических задач. Творчество Вернадского, Чижевского, Любищева тому примером.

Мир интеллигентов наполнен персонифицированными образами историко-художественных произведений (или редуцированными темами научных исследований) и теми отношениями между ними, которые определены режиссерами-постановщиками (в широком смысле этого слова). Каждый "крупный" творец-художник тем и крупен, что вводит новые образы или новые отношения между старыми образами, конструируя тем самым интеллигентскую объясняющую теорию. Хождение за образами в народ (в экспедицию, посмотреть как живут "простые люди" или самим пожить на природе "простой жизнью") является традиционным занятием российской интеллигенции.

В интеллигентском мире сосуществуют люди и человекоподобные объекты живой и неживой природы, общающиеся между собой. Каждая персона по своему интересна и воспринимается интеллигентами как носитель некоторых архетипических (и исторически определенных) свойств. Обыденные отношения в своем интеллигентском кругу в этой логике становятся реализацией некоторых архетипических (исторических) отношений. Обобщение фактов личного общения служит интеллигенту основанием для создания исторически фундированной теории, описывающей как функционирует социум. На основе такого рода представлений о существовании и экспериментальных данных (все из личного опыта) интеллигенты разрабатывают объясняющие и предсказывающие теории.

В интеллигентских рассуждениях обычно присутствуют два уровня реальности: обыденная жизнь с ее конфликтами, склоками, неприятностями и радостями, и высокая объясняющая теория в форме художественных произведений и их идеальных объектов - художественных образов. Образные идеальные объекты и теоретически - театрализованные отношения между ними позволяют, как представляется интеллигентам, моделировать реальность в искусственной (или искусной) системе, объясняющей

профанам, как устроен мир и почему он устроен именно так. На всем протяжении истории интеллигенции воспроизводится группа, члены которой специализируются на конструировании всеобъемлющих концепций мироздания. В рамках этой группы можно выделить всевдоученых - создателей "общих теорий всего" (космоса, земли, цивилизации и общества в целом и России в частности), и псевдописателей, таких как Александр Зиновьев, авторов персонифицированных логических схем, стилизованных под художественные произведения. Создатели "общих теорий всего" и псевдописатели драматизируют науку, представляют ее другим интеллигентам как открытие "тайн природы и общества", а исследовательскую деятельность рассматривают не иначе как "трагедию познания".

Теории такого уровня социологи называют обыденными. Их функция вполне ясна и определена. Они выступают в роли концептуальных схем, детерминирующих поведение социализированного субъекта и делающими это поведение неслучайным и предсказуемым именно в той мере, в которой оно тривиально. Обыватели-интеллигенты руководствуются в своем поведении расхожими обывательскими теориями (считая их, тем не менее, в высшей степени оригинальными), а нетривиальные интеллигенты - режиссеры (как правило, известные своими прибабахами и причудами) разрабатывают нетривиальные теории, воплощая их в эксцентричных сценических или других художественных образах.

Область применения обыденных теорий для разделяющего их человека ничем не ограничена, и никакие критерии научности к ним неприменимы. Эти теории верны в той мере, в которой существуют люди, их исповедывающие. Эти теории не подлежат научной критике, но только научному (или клиническому) исследованию - как факты социологии (или психиатрии), их описывающих, систематизирующих, исследующих экспериментально и в конечном счете объясняющих.

Эмпирическое многообразие административно-рыночных реалий интеллигенты воспринять не способны (за известными исключениями - творчество А. Стреляного, Б. Можаяева, В. Шукшина и немногих других авторов) прежде всего потому, что оно не выражено доступными им художественными средствами.

Как уже говорилось выше, основной формой познания мира для интеллигенции является историзованное искусство (отсюда и концептообразующая функция искусствоведения). Но восприятие и переживание окружающего через отождествление с художественными типами (даже нищих интеллигент воспринимает по степени их театральности) не исключает других форм исследовательского отношения к миру. Из многообразия форм собственно познавательного отношения к миру интеллигенты предпочитают редукцию и экспертизу. Часть интеллигентов имеет склонность редуцировать значимую для них историческую и политическую реальность до профессионально знакомой и используют профессиональные, иногда очень качественные знания для объяснения важных с их точки зрения исторических и политических событий. Иногда это дает выдающиеся результаты (например исследование пространства иконописи механиком Раушенбахом), но чаще всего попытки редуцировать социальную и экономическую специфику России до закономерностей, описываемых другими областями знания выглядят трагикомически - например, исторические экскурсы специалиста по математической логике и основаниям математики Есенина-Вольпина (где специфика истории и социологии сводится к отношениям между придуманными автором логическими переменными), или этнографические построения профессионального политэзика Льва Гумилева, которому ойкумена представляется совокупностью "зон" и пространств возможных побегов, актуализируемых благодаря особым качествам (пассионарности) рожденных в неволе.

Другая часть интеллигентов, обладающих познавательными интенциями, склонна к экспертизе. Под экспертизой понимается умение высказывать интеллигентское понимание любого вопроса, проблемы, темы в их пространственно-временных,

содержательных и нравственных характеристиках. Интеллигентный эксперт, чаще всего основывающий свои суждения на журнально-газетной информации, имеет мнение обо всем (в том числе и о своей способности к экспертизе) и не стесняется высказывать его в любых обстоятельствах. Стремление к экспертизе часто принимает карикатурно - театрализованные, иногда клинические формы (например, одна из программ "Авторского ТВ", в ходе которой интеллигентные эксперты дают оценки и интерпретации фильмам, представляемых режиссерами, также считающими себя экспертами). Политическая сцена в "новые" времена переполнена экспертами, соревнующимися друг с другом в артистичности представления своих оценок и прогнозов. В состав Президентского Совета образца 1993 года вошли, например, наиболее телегеничные интеллигентные эксперты.

Встречаются выдающиеся интеллигентные люди, сочетающие все формы исследовательского отношения к миру (режиссерско-концептуальное, редукционистское и экспертное). Это редукционисты, считающие себя экспертами и реализующие свое отношение к миру в режиссерской деятельности, - такие как Сергей Кургинян. Кургинянов мир - это сцена, на которой под недреманным режиссерским оком Кургиняна разворачивается спектакль, сконструированный экспертом-Кургиняном на основе редукционистской (Кургиняновской же) модели фрагмента истории. Оглушительные творческие и политические неудачи таких всесторонне развитых интеллигентов только прибавляют им пыла, амбиций и популярности в родной среде.

Выдающиеся интеллигенты не столь уж редки, как кажется. Во всяком случае, когда у власти появляется потребность в интеллигентском товаре, он сразу же выставляется на продажу. Так случилось с относительно молодыми и очень интеллигентными экономистами, которые волею растерявшейся в перестройке власти стали реформаторами в разваливающемся административно-рыночном государстве. По внешнему виду, социальному происхождению, образованию и опыту работы они более всего подходили под представления власть имущих о революционерах-реформаторах. Их товарность подтверждалась и их западными (и потому авторитетными для власти) коллегами. Придя к власти, интеллигентные реформаторы тут же начали приспосабливать реальность к своим представлениям о том, что должно было быть в России. Естественно, что административно-рыночная реальность начала сопротивляться интеллигентскому насилию над ней, что и привело, в очередной раз, к изгнанию интеллигентов из власти. Те из реформаторов, кто смог пожертвовать интеллигентностью ради сохранения административного веса, превратились в весьма неординарных и талантливых российских чиновников, негативно относящихся к своему интеллигентскому прошлому.

Интеллигентские онтология и этика.

Для интеллигентных людей историческое пространство и время, реальная социальная структура и экономические отношения существуют только потому, что они нашли свое художественное (книжно-зрительное) воплощение. Расширение интеллигентской онтологии осуществляется в основном средствами искусства. Серьезным с их точки зрения спектаклем, книгой (научной в том числе) или фильмом считается такое произведение, в котором содержится художественное открытие, т.е. осуществляет введение элементов ранее не театрализованной жизни в контекст интеллигентных отношений (последние примеры: "архангельский мужик", персонажи Каледина, Трифонова и т.д.). Все остальное, не воплощенное в художественных образах, находится вне сферы интеллигентного бытия, а значит не существует. Открытие мира через искусство и замещение мира искусственным (и искусным) его представлением составляет содержание интеллигентского бытия.

Интеллигенты существуют в двух мирах- в мире искусства, истории и искусственно конструируемых отношениях между ними, и в быту, как правило не

регулируемом культурными рамками и потому прямом, бесхитростном и физиологичном. Быт и существование вне трагического искусства вообще для интеллигентов обременительны. Интеллигент должен реализовывать вечные ценности, служить искусству, вечности, абстрактным, но потому и абсолютным реалиям. Презрение к обыденности и каждодневности сочетается у интеллигентов со стремлением к вечному и неизменному - государственному, национальному или культурному.

Разрывность онтологии является необходимым условием существования интеллигенции и явно проступает в ее языке, казенно-патетическом на формальной сцене и площадно-прямым в быту, и в спектре исторических ситуаций, считающихся достойными воплощения в искусстве. У интеллигентов на сцене "кровь-любовь", а в быту "жрать, пить и спать". Иного интеллигентам не дано, и в их содержательной жизни в пору противостояния государству противоестественно сочетаются всеобщие обсуждения театрализованных интерпретаций истории с частными индивидуально-коллективными вегетативными жизненными проявлениями - жраньем, сном, совокуплениям и прочими отправлениями физиологических потребностей. Кухню и кровать в интеллигентной семье в семидесятые-восемидесятые годы XX века можно рассматривать как символ единства материального и духовного начал интеллигентности.

Разрывность онтологии интеллигентов заставляет их страдать, но страдания имеют в основном отстраненно эстетический характер переживания того, что интеллигентами рассматривается как сценическое событие. Даже наиболее популярные авторы-"сидельцы" из интеллигентов считают своей задачей эстетизацию лагерного быта (может быть, популярность этих авторов и объясняется их эстетскими установками). Их произведения не документальны в смысле исторического документа, они построены как художественные произведения. И все для того, чтобы интеллигентные читатели и зрители смогли, почтаив и посмотрев, сказать "какой ужас!", выражая свое восхищение эстетикой безобразного.

Этическая компонента бытия в интеллигентском мировосприятии подчинена эстетической. Целью интеллигентского творчества является преодоление разрыва между этическим и эстетическим, эстетизация обыденности, поскольку вне художественной формы обыденность и быт как бы не существует. Эстетизация своего неупорядоченного неряшливо-небрежного быта становится, особенно в новые времена, задачей интеллигентных писателей и драматургов. Художественное открытие Трифонова, например, состояло в том, что он сделал предметом художественного описания "другую жизнь", т.е. быт интеллигентов. По окончании "нового времени" кухня и кровать исчезают из поля художественного видения, сменяясь неким обобщенным сортиром (творчество Владимира Сорокина тому примером), в котором удовлетворяются интегрированные (материальные и духовные) потребности. Отечественный постмодернизм в целом можно рассматривать как стремление историзованного искусства включить в себя вегетативную сторону интеллигентского существования и запечатлеть ее в истории для будущих поколений. Небесталанные алкоголики, наркоманы и педерасты, сделавшие свои аномалии предметом художественной интроспекции имеют шанс стать классиками - историческими деятелями новейшей интеллигентской истории России.

Интеллигенция и социально однородное государство неотделимы. Для интеллигенции как порождения интеллигентского пространства смертельно опасно отчуждение экономики от политики и формирование стратифицированного по экономическим признакам общества. Распад административного рынка как основы социального устройства приведет к исчезновению интеллигенции. Для самосохранения интеллигенция должна тем или иным способом стимулировать воспроизведение административно-рыночного государства в форме Российской империи, СССР или какой-то другой. Если ей это удастся, то будущее интеллигенции обеспечено. Интеллигенты продолжают выдавливать из себя раба по капле или ведрами, создавая

предпосылки очередной либерализации. В этом смысле показательно поведение многих интеллигентов в октябре 1993 года, сразу после вооруженного разгона российского парламента. Одни из них мгновенно начали самоорганизовываться в привычные по до - перестроечным временам диссидентские структуры, настраиваясь на привычные формы торга с государством и в этом обрели потерянную основу своего существования. Другие, по-видимости напротив, начали воспевать "во славу Великой России" и занялись теоретическим обоснованием и оправданием "сильной президентской власти" и ее актуальных и потенциальных кровопролитных действий. Действия и тех, и других были направлены на воспроизведение привычных отношений между государством и обществом и, следовательно, на воспроизведение пространства интеллигентности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Административный рынок в СССР был самодовлеющей реальностью, пронизывающей все социальные отношения и трансформирующий их в свои собственные реалии, только по названию сходные с соответствующими институтами обычных государств. Административно-рыночные реалии в полной мере невыразимы в понятиях обыденного русского языка, и тем более в понятиях экономической и политической науки. Они частично описываются в понятиях марксистско-ленинских наук об обществе, однако эти описания заведомо ущербны, так как содержат представления о идеальных результатах социалистического строительства, но не о его средствах и издержках.

Можно предположить, что некоторая неожиданность результатов перестройки и экономической реформы для их инициаторов есть, в частности, следствие фундаментальной онтологической ошибки: реформированию подвергались не “тоталитарный коммунистический режим”, не “плановая экономика” и не “административно-командная” система, а административный рынок. Именно систематическое несовпадение методов реформирования его объекту привело к неожиданным результатам.

Перестройка, как известно, началась с того, что в середине 80 годов реформаторское руководство СССР предприняло отчаянную попытку восполнить дефицит ресурсов, необходимых для распределения за счет “помощи” стратегических противников - стран НАТО. По условиям “помощи”, предметом торга между государством, его бывшими стратегическими противниками и “прорабами перестройки” стали базисные для государства социалистические ценности, такие как социально-учетная структура и институты, необходимые для ее поддержания (прописка, паспортный режим, система допусков к государственным секретам, и другое), что привело к деградации силовых структур государства и к последующему его распаду.

Вследствие ревизии основных социалистических ценностей административная торговля по поводу нормативов и объемов отчуждения/распределения и базисных социалистических ценностей перестала быть только элементом внутривластной жизни КПСС. Она легализовалась в идеологии и практике регионального хозрасчета и новых форм организации труда, альтернативных традиционным социалистическим в т.н. политической практике перестройки. В конечном счете это привело к политическому противостоянию между союзным Центром и почти всеми другими уровнями административно-территориальной и производственной иерархий. Противостояние закончилось административной сделкой между Россией, Украиной и Белоруссией, руководители которых решили минимизировать административные издержки торга за счет ликвидации одного -высшего - уровня иерархии советского административного рынка.

В России, наследовавшей СССР не только по внешнеэкономическим долгам, поиск ресурсов, необходимых для воспроизводства территориально-отраслевой системы отчуждения/распределения продолжался. Последний резерв был обнаружен в рынке, в капитализме, в деньгах. Освоение этого ресурса составило содержание постперестроечной жизни. В результате советский административный рынок трансформировался в российский, гораздо более богатый экономическими возможностями, но еще очень далекий от естественного рынка с его отделенностью от государства и от политики. На российском административном рынке предметами торга, в частности, стали государственные и политические реалии, на нем продается все, могущее

быть кем-то купленным, в том числе и то, что по общепринятым рыночным представлениям не может быть товаром - сама власть, например.

Постперестроечная экономическая система России остается административной по своей сути. Рубли и рублевое обращение, с подачи экономистов, пришедших в России к власти в конце 1991 года, стали выступать в роли административного рычага, заменившего почти все другие виды административной валюты, поскольку выпуск и исполнение указов Президента и законов (чистой административной валюты) были и остаются предметом ожесточенного торга между субъектами федерации и ветвями власти, минимизирующего их административную эффективность.

Целевая раздача “налички” и кредитов в течение 1992 - 1995 годов была весьма эффективным административным средством. Управление территориями, предприятиями и населением осуществляется в основном путем эмиссии рублей и через административно распределяемые льготные кредиты. Государственные институты, распределяющие льготные кредиты и эмитирующие рубли и их субституты (Центробанк, Минфин, Миннац и др.) стали в результате высокостатусными силовыми ведомствами. Получение рублевых кредитов стало предметом административного торга. Но выданные кредиты исчезают также бесследно, как горячее и строительные материалы 15 лет назад.

Можно сказать, что на постперестроечном административном рынке основным ресурсом стали “русские деньги”, в которых административная компонента доминирует на собственно финансовой и которые эмитируются Центром и распределяются им в пользу тех, кто в данный момент стал административно или политически опасен - армии, шахтеров или обиженного природой Приморья. “Русские деньги” - это не совсем деньги, скорее это новая административная валюта, обращение которой осуществляется по старым как социалистическое государство законам. В роли денег - как и десятилетие назад - выступает американский доллар.

Российское государство рассматривает финансовую стабилизацию прежде всего как политическое мероприятие, направленное на сохранение государства. И здесь его интенции поддерживаются международными финансовыми организациями, представляющие интересы тех агентов международных отношений, которые представляют себе, чем может обернуться для них дальнейшее ослабление российского государства и неизбежный тогда выход из под контроля элементов “неделимого наследия” СССР, таких как оружие массового поражения.

Доходы бюджета и кредиты международных организаций, предоставляемые России, конвертируются государством в “русские деньги”, используемые в административных целях. Государство распределяет “русские деньги” между предприятиями, территориями и группами граждан пропорционально их административному весу. Субъекты административного торга, поучаствовав в забастовках, демонстрациях протеста, голодовках и получив свою толику, тут же конвертируют “русские деньги” обратно в валюту и используют как сокровище - “в чулке” или в виде авуара в зарубежных банках. При этом естественно инфлируют и “русские деньги” и административные веса групп населения, предприятий и территорий. Военные, шахтеры, авиадиспетчеры, жители районов Крайнего Севера постепенно теряют свой выделенный социально-учетный статус, ранее дававший им право на льготный кусок государственного пирога.

Административный торг не ограничивается пределами номенклатуры, в нем принимают участие широкие народные массы, что было невозможно на советском административном рынке. Предприятия, организации, территории и граждане торгуются с государством по поводу размеров налогообложения, прав и обязанностей, дотаций, льгот, экспортно-импортных преференций, и всего остального. Не осталось, как представляется, ни одной ценности, которая не стала бы предметом торга между властью (или внутри власти), народом России, предстающим как совокупность заживших своей жизнью социально-учетных групп социалистического государства, и территориями,

предприятиями и отраслями народного хозяйства бывшего СССР, волею обстоятельств оказавшихся на территории России или в пределах ее не оторефлексированных интересов. Попытки государства определить ценности, не могущие быть предметом административного торга и харизматические государственные институты пока не дали результатов.

Государство пытается консолидироваться, опираясь прежде всего на монополию на эмиссию “русских денег”. При появлении конкурентов, таких как МММ, начавших эмиссию своих собственных денег, государство обрушивается на них всей мощью сохранившегося репрессивного аппарата. Одновременно оно пытается сконструировать идеологию, которая бы позволила зафиксировать сложившийся административный рынок как свое естественное состояние, называя его национальным государством, “нашим домом-Россией”.

Инфляция “русских денег”, как представляется, связана не с собственно монетарными механизмами, а с доминированием в национальной валюте административной компоненты. Она продолжится до тех пор, пока не станет исчезающе малой ее административная компонента (пока финансы не отделятся от государства), или - в худшем случае - пока административная компонента рубля не станет доминирующей. Последнее возможно при “замораживании” актуальных административно-рыночных отношений в стабильное государственно - политическое устройство, “новую сильную Россию”, которая не может быть ничем иным, кроме “СССР сегодня”.

Специфика постперестроечного административного рынка состоит в том, что он не тождественен государству, как это было ранее. Постперестроечное государство и административный рынок существуют в разных социальных пространствах. В государстве, в ветвях его власти пока доминируют “бывшие люди”, сохранившие менталитет советского административного рынка. Государство в лице этих деятелей пытается установить контроль за постперестроечным рынком, в то время как новый российский административный рынок стремится стать государством самим по себе. В этом смысле весьма показателен процесс передачи в траст банкам контрольных пакетов акций наиболее перспективных предприятий в обмен на кредитование части дефицита бюджета. Фактически государству предложено - вне зависимости от того, чем руководствовались банкиры самого первого банковского пула - обменять государственную административную валюту на реальные активы. Но, в то же время, банкиры хотят получить государственные гарантии своего существования. “Новые русские” чувствуют свою силу и уже демонстрируют ее государству, вступая с ним в административный торг.

Если тенденция к трансформации российского административного рынка в нормальный рынок сохранится, то главное богатство страны - сырье и образованные люди, имеющие огромный опыт работы на административном рынке, могут - при наиболее благоприятном исходе - конвертироваться в финансовые империи, где настоящие деньги будут делать настоящие деньги, лишь в минимальной степени загрязняя окружающую среду. А на деньги, как говорится, можно купить все необходимое стране, в том числе и социально-политическую стабильность. Но это только в том случае, если разбогатевшим “русским” удастся скоординировать свои политические действия и обеспечить начальные условия для самовоспроизведения. Если это произойдет, то полностью девальвируется административная компонента “русских денег” и они превратятся в “просто деньги”, что эквивалентно глубокой трансформации как государства (в его сегодняшнем виде), так и системы актуальных административно-рыночных отношений.

Тогда в предвидимом будущем Россия может превратиться в уникальное полигосударственное образование с развитым топливно-сырьевым комплексом, с эффективными и агрессивными финансовыми институтами, претендующими на существенную часть мирового финансового рынка, и с примитивным, но быстро

развивающимся сельским хозяйством. В ограниченных масштабах будут, наверное, развиваться перерабатывающие и машиностроительные производства, основанные на высоких технологиях. Большая часть гигантских сельхозпредприятий, заводов и фабрик - символов эпохи “догнать и перегнать” - исчезнут с экономической карты, но останутся на политической.

В случае благоприятного исхода рыночной трансформации весьма вероятно, что мировому финансовому рынку предстоят некоторые потрясения, связанные с появлением на нем “новых русских” с их свободными капиталами, умом, образованием и социализированностью в субкультурах, сформированных необходимостью выживания при социализме и при приватизации государства и его собственности, а также безошибочным ощущением того, что и где плохо лежит. Уже сейчас, когда в деньги “новых русских” обращено 5-10 процентов госсобственности, многие рынки мира почувствовали на себе бесцеремонность бывших физиков и инженеров, ставших банкирами и биржевыми спекулянтами, и пытаются ограничить их активность, создав миф о “русской мафии”. Можно представить, что произойдет в ближайшие годы, когда включится в коммерческий оборот основная часть госкапитала, а социалистические рантье (т. е. бывшие госбюджетники, начавшие по нужде спекуляции с ваучерами, а потом переключившиеся на другие ценные бумаги), набравшись опыта в школе МММ и подобных организаций, начнут операции с бумагами зарубежных институциональных и частных инвесторов. Возникающий сейчас мир транснациональных электронных сетей и взаиморасчетов в них представляет собой наиболее благоприятную среду для процветания неотягощенных традициями отечественных спекулянтов.

Но если российский административный рынок будет консолидироваться (к чему стремятся “товаропроизводители” и поддерживающие их политизированные представители нового российского “социального дна”), то роль административной компоненты “русских денег” будет сохраняться или даже возрастет, а количество ее видов множиться. В конечном счете, стремление к сохранению административной компоненты рубля может привести к латиноамериканизации власти и к диктату политических и административных амбиций над экономическими интересами и моральными ценностями. В этом случае пространство России за очень короткое время может превратиться в сырьевой придаток мировой экономики и всемирную свалку отходов, на которой иерархизированные группы нищих соцграждан будут делить отбросы развитых цивилизаций.

Однако вероятнее всего промежуточный вариант социальной динамики, при котором развитые финансовые центры России, такие как Москва, Нижний Новгород, Челябинск и Новосибирск будут окружены депрессивными регионами - свалками, контролируемые институтами административного рынка постперестроечного образца, что конечно не будет способствовать общей социальной стабильности в пространстве Евразии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ - НАЧАЛО 1997 ГОДА.

Основными структурообразующими компонентами административного рынка, если следовать реализованной выше логике, являются отраслевая структура производства, советское административно - территориальное деление и организационно оформленные в виде номенклатуры системы административных весов как институты согласования

интересов между отраслями и территориями. Отношения между этими компонентами в той или иной степени автоматически обеспечивают воспроизводство организационных и функциональных форм административного рыночного хозяйства, социальную структуру соответствующего общества и мифологемы, объясняющие почему существует именно такое распределение власти и собственности.

Распавшаяся вместе с СССР советская отраслевая структура производства в 1995 году начала почти самовоспроизвольно воссоздаваться. Многообразие организационных форм административно-рыночной деятельности, характерное для 1992-1993 годов постепенно упорядочивается. Финансовые структуры, сформировавшиеся на основе ресурсов, отчужденных у верхних уровней иерархии партийной власти, в ходе чековых залоговых аукционов приобрели контроль над наиболее мощными сырьевыми предприятиями и сформировали прототипы отраслей постперестроечной формы административного рынка (такие как Роспром, Онексимбанк, Интерхимпром). Появление корпораций такого рода означает оформление отраслевой структуры административно-рыночного пространства.

Не ставшие элементами новых корпораций) промышленные предприятия и многочисленные мелкие (особенно провинциальные) банки фактически вытеснены из легализованной экономики в теневую и криминальную сферы, где также интегрируются в теневые промышленно-финансовые группы, освоившими работу с наличными деньгами и денежными сурогатами.

Предприятия местной промышленности, в советские времена подведомственные исполкомам местных Советов, интегрировались в местные органы постсоветской власти, и сформировали необходимую для функционирования власти финансовую систему, основанную на наличном денежном обращении - «черном нале».

В отличие от отраслевой организации производства, административно-территориальная структура еще не приобрела законченную логику своего функционирования. Конфликты между уровнями административно - территориального деления России постепенно переходят из латентной формы в открытую. Противостояние между федеральными органами власти и субъектами федерации, выражающееся в частности в том, что области и республики не платят налоги в федеральный бюджет, настолько остро, что ставит под вопрос - по мнению самих государственных чиновников - само существование государства. Для принуждения субъектов федерации и других подразделений государственного устройства к соблюдению государственной дисциплины сделаны попытки создать жесткую вертикаль федеральной власти и применить репрессии: тому примером организация ВЧК и назначение главным мытарем министра внутренних дел.

В то же время, обостряется конфликт между областным и городским уровнями организации административно - рыночного пространства, принимающий форму противостояния между губернаторами областей и президентами республик, с одной стороны, и мэрами областных и республиканских столиц, с другой. Наиболее известные проявления конфликта - в Удмуртии, в Приморском крае, в Нижегородской области, в Хакасии. При этом мэры городов почти повсеместно пользуются поддержкой федеральных органов власти. Ситуация, приведшая к распаду СССР, повторяется.

В принципе, возможны два пути эволюции административно-территориального устройства: воссоздание жестких административных вертикалей одновременно с формированием координирующих органов управления на каждом уровне административно - территориальной иерархии с прямым подчинением одного координирующего органа другому, и второй путь - четкое разделение компетенций разных ветвей власти и формирование муниципального управления, т. е. вывод поселений всех типов из административно - рыночного пространства в

муниципальное и прекращение существования поселений как субъектов административного торга.

Естественно, что собственно административно-рыночная власть не может сложиться без жесткого определения статуса регионов. Поставленная бывшим главой администрации президента А. Чубайсом цель выстроить президентскую вертикаль успехом пока не увенчалась. Никаких координирующих органов управления ни на одном уровне, даже федеральном, пока не возникло. Совет безопасности, Совет Обороны, совещание «четверки» первых лиц исполнительной и законодательной ветвей власти не стали действующими координационными органами власти. Попытки создать органы местного самоуправления наталкиваются на противодействие губернаторов и президентов, реализующих на практике идеологию административно - рыночного устройства: отношения с федеральными органами власти они пытаются строить на принципах административного торга, в то время как отношения с ниже расположенными единицами административно - территориального устройства пытаются выстроить как чисто административные.

Исход чеченского конфликта и фактический переход Чечни из административно - рыночного пространства в политическое можно рассматривать как прецедент решения проблемы трансформации административно - территориального устройства России в естественное пространство политических и экономических отношений.

Система административных весов претерпела в 1994 - 1997 годы серьезные изменения. В середине 1996 года были ликвидированы аппаратно - президентский уровень и соответствующая форма деятельности, что можно интерпретировать как оформление структуры власти президентской республики (альтернативой было возникновение прямого президентского правления). Однако эта структура исполнительной власти оставалась громоздкой и по меньшей мере не способствовала решению многочисленных бюджетных проблем. Поэтому в начале 1997 года главой администрации президента Чубайсом была предпринята попытка радикально реорганизовать структуру исполнительной власти. В целом, структура исполнительной власти должна была обеспечить подчинение правительства и его аппарата администрации президента с передачей существенной части функций правительства под контроль доверенных лиц (команды) Чубайса.

Рисунок 67 Реконструкция модели исполнительной власти, которую предполагал реализовать Чубайс в феврале 1997 года

Форма деятельности уровень деятельности	Президентская 10	премьерская 9	аппаратно- президентская 8	вице-премьерская 7	министерская 6
президентский 10	Ельцин 100				
премьерский 9	Чубайс 90	Черномырдин 81			
аппаратно- президентский 8	советники президента 80	секретари СБ и С. О. 72	глава админи- страции президента 64		
вице-премьерский 7	вице-премьер 70	вице-премьер 63	вице-премьер 56	вице-премьер 49	
министерский 6	замы главы администрации министры президентского подчинения. Мэры столиц Глава ЦБ	министры премьерского подчинения 54	руководи-тели федеральных служб 48	министры 42	министры 36

Однако эта структурная революция не удалась, но в ходе нее создается уникальная ситуация, в которой основной конфликт (игра в «кто главнее») возникает в отношениях между премьерским и вице-премьерским уровнями и формами деятельности. Ранги премьерского и вице-премьерского уровней в сегодняшней ситуации могут меняться - в одних ситуациях вице-премьерский уровень будет старше премьерского, в то время как в других будет сохраняться нормативное старшинство. В частности ситуация старшинства вице-премьерского уровня представлена на рис. 69, из которого следует, что наивысшим административным весом обладает (кроме президента) первый вице-премьер Чубайс, в то время как другой первый вице-премьер оказывается лишенным собственной исполнительной вертикали. «Простые» вице-премьеры в этой ситуации приобретают вес премьерский административный вес, в то время как премьер низводится до уровня чиновника средней руки.

Естественно, что в аппаратной жизни реализуются оба варианта структуры административных весов одновременно, что означает лишь одно - существенно большая группа высших функционеров государства будет обладать сравнимыми и точно не определенными административными весами. В этой ситуации принятие решений будет сильно зависеть от количества чиновников, включенных в игру, то есть от размера консолидированной властной группы. Наличие команды (группы) у Чубайса определяет теперь его влияния на принятие решений, поэтому он так много внимания уделяет ее формированию.

Рисунок 68 Структура административных весов в исполнительной власти - конец марта 1997 года

вариант 1, при котором премьерский уровень старше вице-премьерского

Форма деятельности уровень деятельности	Президентская 10	премьерская 9	вице- премьерская 8	аппаратно- премьерская7	министерская 6	аппаратно- правитель- ственная 5
президентский 10	Ельцин 100	помощники президента 90	советники 80			
премьерский 9	Юмашев - Дьяченко 90	Черномырдин 81	секретари СБ и С. О. 72			
вице- премьерский 8	Чубайс 80	Немцов 72	Куликов, Кох, Уринсон, Серов, Булгак, Сысоев 64			
аппаратно- премьерский 7	первые зам главы администрации 70	руководитель комиссии по оперативным вопросам 63	руководи- тели комиссий 56	руководитель аппарата премьера 49		
министерский 6	замы главы администрации первые зам министра финансов, министры президентског о подчинения. Мэры столиц Глава ЦБ	министры премьерского подчинения 54	первые зам министров ВД, экономики, ГКИ, 48	министр- руководитель аппарата правительства 43	простые министры 36	

	60					
аппаратно-правительственный	начальники управлений администрации	начальники департаментов правительства	начальники департаментов правительства	начальники департаментов	начальники департаментов	начальники департаментов
5	50	45	40	35	30	

Рисунок 69

вариант , при котором вице-премьерский уровень старше премьерского

Форма деятельности уровень деятельности	Президентская 10	вице-премьерская 9	премьерская 8	аппаратно-премьерская	министерская 7	аппаратно-правительственная 6
президентский 10	Ельцин 100	советники 90	помощники 80			
вице-премьерский 9	Чубайс+, 90	Куликов, Кох, Уринсон, Серов, Булгак, Сысоев 81	Немцов 72			
премьерский 8	Юмашев 80	секретари СБ и СО 72	Черномырдин 64			
аппаратно-премьерский 7	первые зам главы администрации 70	руководители и комиссий 63	руководитель комиссии 56	руководитель аппарата премьера 49		
министерский 6	замы главы администрации, первые зам министра финансов, президентские министры 60	первые зам министров ВД, экономики, ГКИ, 54	министры премьерского подчинения 48	министр-руководитель аппарата правительства 43	простые министры 36	
аппаратно-правительственный 5	начальники управлений администрации 50	начальники департаментов правительства 40	начальники департаментов	начальники департаментов 35	начальники департаментов 30	начальники департаментов

В условиях, когда постсоветские отрасли -корпорации, регионы и общественная власть еще не оформились ни сами по себе, ни в отношениях между собой, продолжает развиваться функциональная структура административно-рыночного пространства. Криминальная иерархия функционального пространства (такое его представление, в котором руководители группировок имеют высшие ранги) в общественном сознании функционеров административного рынка приобрела практически тот же статус, что и официальная государственная. Мнения и интересы новых первых лиц при принятии решений учитываются в той же степени, что мнения и интересы руководителей криминальных группировок. Уже вполне оформились устойчивые группы постсоветских собственников, включающих в себя самые разные типы административно-рыночных деятелей, распоряжающихся и владеющих присвоенной у государства собственностью. То что ее часть, как правило, имеет криминальное или теневое происхождение затрудняет легализацию собственности в целом.

Однако далеко не вся «государственная» собственность еще разобрана. Государство в той или иной форме распоряжается примерно 30 процентами собственности. И это при том, что земельный передел еще не начался и собственность на землю так или иначе не оформлена на других, кроме государства, собственников. Проводимая государством политика финансовой стабилизации резко затормозила легальный (в той или иной форме) раздел собственности и зафиксировала в качестве собственников очень узкий круг функционеров административного рынка. В то же время, отчуждение у государства собственников и присвоение ее новыми поколениями деятелей административного рынка все-таки идет (особенно в провинции), но уже в нелегальных формах, что приводит к острой конкуренции между между легализованными и нелегализованными деятелями и проявляется в «борьбе между собой преступных кланов», росте «организованной преступности» и перманентных усилиях государства по борьбе с ней. На практике, однако, борьба государства с организованной преступностью означает действия силовых структур государства в пользу одной группы собственников - против другой группы, интерпретируемые выразителями постсоветского общественного мнения - публицистами как «коррупционированность» силовых структур.

В ходе торгов по определению статусов субъектов федерации и в практических действиях по региональным трансфертам формируется новое административно-территориальное деление. Дальнейшим шагом может формирование политических органов согласования интересов отраслей и регионов - функциональных аналогов бюро парткомитетов КПСС.

Социально - учетная структура социалистического государства надолго пережила само государство. Социально - учетные группы социалистического общества (пенсионеры и инвалиды, ветераны многочисленных войн и участники ликвидации чернойбыльской аварии, учителя и врачи, военные и шахтеры, крестьяне и ученые, и т. д.) активно участвуют в административном торге с федеральными и областными властями, требуя возвращения к тому уровню социальных гарантий, который им кажется естественным. Забастовки, голодовки, акции протеста, поддержка ретроградных политических партий и организаций - все направлено на то, чтобы обеспечить достижение идеалов социалистической социальной справедливости и уравнительного распределения согласно роли социально - учетных групп в функционировании государства.

Социально - учетные группы, которые в советское время были мертвыми конструкциями планирования и распределения, после смерти государства ожили и будут еще долго жить, обеспечивая политическую нестабильность - до тех пор, пока не вымрут носители социально - учетного мировоззрения, люди, определяющие себя в понятиях социального учета и статистики.

Областные и муниципальные власти тем или иным образом воспроизводят социально - учетную структуру социалистического общества, поддерживая административный режим, вводя эквиваленты института прописки (регистрации), трудового учета, а федеральная власть, лишенная ориентиров, пытается воссоздать институт номенклатуры, вводя табели о рангах, положения о государственной службе и прочие необходимые атрибуты административного торга. Тем самым, воспроизводятся основные институты административно - рыночной организации жизни, лишённые - по сегодняшним обстоятельствам - идеологической окраски и оттого совершенно бессмысленные. Для придания смысла административно - рыночным институтам, необходимым для воспроизводства государства, власть имущие стимулируют свою интеллигентскую службу разрабатывать «национальную идею», позволившую бы аксиологически и инструментально обосновать преемственность основополагающих социальных отношений в ряду «Российская империя - СССР - постперестроечная Россия».

Многообразные отношения между функционерами, диссидентами и обывателями приняли, как кажется, свою окончательную форму, в которой основным разделением является «публицисты - народ». Сформировались касты публицистов (обозревателей, ведущих телевизионных программ, и пр), различающихся по своему отношению к власти

в целом и к чиновникам, занимающим определенные административные и политические позиции.. Публицисты высказывают свои мнения в доступной власти и народу форме и тем самым оказывают влияние как на действия власти, так и на поведение народа. Народ делится на группы сообразно сферам влияния основных типов публицистов: читатели «Завтра» и «Итогов» имеют общим только просмотр телесериалов. Телесериалы и их интерпретации образуют общий культурный контекст сегодняшней России и создают необходимую степень социальной интеграции на символическом уровне.

Роль СМИ как государственного института, репрезентирующего мнение народа и его же формирующего окончательно оформилась в ходе президентских выборов 1996 года. СМИ сейчас интегрируют функции, которые ранее были закреплены отдельно за идеологическим отделом ЦК КПСС и Самиздатом и Тамиздатом: они воспроизводят - иногда в одном и том же тексте или высказывании телезвезды - стереотипы деревянного языка и его же отрицания языком истины. Естественно, что такая противоречивость иногда (и все чаще) снимается переходом на бытовой язык, на мат и его эквиваленты.

Постепенно сформировался новый язык российской социальной коммуникации, включающий в себя элементы языка истины, деревянного языка и бытового диалекта и позволяющий выражать мифологизированные состояния общественного сознания в терминах назначений и освобождений от должностей, участия и неучастия в акциях социального протеста и социальной поддержки действующей власти и претендующих на власть. Элементы бытового диалекта - мат и изображения ситуаций мата (русская порнуха и чернуха, рекламные ролики), а также термины фени - получили в быту и СМИ статус, сравнимый с элементами государственного языка (программами переустройства жизни, в частности) и элементами языка истины (критикой программ и практики переустройства жизни).

Однако новый русский язык еще не приобрел выразительных средств для обозначения реальных состояний и отношений, связанных с продолжающейся дележкой государственной собственности и освоением «украденных» (почти официальный термин банковского языка, обозначающий получение доверенным банком госбюджетных денег) ресурсов. Поэтому продолжается поток языковых заимствований, в основном из английского языка.

Социальное время постсоциалистического государства также претерпело незначительные изменения. Естественный процесс фрагментации и атомизации групп носителей мифологического сознания (коммунистов, прогрессистов, фундаменталистов и аппаратчиков) был прерван и в значительной степени инвертирован в ходе подготовки и проведения президентских и парламентских выборов. Электоральное поведение избирателей (как показывает сравнение расчетов итогов выборов, проведенный на основании предположения о том, что электоральное поведение определяется мифологической установкой) с реальными результатами, показал совпадение, далеко выходящее за рамки случайного- рис. 70

Можно предположить, что приращения электората Ельцина (по сравнению с расчетными данными) в первом туре президентских выборов - это потери Горбачева и Федорова, приращения электората Лебеда - потери Жириновского, Шаккума и Брынцалова, приращения электората Зюганова + Тулеева - потери Власова.

Результаты второго тура президентских выборов (Ельцин 53,82%, Зюганов 40,31%, против всех 4,83%) можно представить как прибавление Ельцину электората Лебеда и части электората Явлинского, в то время как электорат Жириновского и другая часть электората Явлинского поддержала Зюганова. Впрочем, это одна из многих возможных интерпретаций. Ясно одно - мобильными, т. е. поддающимися влиянию выборной пропаганды были не более чем 13 процентов избирателей. Можно предположить, что практически все избиратели, принимавшие участие в выборах, в той или иной мере разделяют социалистические мифологемы исторического времени, т. е. являются

носителями мифологического сознания с его жестким неприятием настоящего и инверсиями хорошего или плохого прошлого в плохое или хорошее будущее.

Рисунок 70 Сравнение итогов первого тура президентских выборов в реальными результатами

реальные		рассчетные	разница между реальными и расчетными результатами
0,2%	Власов	3,5	-3.3
0,37% 0,16%	Шаккум Брынцалов +	3.5	-3.1
0,51%	Горбачев	3	-2.5
0,92%	Федоров	3	-2.1
5,7%	Жириновский	10	-4.3
7,34%	Явлинский	8	-0.66
14,52%,	Лебедь	7.5	+7.02
32,03%,	Зюганов+ Тулеев	27.5	+4.43
35,28%,	Ельцин	34	+1.28
100	Итого	100 процентов	

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.

1. Азарх Э.Д. Кордонский С.Г. Социологическое содержание некоторых проблем здоровья и здравоохранения в исследовании уровня жизни населения. В "Опыт социологического исследования уровня жизни: методические аспекты" Новосибирск 1986
2. Арутюнян Ю. Социальная структура сельского населения. Москва 1971.
3. Берхин И.Б. Экономическая политика советского государства в первые годы советской власти. Москва 1979
4. Брежнев Л.И. Малая земля. Москва 1970
5. Бондарев Юрий
6. Боулдинг К. Общая теория систем - скелет науки // Исследования по общей теории систем. - М.: Прогресс, 1969 - с.106-124.
7. В.И. Ленин и ВЧК. Москва 1975
8. Ваганов Ф. Правый уклон в ВКП(б) и его разгром. Москва 1970
9. Вернадский В.И. Избранные труды по истории науки. - М.: Наука, 1981 - с.289.
10. Восленский М. Номенклатура Москва 1991
11. Веблен Т. Теория праздного класса. Москва 1984
12. Вылцан М.А. Депортация народов в годы Великой отечественной войны. Этнографическое обозрение 1995 3
13. Вышинский А. Я. Судебные речи. Москва 1953
14. Герцен А.И. Письма об изучении природы. - М.: Худ.лит., 1965 - с.305
15. Галковский Д. Русская политика и русская философия. Иное. том 3. Москва 1995
16. Гумилев Л. Этносфера: история людей и история природы. Ленинград 1991
17. Диалектический и исторический материализм. Москва 1934
18. Дзержинский Ф. Э. Избранные произведения. Том 1. Москва 1957
19. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. Москва 1991
20. Жувенель де Бертран Этика перераспределения Москва 1995
21. Заславская Т. Рывкина Р. Социология экономической жизни. Новосибирск 1991
22. Зиновьев Александр Зияющие высоты. Москва 1990 том 1-2
23. Гинзбург Л. Литература в поисках реальности. Ленинград 1987
24. Изменения социальной структуры советского общества. 1921-середина 30 годов. Москва 1979
25. Источник. Документы русской истории. Разделы "Подоплека событий. Версии" и "Старая площадь. Вестник архива Президента России". № 1-12, 1994-1996 годы.
26. Каганский В.Л. Советское пространство: конструкция, деструкция и трансформация// "Общественные науки", 1995, N 1-2.
27. Киш А. Социальная структура социалистического общества: мифы и реальность. Москва 1981
28. Клайн М. Математика. Утрата определенности. - М.: Мир, 1984 - с.446.
29. Корнай Я. Дефицит. Москва 1990
30. Кордонский С.Г. Система понятий, используемых для описания поведения животных // Групповое поведение животных: Докл. участников II Всесоюз. конф. по поведению животных. - М.: Наука, 1976 - с.240-243.
31. Кордонский С.Г. Таксоны и аналитические объекты как системы // Системный метод и современная наука. - Новосибирск: изд. НГУ, 1983 - с.141-150.
32. Кордонский С.Г. Способы формирования теоретических объектов разного типа. - Новосибирск: НЭТИ, 1983 - с.106-121. - Деп. в ИНИОН АН СССР 18.05.1984, N 16767.
33. Кордонский С.Г. Построение научной онтологии // Проблемы методологии науки. - Новосибирск: Наука, 1985 - с.111-124.
34. Кордонский С.Г. Знание о людях и понимание людей // Проблемы гуманитарного познания. - Новосибирск: Наука, 1986.
35. Кордонский С.Г. Исследовательские программы в биологии. Проблема соответствия парадигмальных представлений практике исследований // Методология исследовательских программ. - Новосибирск: Наука, 1987 - с.120-145.
36. Кордонский С.Г. Теневая экономика в теневом обществе "Пределы власти" #4 Москва 1994

37. Кордонский С.Г. Интеллигенция в роли национальной интеллектуальной элиты В "Пределы власти" № 1 Москва 1994
38. Кордонский С.Г. Социальная структура и механизм торможения. В "Постижение" Москва 1989
39. Кордонский С.Г. Вариант исчисления административных весов в исполнительской и представительской иерархиях власти. В "Кентавр" № 2-3 1995
40. Кордонский С.Г. Знание о людях и понимание людей В "Проблемы гуманитарного познания" Новосибирск 1986
41. Кордонский С. Г. Три мифа и четыре кита перестройки. В "Век XX и мир" № 4 1990
42. Кордонский С. Г. Сценарий игрек. "Век XX и мир" №3 1990
43. Кордонский С.Г. Принципы зоны. "Век XX и мир" №8 1989
44. Кордонский С. Г. Министерство правды "Век XX и мир" №2 1989
45. Кордонский С.Г. (Виктор Алтаев) Государственная безопасность. "Век XX и мир" № 8 1989
46. Кордонский С. Г. Партия и Советы. Возможные действия на локальных рынках. Вестник Постфактума. №% 4-10 августа 1990
47. Кузнецов И.Н. Компетенция высших органов власти и управления СССР. Москва 1969
48. Кургинян С. Русский вопрос и институт будущего. Иное том 2. Москва 1985
49. Крыжижановский С. Страны, которых нет. Москва 1994
50. Лакшин В. Читатель. Писатель. Критик. "Новый мир" № 12 1969
51. Лебедев А. Чаадаев. Москва 1966
52. Леви-Стросс К. Структурная антропология. Москва 1985
53. Львин Б.
54. Ленинизм и диалектика общественного развития. Москва 1970
55. Мамардашвили М. Закон инакомыслия. "Здесь и теперь" 1992 №1
56. Манин Ю.И. Доказуемое и недоказуемое. - М.: Сов. радио, 1979 - с.168.
57. Мейен С.В., Шрейдер Ю.А. Методологические аспекты теории классификации // Вопр. философии. - 1976 - N 12 - с.67-79.
58. Людвиг фон Мизес Социализм Москва 1994
59. Найшуль В. Высшая и последняя стадия социализма. "Погружение в трясину". Москва 1991
60. Найшуль В. О приватизации государственных обязательств. О современных концепциях рынка. "Вестник московской школы политических исследований" № 3 1995
61. Одиннадцатый съезд Российской коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. Москва 1922
62. Опыт словаря нового мышления. Москва 1989
63. Первый всесоюзный съезд советских писателей . Стенографический отчет. Москва ГиХЛ 1934
64. Паперный Владимир Культура 2 Артис Ан Арбор 1984
65. Партийная этика. Дискуссии 20 годов. Москва 1989
66. Практикум по советскому трудовому праву Москва. 1986
67. Программа коммунистической партии Советского Союза. Москва 1967.
68. Поппер К. Логика и рост научного знания. - М.: Прогресс, 1983 - с.605.
69. Политическая экономия. Учебник. Москва 1954
70. Попов В.П. Паспортная система в СССР (1932-1976) Социс № 8-9 1995
71. Разуваев В. Время удельных князей. "Свободная мысль" №4 1996
72. Радаев В. В. Шкаратан О.И. Социальная стратификация. Москва 1995
73. Раушендах В.
74. Россия сегодня. Политический портрет в документах 1991-1992. Москва 1993
75. Роговин В.З. Социальная политика в развитом социалистическом обществе. Москва 1980
76. Сводный список книг, подлежащих исключению из библиотек и книготорговой сети. Части 1-2. Москва 1961
77. Смелсер Н. Социология. Москва 1994
78. Сорокин П. Система социологии. тома 1-2. Москва 1991
79. Советское административное право. Управление социально-культурным строительством. Москва 1980
80. Советское административное право. Управление в области административно-политической деятельности. Москва 1979
81. Солженицын А. Один день из жизни Ивана Денисовича. Москва 1962.

82. Стреляный А. Поездки к матери. Москва 1991
83. Струмилин С.Г. На плановом фронте. Москва 1958
84. Сыроежин И. Планомерность. Планирование. План. Москва 1986
85. Телефонный справочник ЦК КПСС. Москва 1990
86. Франкфорт Г., Франкфорт Г.А., Уилсон Д., Якобсен Т. В преддверии философии. - М.: Наука, 1984 - с.236.
87. Френкель А., Бар-Хиллел И. Основания теории множеств. - М.: Мир, 1966 - с. 555.
88. Фрейд З. Я и ОНО // Хрестоматия по истории психологии. - М.: Изд-во МГУ, 1980 - с.184-210.
89. Швеков Г.В. Первый советский уголовный кодекс. Москва 1970
90. Шибутани Т. Социальная психология. Москва 1969
91. Щедровицкий Г.
92. Черников В. За завесой секретности или строительство 859. Озерск 1995
93. ХУ1 конференция всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. Москва 1929
94. У1 съезд Всесоюзной коммунистической партии-(б) Стенорафический отчет. Москва 1928

УКАЗАТЕЛЬ РИСУНКОВ.

Рисунок 1 Логика административно-территориального деления СССР	15
Рисунок 2 Административно-территориальное деление СССР в республиках с районным делением	16
Рисунок 3 Логика трансформации отношений между иерархизированными уровнями административно-территориального деления.	17
Рисунок 4 Отношения между	19
Рисунок 5 Логика трансформации бывших автономий СССР в республики в составе России и дальше.	20
Рисунок 6 Административно-территориальная структура России - области и края.	21
Рисунок 7 Административно-территориальная структура России. Республики в составе Федерации.	21
Рисунок 8 Список должностей на высшем уровне руководства СССР	24
Рисунок 9 Список должностей на уровне области (края).	29
Рисунок 10 Список должностей на уровне района и населенного пункта.	33
Рисунок 11 Административные веса в структуре политической власти (второй секретарский уровень старше рангом, чем зав. отдельский уровень).	36
Рисунок 12 Административные веса в политической ветви власти (зав. отдельский уровень старше второго секретарского уровня).	37
Рисунок 13 Административные веса в административной ветви власти	38
Рисунок 14 Коллегиальные формы принятия решений на разных уровнях (блоках) в ветвях власти.	41
Рисунок 15 Коллегиальные формы принятия решений между разными ветвями власти.	42
Рисунок 16. Отношения между низовыми статусами в иерархиях отраслевого управления.	57
Рисунок 18 Отношения между партаппаратом, отраслями, исполкомами Советов - "вид сверху"	65
Рисунок 19 Доперестроечная структура экономического пространства в иерархии	84
Рисунок 20 Номенклатурно-гражданское измерение.	86
Рисунок 21. Номенклатурно-теневое измерение.	88
Рисунок 22 Номенклатурно-криминальное измерение.	90
Рисунок 23 Гражданско-теневое измерение.	91
Рисунок 24 Гражданско-криминальное измерение.	92
Рисунок 25 Криминально-теневое измерение	94
Рисунок 26 Фрагмент структуры постперестроечного экономического пространства, возникший в отношениях между номенклатурно-гражданскими, гражданско-тевыми и криминально-тевыми уровнями и формами деятельности.	96
Рисунок 27 Постперестроечное экономическое пространство.	98
Рисунок 28. Номенклатурно-гражданское и номенклатурно-теневое измерения.	102
Рисунок 29 Номенклатурно-гражданское и номенклатурно-криминальное измерения.	103
Рисунок 30 Номенклатурно-гражданское и криминально-теневое измерения	104
Рисунок 31 Распределение функциональных мест и административных весов в иерархии исполнительной власти.	110
Рисунок 32 Вариант структуры административных весов в иерархии исполнительной власти, при котором премьерский уровень и форма деятельности старше рангом, чем аппаратно-президентские уровень и форма деятельности.	111
Рисунок 33 Структура административных весов в исполнительной власти при условии, что аппаратно-премьерский уровень и форма деятельности выше рангом, чем вице-премьерский уровень и форма деятельности	111
Рисунок 34 Представление об иерархии исполнительной власти, возникающее при отождествлении одноименных уровней и форм деятельности.	113
Рисунок 35 Схема обыденного представления о распределении административных весов при доминировании аппаратно-премьерского уровня и формы деятельности над вице-премьерскими уровнями и формами деятельности	113
Рисунок 36 Административные веса в представительской иерархии	117
Рисунок 37 Распределение административных весов в представительской иерархии, при предположении о том, что аппаратно-комитетские уровень и форма деятельности старше рангом, чем руководяще-партийная	119
Рисунок 38 Распределение административных весов в судебной власти.	120
Рисунок 39 Распределение административных весов в "четвертой" власти.	120
Рисунок 40 Распределение административных весов в "четвертой" власти в "спокойное" время.	121

Рисунок 41 Структура административных весов при варианте прямого президентского правления.	123
Рисунок 42 Административные веса, возможные в структуре исполнительной власти президентской республики.	124
Рисунок 43 Структура административных весов в представительской иерархии при переходе к президентской республике.	124
Рисунок 44 Административные веса в межгосударственных отношениях.	126
Рисунок 45 Административные веса в системе президентской власти в Соединенных Штатах Америки.	127
Рисунок 48 Идеальные объекты социальной структуры социалистического общества.	131
Рисунок 49 Структура диалектов доперестроечного языка, заданная их жанрами.	133
Рисунок 50 Перестроечные персонификации элементов социальной структуры.	137
Рисунок 51 Функционально-диссидентское измерение социальной структуры.	138
Рисунок 52 Диссидентско-обыденное измерение социальной структуры.	138
Рисунок 53 Функционально-обыденное измерение социальной структуры.	139
Рисунок 54 Постперестроечная социальная стратификация в России.	139
Рисунок 55 Иерархическое представление социальной стратификации, при котором высшей стратой являются государственные функционеры.	139
Рисунок 56 Иерархическое представление социальной стратификации, при котором высшей стратой являются ведущие публицисты.	140
Рисунок 57 Формальное представление структуры доперестроечного идеологического (мифологического) пространства.	146
Рисунок 58 Структура постперестроечного мифологического пространства.	150
Рисунок 59 Эскиз структуры предвыборного (1995 год) мифологического пространства.	154
Рисунок 60 Идеализированное расчетное распределение электората по результатам парламентских выборов 17 декабря 1995 года.	156
Рисунок 61 Объединение аппаратчиков с прогрессистами против коммунистов с фундаменталистами в ходе подготовки к президентским выборам.	157
Рисунок 62 Гипотетические итоги первого тура президентских выборов - как результат суммирования по столбцам матрицы рис 60	158
Рисунок 63 Возможный итог второго тура президентских выборов.	158
Рисунок 64 Вариант возможного итога второго тура президентских выборов-электораты распадаются пополам.	159
Рисунок 65. Структура пространства интеллигентности.	163
Рисунок 66 Структура авторско-критического торга	166
Рисунок 67 Структура авторско-потребительского торга	167
Рисунок 68 Структура потребительско-критического торга	167
Рисунок 69 Структура пространства интеллигентов-сектантов.	168